

А. Л. Махнырёв

Куда дул ветер ХРУЩЁВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»?

**Взгляд в зеркала
двух исторических юбилеев**

А. Л. Махнырёв

***Куда дул ветер
хрущёвской «оттепели»?***

**Взгляд в зеркала
двух исторических юбилеев**

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2020

УДК 94(470-25)
ББК 63.3(2)622.72
М 36

М 36 Махнырёв А. Л.

Куда дул ветер хрущёвской «оттепели»? Взгляд в зеркала двух исторических юбилеев — М.; СПб.: Нестор-История, 2020. — 280 с., ил.

ISBN 978-5-4469-1802-7

Новая книга историка Антона Леонидовича Махнырёва — завершение своеобразной научной трилогии, начатой работой «800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы» и продолженной в исследовании «30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции?». Автор, как и в предыдущих своих работах, привлекая огромный корпус архивных материалов, многие из которых впервые вводятся им в научный оборот, всматривается в празднования крупнейших исторических юбилеев послевоенного двадцатилетия как в зеркала для своего времени. В данном случае исследуемыми юбилеями становятся празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией (1954) и 150-летия Отечественной войны 1812 г. (1962). Историк показывает, какие удары были нанесены при Хрущёве в борьбе с культом личности Сталина по сталинской модели празднования исторических юбилеев и дает ответ на вопрос: «Куда дул ветер хрущёвской „оттепели“?»

Издание адресовано историкам, политологам, культурологам, преподавателям высшей и средней школы, аспирантам и студентам, обучающимся по общественным и гуманитарным специальностям, а также всем тем, кто серьезно стремится разобраться в исторических процессах, происходивших в нашей стране в советскую эпоху.

ISBN 978-5-4469-1802-7

© А. Л. Махнырёв, 2020

© Издательство «Нестор-История», 2020

Дорогому отцу
Леониду Васильевичу Махнырёву
посвящается эта книга

Содержание

От автора	5
Введение.....	8

Глава первая. Зеркало первое

Празднование 300-летия воссоединения Украины с Россией	25
§ 1. Процесс организации торжеств и политический контекст	25
§ 2. Формирование юбилейной идеологической концепции в программных текстах	60
§ 3. Политико-идеологическое содержание юбилейных мероприятий	69
§ 4. Общественные настроения по поводу празднования юбилея	102
§ 5. Проблемы увековечивания памяти о юбилее	117

Глава вторая. Зеркало второе

Празднование 150-летия Отечественной войны 1812 года.....	139
§ 1. Процесс организации торжеств и политический контекст	139
§ 2. Формирование юбилейной идеологической концепции в программных текстах	154
§ 3. Политико-идеологическое содержание юбилейных мероприятий	167
§ 4. Общественные настроения по поводу празднования юбилея	193
§ 5. Проблемы увековечивания памяти о юбилее	200
 Заключение	 225
 Послесловие	 241
 Примечания.....	 247

ОТ АВТОРА

Юбилей исторических событий... Отмечая их, люди, всматриваясь в прошлое, иногда далекое, из своего настоящего, «передают» этому прошлому черты из жизни сегодняшнего дня, рассматривают значимость событий истории с позиций своего времени. Исследование празднования исторических юбилеев интересно не только (и не столько!) с позиций соотношения реальности прошлого созданного образов событий, героев в памяти с помощью коммеморативных практик, сколько с той точки зрения, что позволяет увидеть то, *как* в сконструированном самими людьми так называемом юбилейном зеркале при определенно «выставленном свете» идеологических «прожекторов» отражается лик той власти, того общества — и шире — того времени, когда юбилей был отпразднован...

Эти мысли не покидают меня последние десять лет: и когда я, будучи студентом Московского городского педагогического университета, занимался написанием дипломной работы «Празднование 800-летие города Москвы как явление в общественно-политической и культурной жизни страны», и потом, в годы работы над кандидатской диссертацией «Роль и место исторических юбилеев в общественно-политической жизни СССР (1945–1964 гг.)», защищенной в стенах родного университета 9 июня 2015 г. Постепенно расширялись хронологические рамки исследования (ими стало послевоенное двадцатилетие: периоды позднего сталинизма и период, который принято называть хрущевской оттепелью, хотя сам хрущевский период намного шире данной метафоры, поэтому слово «оттепель» мною заключено в названии и тексте данной книги в кавычки). Расширился и круг рассматриваемых юбилеев: в него вошли 300-летие воссоединения Украины с Россией (1954), 150-летие Отечественной войны 1812 г. (1962), а также 30- и 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции (1947 и 1957 гг.)

Данную книгу можно считать не только в хронологическом, но и в идейном плане продолжением и завершением двух моих предыдущих книг: «800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы», вышедшей в 2017 г., а также «30 и 40 лет Великого Октяб-ря: что отразилось в зеркалах юбилеев революции?», увидевшей свет в 2019 г.

Несколько слов об **актуальности** данной работы. В современной исторической науке имеет место запрос на исследование общественно-политических процессов, идеологических трансформаций во всей их сложности, происходивших в хрущевскую «оттепель» (1953–1964) — одну из развилек советской истории, время, наступившее после смерти И. В. Сталина и имевшее большое значение для последующей судьбы СССР, России, ее отношений с соседями на постсоветском пространстве. Так, научная разработка вопросов, связанных с украиноцентричной политикой Москвы (как только частный случай — передача Крыма Украине из состава РСФСР!), а также сюжетов нового пробуждения украинского национального самосознания и украинского национализма вокруг празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией, имеет большую актуальность в свете политики современной Украины, являющей все более выраженный националистический характер, а также в свете конфликта между Украиной и Россией вокруг Крыма после его возвращения в 2014 г. в состав последней.

В настоящей книге мы посмотрим на хрущевское время в зеркало уже не 40-летия Великого Октября (как это делали в предыдущей книге), а в зеркало юбилеев событий из дореволюционной истории: 300-летия воссоединения Украины с Россией и 150-летия Отечественной войны 1812 г.

Надеюсь, как представление читателю критической массы фактов (порой, казалось бы, и малозначительных самих по себе!), так и само «юбилейное зеркало» (а пожалуй, и увеличительное стекло) позволят увидеть сфокусированным взглядом те черты — а иногда и черточки — в лике хрущевского периода, которые оставались не всегда заметными при общем рассмотрении данного десятилетия советской эпохи. Ведь, как говорится, дьявол кроется в деталях...

В конце книги мы сформулируем свой ответ на вопрос, поставленный в ее заглавии: «Куда дул ветер хрущёвской „оттепели“?»

* * *

Автор выражает глубокую признательность за поддержку и помощь в научных изысканиях, а также высокую оценку научной работы научному руководителю кандидатской диссертации кандида-

ту исторических наук, профессору В. В. Кириллову, рецензентам диссертации доктору исторических наук, профессору Н. И. Музафаровой, кандидату исторических наук, доценту О. А. Сухоруковой (сотрудники Московского городского педагогического университета); доктору исторических наук, профессору М. Р. Зезиной (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации), доктору исторических наук, профессору С. В. Девятову (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова), кандидату исторических наук, доценту, Заслуженному учителю РФ М. Н. Черновой; многочисленным сотрудникам Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива кинофотодокументов, подразделений Центрального государственного архива Москвы, Научно-ведомственного архива Государственного исторического музея, Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки, а также всем тем преподавателям, которые советом и своим личным примером учили меня научному ремеслу историка.

Книга посвящается человеку, привившему мне любовь к истории, всегда словом и делом поддерживающему меня, живо интересующемуся моими работами, охотно делящемуся своим мнением о них, — моему дорогому отцу, Леониду Васильевичу Махнырёву.

Антон Леонидович Махнырёв

ВВЕДЕНИЕ

Прежде всего, нам следует пояснить, почему наш взгляд упал именно на празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией и 150-летия Отечественной войны 1812 г. как те исторические юбилеи, через исследование которых мы будем смотреть на хрущевскую «оттепель». Дело в том, что выборка исторических юбилеев для исследования обусловлена сочетанием трех критериев:

- 1) законодательной установленности периодичности празднования даты — через 50 лет — Центральным Комитетом ВКП(б)–КПСС и/или Советом Народных Комиссаров / Советом Министров СССР (Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 апреля 1941 г., ЦК КПСС и СМ СССР от 10 мая 1956 г. «О порядке празднования юбилеев» и «О наведении порядка в праздновании юбилеев» от 12 декабря 1958 г.);
- 2) осуществления подготовительных мероприятий, развертывания пропаганды и проведения главных торжеств не только в столице СССР — Москве, но и по всей стране;
- 3) присутствия на главных торжествах руководителей Партии и Правительства.

К тому же годы празднования выбранных для нашего исследования юбилеев (1954 г. и 1962 г. соответственно) как раз позволяют посмотреть период хрущевской «оттепели» на разных стадиях — в ее начале и ближе к концу и наглядно увидеть то, *«от чего ушли и к чему пришли»*.

Историография рассматриваемых нами исторических юбилеев не отличается обширностью.

300-летие воссоединения Украины с Россией упоминается в основном в контексте полемики по вопросу об экономических и политических мотивах передачи Крыма из состава РСФСР в УССР в связи политико-правовым спором между суверенными Россией и Украиной, начавшимся после распада СССР в 1991 г. и обострившимся после возвращения Крыма по результатам референдума в состав России в 2014 г. Одни исследователи объясняют передачу Крыма экономическими мотивами, обусловленными удобством организации строительства Северо-Крымского канала только через территорию УССР¹, либо связанными с наличием возможности

силами Украины поднять из послевоенной разрухи сельское хозяйство Крыма и большей эффективностью управления хозяйством Крыма из Киева². Однако многие историки, в том числе крупные специалисты по данному периоду А. В. Пыжиков³, А. И. Вдовин⁴, историк О. В. Волобуев в вышедшей в 2018 г. фундаментальной коллективной монографии «История Крыма»⁵, отмечают, что передача Крыма была политическим «подарком», сделанным в расчете на поддержку Хрущёва в борьбе за власть со стороны влиятельной партийной номенклатуры Украины.

Историки указывают на то, что сами юбилейные торжества были только поводом для акта передачи Крыма, который представлялся воплощением братства народов. Особо отметим, что А. И. Вдовин в своей монографии «Русская нация в XX веке (русское, советское, российское в этнополитической истории России)» в свете «крымской» инициативы Хрущёва анализирует «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией». Украинский историк Г. В. Касьянов и российский историк А. И. Миллер в своих диалогах о том, «как пишется история отношений „Россия — Украина“», сосредотачивают свое внимание в связи с рассматриваемым нами юбилеем, прежде всего, на преподнесении в советском нарративе образа Богдана Хмельницкого, сопоставляя его с дореволюционной официальной трактовкой⁶.

Завершая обзор работ отечественных историков, так или иначе связанных с празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией, отметим, что в некоторых из них присутствует попытка исследовать региональный компонент торжеств (например, их проведение в Курской области⁷).

Исследование празднования 150-летия войны 1812 г. остается в тени 100-летнего юбилея войны. Даже в энциклопедии «Отечественная война 1812 года», вышедшей к ее 200-летию юбилею, рассматриваемому нами событию не было посвящено статьи. Данный юбилей упоминается обычно в связи с увековечиванием памяти войны 1812 г. в Москве, особенно с историей монумента М. И. Кутузову, где авторы лишь касаются политико-идеологического содержания юбилея⁸. На данном фоне выделяются работы О. В. и В. Н. Фёдоровых, в которых — хотя и на локальном уровне (Бородинского музея) — представлен процесс подготовки и

проведения юбилейных торжеств⁹. Попытка осветить более широко вопросы мемориализации Отечественной войны 1812 г., в том числе в рамках празднования ее 150-летия (хотя, опять же, в меньшей степени, чем 100-летия войны), была предпринята в коллективной монографии «Отечественная война 1812 года в культурной памяти России»¹⁰, а также в работе А. В. Бушкова «Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года»¹¹.

На данном фоне, безусловно, выделяется статья Т. А. Сабуровой и Н. И. Родигиной «150-летний юбилей Отечественной войны 1812 года в СССР: практики коммеморации», в которой авторы предприняли достаточно серьезную попытку рассмотреть трансляцию идеологии о войне 1812 г. как о народной войне, противостоянии «мирного народа и врага агрессора», а также исследовать формы представления обществу образов героев той войны. Новой чертой в данной работе стало обращение исследователей к теме преподнесения образа Отечественной войны 1812 г. детской аудитории. В заключение авторы приходят к выводу о том, что при праздновании юбилея войны 1812 г. присутствовали как «стремление опереться на героические образцы славного прошлого для укрепления политической и социальной солидарности», так и «необходимость разрыва с отдельными элементами полученного наследства (в том числе сталинским мифом о войне)»¹².

Несмотря на вышесказанное, празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией и 150-летия Отечественной войны 1812 г. даже не упомянуты в работах российских историков, изучающих хрущевский период, причем и в тех из них, где, казалось бы, сама тематика исследования не должна позволять упустить такие крупные события, как например, в книге очерков М. М. Гершзона «Закат Сталина и Оттепель: управление культурой в СССР в 1950-х — начале 1960-х гг.»¹³ или в фундаментальной коллективной монографии под редакцией В. В. Журавлёва «Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991 г.)»¹⁴.

В зарубежной историографии советской праздничной культуры исследователи¹⁵ сосредотачивали свое внимание прежде всего на особенностях подготовки и проведения торжеств в рамках процесса становления модели массового советского праздника в довоенный период. По мнению немецкого историка М. Рольфа, прак-

тика проведения советских праздников «красного календаря» добавлением новых юбилейных и памятных дат в целом сохранялась и в послевоенное время, подвергнувшись десталинизации и испытав на себе рост тенденции децентрализации (регионализации) при Хрущёве.

Среди зарубежных исследователей рассматриваемой проблематики показательна монография американского историка Д. Л. Бранденбергера¹⁶. Он прослеживает идеологическую трансформацию в пропаганде и советской массовой культуре (в том числе через юбилейные торжества) от интернационализма к так называемому руссоцентризму и даже к национал-большевизму (с частичной реабилитацией дореволюционной истории) с середины 1930-х гг., а затем частичный возврат к интернационализму в период «оттепели» — возобновление пропаганды дружбы народов и неэтнического, «всесоюзного» чувства идентичности.

Говоря о зарубежных работах, посвященных рассматриваемым в нашем исследовании юбилеям, отметим, что фактически официальная позиция украинских историков в постсоветский период (без учета ее крайне политизированных ультранационалистических вариантов) по вопросу идеологии «300-летия воссоединения», по крайней мере, до «второго майдана» 2013–2014 гг., нашла отражение во втором томе «Советский проект для Украины», а также коллективной монографии «Украина и Россия в исторической ретроспективе»¹⁷. В нем идеологическое содержание юбилея Переяславской рады получило следующую оценку: «Присоединение Украины к России в 1654 г. со всеми его плюсами и минусами, трактованное как „воссоединение“, торжество исторической справедливости, на самом деле оказалось торжеством российской великодержавной идеи»¹⁸.

Интересной работой, касающейся сюжета о юбилее «воссоединения», является исследование канадского историка украинского происхождения С. Екельчика «Империя памяти. Российско-украинские отношения в советском историческом воображении»¹⁹, посвященное формированию и эволюции государственной политики памяти во времена правления И. В. Сталина. Автор оценивает публикацию «Тезисов о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654–1954)» как завершение третьего этапа наслоения риторики

классовой борьбы на скелет в целом готовой модели национальной истории, когда постепенно, с восстановлением российского имперского нарратива, акцент сместился на постоянное подчеркивание руководящей роли русской нации в Советском Союзе и на изображение досоветского прошлого других национальностей СССР как постепенной реализации «извечного» стремления к «воссоединению» с Россией²⁰. Представляет большой научный интерес следующее утверждение С. Екельчика: «И хотя украинские бюрократы время от времени подавляли „националистические уклоны“ в науке и культуре вплоть до конца восьмидесятых годов, их взгляды на украинскую национальную память были очень неоднозначными. Этничность оставалась главной категорией советской политической таксономии, поэтому исторические нарративы послевоенного периода по сути своей были „национальными историями“, замаскированными поверхностной классовой риторикой в имперский метанаратив»²¹.

В целом зарубежные исследователи рассматривают советскую праздничную культуру как явление, сложившееся до войны, и поэтому не уделяют внимания исследованию места исторических юбилеев в контексте общественно-политических процессов хрущевской «оттепели».

Таким образом, можно говорить о расширении исследования проблематики в изучении исторических юбилеев за постсоветские годы. Историки, вводя в научный оборот новые источники, пытаются рассмотреть юбилеи в контексте эпохи, определить различное политико-идеологическое влияние на интерпретацию истории и т.д. Однако не имеет серьезной научной разработки исследование вопросов организации торжеств, формирования идеологической концепции, политико-идеологического содержания, общественных настроений по поводу юбилеев, политико-идеологического влияния на процесс увековечивания памяти в его разных формах.

Подводя итог историографическому обзору, можно констатировать то, что в научных работах так и не получила комплексного и системного исследования проблема роли и места празднования исторических юбилеев 300-летия воссоединения Украины с Россией и 150-летия Отечественной войны 1812 г. в процессах общественно-политической жизни своего времени. Такие масштабные

события остались, по существу, не вписанными в контекст хрущевского периода в истории СССР. Настоящая работа призвана восполнить обозначенный пробел.

Необходимо остановиться и на вопросе об **источниковой базе** настоящего исследования.

Неопубликованные источники, составляющие основу исследования, представлены материалами из архивных фондов.

Прежде всего, это корпус делопроизводственной переписки из фондов государственных органов — Совета Министров СССР (Ф. Р- 5446), Совета Министров РСФСР (Ф. А- 259), Верховного Совета РСФСР (Ф. А- 385), Министерства культуры РСФСР (Ф. А- 501), из Государственного архива РФ (ГА РФ); руководящих партийных органов ЦК КПСС — Президиума ЦК (название Политбюро ЦК в рассматриваемые годы – Ф. 3), Секретариата (Ф. 4) и аппарата ЦК (Ф. 5): общего отдела (Оп. 30), отдела пропаганды и агитации (Оп. 16), отдела пропаганды и агитации по союзным республикам (Оп. 33), отдела науки и культуры за 1954 г. (Оп. 17), отдела культуры за 1962 г. (Оп. 36); а также личных фондов Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущёва (Ф. 52), Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева (Ф. 80), «идеологического» секретаря ЦК М. А. Суслова (Ф. 81), заведующего Канцелярией Президиума ЦК, затем общим отделом ЦК помощника Г. М. Маленкова Д. Н. Суханова (Ф. 99) из Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ); фондов Центрального Комитета ВКП(б)-КПСС (Ф. 17), а именно его Управления пропаганды и агитации (Ф. 17. Оп. 125), а также личных фондов: заместителя Председателя Совета Министров СССР В. М. Молотова (Ф. 82), секретаря ЦК, Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова (Ф. 83) начальника Главного политического управления Красной Армии, секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова (Ф. 88) из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ); региональных партийных органов — Московского городского комитета ВКП(б) — КПСС (Ф. П-4), Советского райкома Москвы (Ф. П-83), советских органов (структур Мосгорисполкома): Главных управлений народного образования (Ф. Р-528) и культуры (Ф. Р-429) Мосгорисполкома из Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы). Разнообразные

организационно-распорядительные и отчетно-информационные документы — постановления, протоколы и стенограммы, докладные записки, планы, отчеты, стенограммы выступлений, записи на заседаниях в ЦК и др. — позволяют проследить влияние внутри- и внешнеполитических факторов на ход процесса организации главных юбилейных торжеств, на проблемы в идеологическом наполнении пропагандистских мероприятий по стране в целом и в Москве в частности. (В случае с 300-летием воссоединения Украины с Россией некоторые документы из отдельных перечисленных фондов относятся к 1943–1944 гг. и связаны с контекстом, в котором предпринималась попытка отпраздновать 290-летие Переяславской Рады.)

Документы общественных организаций, СМИ (радио, органов печати), музеев и выставочных залов, хранящиеся в фондах ГА РФ — Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) (Ф. Р- 5283), Гостелерадио СССР (Ф. Р- 6903), газеты «Известия» (Ф. Р- 1244), Государственного литературного музея Министерства культуры РСФСР (Ф. А- 629), а также материалы Малоярославецкого- военно-исторического музея (г. Малоярославец Калужской области) из фонда Научно-исследовательского института культуры Министерства культуры РСФСР (Ф. 10010); в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ): киностудии «Мосфильм» (Ф. 2453), Московской киностудии научно-популярных фильмов (Ф. 2920), издательства «Советский художник» (Ф. 2486); в собрании ЦГА Москвы — фонды Музея-панорамы «Бородинская битва» (Ф Р- 2931), Центрального выставочного зала «Манеж» (Ф. Р- 791), Музея истории и реконструкции Москвы (Ф. Р- 2411) — позволяют исследовать отражение юбилейного содержания в различных формах пропаганды и популяризации.

Особое место в комплексе архивных материалов занимают «информации» партийных органов в ЦК об откликах трудящихся на юбилеи в фонде общего отдела ЦК КПСС (Ф. 5. Оп. 30) в РГАНИ. Социальный состав «откликнувшихся» сбалансирован: представлены рабочие, колхозники, служащие, интеллигенция. «Информации» не публиковались и содержали как одобрительные, так и отдельные негативные отклики. Из бюрократических сообра-

жений упоминание о негативных откликах нередко минимизировалось, а иногда и отсутствовало, что позволяет лишь частично представить палитру настроений по поводу юбилеев.

Личное отношение к юбилейным торжествам в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией в его сопоставлении с содержанием официальной пропаганды отражает письмо знаменитого партизана, Героя Советского Союза П. П. Вершигоры в редакцию газеты «Правда» из отдела науки и культуры ЦК КПСС (Ф. 5. Оп. 17) в фондах РГАНИ, а также письма граждан с идеологическими и историческими вопросами в редакцию журнала «Коммунист» (Ф. 599) из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Интересной с целью выявления некоторых черт общественного мнения по поводу празднования данного юбилея является подборка «Обращения, статьи и другие материалы из украинской националистической прессы по вопросу 300-летия воссоединения Украины с Россией», хранящаяся в фонде Славянского комитета СССР (Ф. Р- 6646) в ГА РФ. Взгляд непримиримой по отношению к СССР части эмиграции на 150-летие Отечественной войны 1812 г. частично отразился в статьях «издания представительства российских эмигрантов в Венецуэле» (сохранена орфография источника), рукописного «Юбилейного сборника, посвященного 150-летию Великой Отечественной войны. 1812–1962 гг.». Данный сборник сохранился в ГА РФ, в личном фонде журналиста Н. А. Троицкого (Ф. 10015), в прошлом — участника Русской освободительной армии генерала А. А. Власова, затем ставшего первым директором созданного в 1950 г. Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР. Историком будут любопытны для создания палитры общественных настроений и отклики зрителей комедии Э. А. Рязанова «Гусарская баллада», приуроченной к юбилею 1812 г., сохранившиеся в письмах к автору сценария фильма А. К. Гладкову в его личном фонде (Ф. 2590) в РГАЛИ.

Дополнительные сведения о настроениях по поводу юбилеев позволяет получить исследование записей в книгах отзывов посетителей Исторического музея в Оп. 1 Научно-ведомственного архива Государственного исторического музея (НВА ГИМ), фондах музея истории и реконструкции Москвы (Ф. Р- 2411) и Музея-панорамы

«Бородинская битва» (Ф. Р- 2931) в ЦГА Москвы; павильонов РСФСР и Украинской ССР на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ) от посетителей (в том числе групп) со всего СССР — рабочих, гражданских и военных служащих, колхозников, представителей интеллигенции, студентов, школьников — в материалах, хранящихся в фонде ВСХВ (Ф. 7857) в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ).

Процесс архитектурного и монументального увековечивания памяти юбилеев в столице СССР отразился в документах из фондов Союза архитекторов СССР (Ф. 674), Союза художников СССР (Ф. 2082) и его Московского отделения (Ф. 2466), Всесоюзного художественно-производственного объединения (Ф. 2458) в РГАЛИ, фонда Главного архитектурно-планировочного управления г. Москвы в ЦГА Москвы (Ф. Р- 534).

Опубликованные источники исследования можно подразделить на следующие группы.

Первая группа представлена делопроизводственными материалами, которые раскрывают ход процесса подготовки юбилейных мероприятий.

Вторую группу источников составляют программные (концептуальные) тексты юбилеев в различных жанрах²²: прежде всего, Постановление ЦК КПСС о праздновании 300-летия воссоединения Украины с Россией (изложение в сообщении «Правды» «В Центральном Комитете КПСС, в Совете Министров Союза СССР, Президиуме Верховного Совета СССР»), «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654–1954)», доклад члена-корреспондента Академии наук СССР В. М. Хвостова на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов. Эти тексты, служившие каноном памяти для формирования содержания различных форм коммеморации, дают возможность исследовать основы идеологических концепций юбилеев.

Третья группа — юбилейные материалы. Научно-популярные, пропагандистские, публицистические, литературно-художественные, учебно-методические, справочные материалы, каталоги выставок в виде отдельных изданий и публикаций в периодической печати (газетах и журналах) позволяют выявить особенности и тенденции в политико-идеологическом содержании юбилеев.

Четвертую группу составляет обширный пласт информационно-новостных материалов (сообщений и сводок ТАСС — Телеграфного агентства Советского Союза, заметок) в газетной (центральной и региональной) и в журнальной периодике 1954 и 1962 гг., дающих ценные сведения о подготовке и проведении различных пропагандистских и популяризационных юбилейных мероприятий и самих главных торжеств (заседаний, парадов, демонстраций, народных гуляний и др.), а также о характере их освещения в печати.

Пятая группа источников — материалы личного происхождения: дневники представителей интеллигенции, учащихся, военнослужащих, рабочего класса с записями по поводу подготовки и проведения празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией²³, а также письма, среди которых хочется особо отметить дневник историка академика АН СССР М. В. Нечкиной с записями о ее подготовке статей к 150-летию Отечественной войны 1812 г.²⁴, а также письмо на имя Н. С. Хрущёва от доктора исторических наук, профессора, историка С. М. Дубровского, генерал-майора в отставке С. И. Петриковского (фамилия так дана в автографе первоисточника, в журнальной публикации документа — С. И. Петровского)²⁵ и инженер-полковника в отставке И. М. Данишевского по поводу идейного содержания подготовки к 150-летию Отечественной войны 1812 г. и планируемого к установке памятника М. И. Кутузову в Москве.

Шестую группу источников представляют кинодокументы: фильм «Навеки с русским народом» (1954), выпуски киножурналов «Новости дня», «Ленинградской кинохроники», «Наш край» «Советский спорт» (1954, 1962 гг.) показывающие образ юбилеев в кинопропаганде; фотодокументы, запечатлевшие торжества.

Седьмая группа — изобразительные материалы: плакаты, афиши кинофильмов, а также изображения форм увековечивания памяти — монументов, медалей, марок, значков, образно-символическими средствами выражающие идеологическое содержание юбилеев.

Таким образом, круг источников, содержащих сведения о процессах подготовки и проведения юбилейных мероприятий, а также общественных настроениях по поводу них, достаточно широк и разнообразен. Корпус архивных и опубликованных источников позволяет решить задачи исследования.

Структура данного исследования обусловлена представлением об исследуемых исторических юбилеях как зеркалах, через которые будут рассмотрены черты хрущевской оттепели. В каждой из двух глав, представляющих один юбилей как зеркало, в соответствующих параграфах будут последовательно рассмотрены следующие вопросы:

- процесс организации исторических юбилеев и политический контекст;
- формирование и трансформации юбилейных идеологических концепций;
- новые политико-идеологические тенденции в юбилейном со-
держании (в различных формах коммеморации);
- сложность палитры народных настроений по поводу юбилея;
- проблемы увековечивания памяти события (в фокусе нашего
внимания будет политико-идеологический аспект данных
проблем).

разделе «Заключение», подводя итоги исследования, мы осветим как конкретную роль каждого рассмотренного нами исторического юбилея, так и их общую роль в общественно-политической жизни СССР периода хрущевской оттепели и уже на основании этого ответим на поставленный в заглавии книги вопрос: «Куда дул ветер хрущевской „оттепели“?»

* * *

Прежде чем перейти к рассмотрению хрущевской «оттепели», необходимо определиться с тем политико-идеологическим фоном, который сложился к ее началу, т. е. в сталинскую эпоху.

К середине 1930-х гг. надежды на скорую мировую революцию окончательно провалились. В СССР активно проводился курс на построение социализма в отдельно взятой стране в условиях ожидания грядущей войны против страны Советов со стороны капиталистического Запада, где в Германии с 1933 г. установился яростно антикоммунистический нацистский режим, а Европа стремительно фашизируется. В ней классовой борьбе противопоставляются идеи национальной солидарности и даже национального превосходства. Идеологическая и культурная политика СССР под руководством

Сталина начинает вслед за политикой в других сферах достаточно стремительно менять приоритеты. Началось смещение акцента с идеи пролетарского интернационализма к идеям государственного патриотизма, от рассмотрения истории исключительно в свете классовой борьбы, приближения «мировой коммуны» с жестким неприятием дореволюционного прошлого — к усилению национально-государственного взгляда на историю с частичной реабилитацией некоторых героических страниц истории страны до 1917 г. В рамках данного политико-идеологического курса произошло возвращение преподавания гражданской истории в школе (1934), вышли фильмы «Петр I» «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Суворов», «Богдан Хмельницкий» и т.п., были приняты другие меры. Особо отметим, что к концу 1930-х гг. война 1812 г. перестала трактоваться как война реакционных самодержавия и дворянства России против прогрессивного Наполеона, чуждая народным массам России («школа М. Н. Покровского» подверглась разгромной критике в 1930-е гг. за «вульгаризацию» марксизма и «антипатриотизм»). Наоборот, в 1937 г., через пять лет после уничтожения главного монумента на Бородинском поле, в стране был — хотя и немасштабно — все же отмечен 125-летний юбилей Бородинского сражения.

В годы Великой Отечественной войны курс на усиление государственного патриотизма, проводившийся и до нее, был развернут в полной мере (разумеется, насколько это мог «выдержать» каркас марксистско-ленинской идеологии в СССР).

Воспитание в духе советского патриотизма, руссоцентризма (идеологемы о «великом русском народе» как о государствообразующем народе) широко проводилось и после войны (особенно в первые послевоенные годы, когда страна лежала в руинах, а уже все сильнее разворачивалась холодная война с капиталистическим блоком, возглавляемым США). Говоря об исторических юбилеях послевоенного сталинского периода, нельзя не вспомнить празднование 800-летия Москвы и 30-летие Великой Октябрьской социалистической революции в 1947 г., что нашло отражение в уже упомянутых книгах автора. Причем празднование 800-летия Москвы позволило в большей степени, чем юбилей революционного события, актуализировать державно-патриотический нарратив.

В первые послевоенные годы окончательно сформировалась определенная модель празднования (имеется в виду комплексно: подготовка и проведение торжеств, а также процесс увековечивания памяти) исторических юбилеев, чертами идеологического содержания которой были:

— Руссоцентричный державно-имперский патриотизм. (Под понятием «империя» применительно к СССР автор понимает наднациональное идеократическое государство с подчеркиванием ведущей исторической и государствообразующей роли «великого русского народа». Сразу же оговоримся, что свертывание Москвой политики коренизации 1920-х — начала 1930-х гг. в национальных республиках и, наоборот, способствование в них росту русского политического и культурного влияния не означало получения особых преференций самой РСФСР. Так, она не имела даже «собственной» Коммунистической партии и даже, например, гимна. Положение государствообразующей для СССР России вполне укладывались в

традиции российской имперской политики. Попытки поднять политический статус РСФСР со стороны «ленинградской группы» в поздние сталинские годы завершились для них печально известным «ленинградским делом».)

— Централизм (основа юбилейного содержания — события общегосударственного значения, слабо выражен региональный аспект событий).

— Акцент при оценке выдающихся личностей дореволюционной истории на их роли в решении национально-государственных, а не классовых задач.

— Масштабная пропаганда культа личности Сталина

— Приоритет идеологии и политики над экономикой.

— Определенный политический компромисс с Русской православной церковью на державно-патриотической основе.

— Жесткий (бескомпромиссный) вариант советского проекта коммунистического мессианства СССР.

— Жесткий вариант конфронтации с капиталистическим Западом.

Мощной основой, которая идеологически оформляла режим личной власти Сталина, был культ его личности: образ как «отца народов», верного продолжателя Ленина («Сталин — это Ленин се-

годня»), гениального полководца, спасителя в годы войны, вождя, ведущего народ к светлому будущему. Он был персонификацией образов государства, Отечества, народа и Великой Победы, средством приобщения масс к государственной идеологии. Наивысшим проявлением этого культа — фактически обожествлением вождя — стало празднование 70-летия со дня рождения И. В. Сталина (1949), в послевоенные годы все более переносившего центр тяжести власти с партаппарата ЦК КПСС в сторону госаппарата Совета Министров СССР, Председателем которого он являлся.

В целом можно сказать, что были сформированы три державно-патриотические идеологические опоры Советского государства:

- 1) Культ Сталина: де-факто создание внешне новой формы для таких сакральных понятий, как «Вера» и «Царь» (в том числе лозунг в годы Великой Отечественной войны: «За Родину, за Сталина!») в триаде «За Веру, Царя и Отечество!» («Православие. Самодержавие. Народность» С. С. Уварова) — государственной идеологии в Российской империи.
- 2) Ведущая историческая роль «великого русского народа» в деле формирования и отстаивания государства по формуле, нашедшей отражение в гимне СССР (1943): «Союз нерушимый республик свободных / Сплотила навеки Великая Русь».
- 3) Преемственность (пусть и очень частично, но признаваемая при Сталине с середины 1930-х гг.) дореволюционного и советского периодов в истории страны. (Отметим в данном контексте, что в работе «Марксизм и вопросы языкознания» в 1950 г. И. В. Сталин совсем не случайно выводил такое явление, как язык (в том числе русский язык — «язык Пушкина»), из марксистской надстройки и вводил его в базис, фактически «проводя» его через века, эпохи, формации (феодализм, капитализм, социализм), как то, что цементирует народ, а затем и нацию²⁶).

Вторая и третья опоры фактически заменяли собой и определенным образом раскрывали смыслы для широких масс советских людей таких понятий, как «Народность» и «Отечество».

Данные опоры идеологической политики находили отклик в патриотических настроениях народа, а также соотносились с его представлениями о сильной власти, мощи государства (что показано

автором в предыдущих книгах в связи с общественными настроениями по поводу празднований 800-летия Москвы и 30-летия Великого Октября). Державно-патриотические идеологемы (названные воспитанием в духе советского патриотизма) наряду с марксистско-ленинскими идеологемами, которые такие граждане, как архитектор А. К. Чалдымов, в годы войны безуспешно предлагали Сталину вообще превратить в культ Священной Родины²⁷, были в целом успешно использованы властью для мобилизационных целей. Они с середины 1930-х гг. позволили идеологически подготовиться обществу к защите Советской Родины, затем — отстоять свободу и независимость СССР в годы гитлеровского нашествия, а после него — восстановить страну и противостоять Западу в холодной войне.

Однако серьезные мобилизационные цели для всей страны, достижению которых служили вышеперечисленные идеи и образы, к началу 1950-х гг. исчезли. Народное хозяйство в целом восстановили, появилось ядерное оружие, что фактически исключало возможность военного вторжения геополитического и идеологического противника на территорию СССР.

Сталинский режим, показавший в целом свою эффективность в реализации мобилизационных проектов, нуждался в переменах для развития страны вне большой мобилизации и, что также не менее важно, при снижении репрессивности государственной системы. Необходимость перемен понималась не только обществом, но и самой властью. Но оставался вопрос: какие это будут перемены? И как тогда оценивать политику и жизненную практику прошедшего исторического периода, олицетворением которого был Сталин? Что делать со сталинским идейно-политическим (в том числе государственно-патриотическим) наследием?

На эти вопросы пытались отвечать. Как это делали с помощью празднования исторических юбилеев, мы попытаемся показать в данной книге.

Вначале мы посмотрим в зеркало празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией (1954). В начале периода «оттепели», когда начинается ревизия сталинского наследия, идет борьба с явлением «культа личности» вообще, но десталинизация — хотя, по сути, уже тоже идет, но достаточно мягко, полускрыто — она не вступила в свою активную фазу. Н. С. Хрущёв еще не утвердил

окончательно власть партаппарата ЦК КПСС и региональных партийных комитетов над госаппаратом Совета Министров СССР во главе с Г. М. Маленковым.

Затем рассмотрим празднование 150-летия Отечественной войны 1812 г. (1962) — юбилей, отмечаемый во время второй волны десталинизации (первая была после XX съезда КПСС 1956 г.) уже после XXII съезда (1961), принявшего решение о выносе тела Сталина из Мавзолея и программу строительства коммунизма. Мотивы второй волны десталинизации, инициированной Хрущёвым, заметим, скорее всего, были связаны не только с необходимостью усиления своего политического авторитета и подавления «сталинистов» во власти через еще большее низвержение покойного вождя. (Заметим, что вскоре после XXII съезда были исключены из рядов партии опальные с 1957 г. В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. М. Каганович, Д. Т. Шепилов.) Хрущёву, видимо, было нужно также переключить общественное внимание на политико-идеологические вопросы с обозначившихся к началу 1960-х гг. провалов в его социально-экономической политике (например, с кризиса сельского хозяйства и острого дефицита продовольствия, того же мяса и молока, приведших к волнениям в ряде городов со своим апогеем в событиях в Новочеркасске начала июня 1962 г.), а также во внешней политике (с началом нового витка обострения отношений с США, советско-китайского раскола).

При всем вышесказанном к концу 1950-х гг. наблюдается полное сосредоточение партийной и государственной власти в руках самого Н. С. Хрущёва, подчинившего себе такие структуры, как:

- госаппарат Совета Министров СССР (через ликвидацию общесоюзных отраслевых министерств в промышленности и строительстве и введение вместо них территориальных органов управления — совнархозов, через разгром «антипартийной группы» Г. М. Маленкова, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича и примкнувшего к ним Д. Т. Шепилова на июньском Пленуме ЦК в 1957 г. и занятие с 1958 г. самим Хрущёвым должности Председателя Совета Министров СССР);
- армию (посредством снятия в 1957 г. с поста министра обороны «непокорного» линии ЦК маршала Г. К. Жукова и назначения вместо него подконтрольного партии маршала Р. Я. Малиновского);

— госбезопасность (назначением в 1958 г. на пост Председателя КГБ вместо, хотя и близкого к Хрущёву по работе на Украине, но все же кадрового чекиста, генерала армии И. А. Серова – партийного функционера А. Н. Шелепина).

Итак, оговорив необходимые положения во «Введении», начнем наше исследование.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЗЕРКАЛО ПЕРВОЕ.

ПРАЗДНОВАНИЕ 300-ЛЕТИЯ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

§ 1. Процесс организации торжеств и политический контекст

Прежде чем перейти к рассмотрению заявленного в заглавии вопроса, необходимо понимать, что политико-организационное обеспечение подготовки празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией имело свою предысторию.

Надо заметить, что практика празднования годовщин присоединения территорий и вхождения народов в Российской империи отсутствовала, как, видимо, чреватая националистическими проявлениями. Как известно, в дореволюционной идеологической практике великороссы, малороссы и белорусы вообще считались единым русским народом. К тому же 200-летие Переяславской Рады пришлось на годы Крымской войны, а 250-летие — на канун русско-японской. Хотя, например, популярный журнал «Нива» в 1904 г. опубликовал заметку «250-летие присоединения Малороссии»²⁸. Какого-либо опыта юбилейных торжеств по данному поводу в отличие от юбилеев других исторических событий (как, например, 700-летия Москвы для празднования 800-летия Москвы)²⁹ не было.

Будучи первым лицом Советской Украины (1938–1949), Никита Сергеевич Хрущёв всячески старался продвигать интересы вверенной ему республики, которая занимала по экономическому и политическому значению второе место в СССР после РСФСР. Понимая, что И. В. Сталин категорически против всего того, что может получить трактовку в духе украинского национализма, Хрущёв пытался воплести украинское национальное в многонациональное советское, используя те исторические пласты, которые знаменовали собой единство украинского народа с русским народом и другими народами СССР.

Так, Н. С. Хрущёв обращался к Сталину с предложением отметить 290-летний юбилей Переяславской рады. В январе 1944 г. Хрущёв писал: «КП(б) Украины просит разрешить отметить эту дату, имея в виду ту бешеную антиисторическую агитацию против объединения украинского и русского народов, которую проводили на Украине немецкие фашисты и украинско-немецкие националисты. Мы хотим отметить дату 290 летия [так в тексте. — *Прим. авт.*] со дня присоединения Украины к России организацией лекций, докладов и бесед среди населения освобожденных районов Украины, изданием листовок для населения оккупированных районов и др. В г. Харькове провести торжественное собрание с заслушиванием доклада и принятием документов. В докладах, лекциях и беседах, а также в статьях наших газет и журналов мы хотим не так подробно осветить сам факт присоединения Украины к России, как позитивное значение этого факта для истории украинского и русского народов. За все время существования Советской власти на Украине эта дата отмечается впервые»³⁰. К письму И. Сталину руководитель Компартии Украины добавлял на согласование проект Постановления ЦК КП(б)У «Об ознаменовании 290-летия со дня присоединения Украины к России». В преамбуле документа отмечалось, что 290 лет назад навеки был утвержден нерушимый союз двух братских народов — «великого украинского народа с великим русским народом». Подчеркивалась роль социалистической революции и партии большевиков, «гения Сталина» в углублении единства двух народов. ЦК КП(б)У предлагал провести повсеместно в январе 1944 г. торжественное собрание рабочих, колхозников и интеллигенции, лекции и беседы, литературные вечера, выпустить специальные номера газет³¹. Обращает на себя внимание тот факт, что фигурирует, с одной стороны, имперский термин «присоединение», а не интернационалистский — «воссоединение», а с другой стороны, перешедшее в юбилейные «Тезисы» (1954) положение о двух великих народах, хотя чаще великим называть при рассматриваемом нами праздновании юбилея будут только русский народ (см. § 2, 3 настоящей главы).

18 января 1944 г. все украинские газеты поместили передовицы или пространные статьи, посвященные знаменательной дате. В них Переяславская рада называлась «священным союзом», «эпохаль-

ным событием», писалось, что она 290 лет назад «заложила вечный союз украинского и русского народов»³². Очередной раз также было отмечено, что гетман Богдан Хмельницкий «выбрал единственный верный путь — объединение с братским русским народом»³³. «Политический план Хмельницкого, — писала „Советская Украина“, — таким образом, был блестяще осуществлен. Вследствие этого народ получил свободу и независимость и мог уверенно смотреть в будущее. В этом историческая заслуга Хмельницкого перед Украиной»³⁴.

Однако масштабные торжества ни на самой Украине, ни тем более в рамках всесоюзного празднования санкционированы не были.

Важно напомнить, однако, что Верховный Главнокомандующий еще в 1943 г. в виде определенного реверанса освобождаемой Украине согласился с предложением Н. С. Хрущёва учредить боевой орден Богдана Хмельницкого. (Идею создания данного ордена подал руководителю Советской Украины выдающийся кинорежиссер А. П. Довженко, воспользовавшись при этом помощью заместителя Председателя Совнаркома УССР, известного и влиятельного поэта Н. П. Бажана³⁵.) Н. С. Хрущёв, у которого в его сохранившихся «заметках» важных дел за 1943 г. было дважды было записано про орден Богдана Хмельницкого³⁶, посылал И. В. Сталину 8 октября 1943 г. в шифровке проекты II и III степеней ордена, напоминая тот факт, что проект I степени уже утвержден. Он просил утвердить их со статутом и описанием, «опубликовать все это в печати»³⁷. Заметим, статут ордена, учрежденного 10 октября 1943 г. как полководческий, был демократичным: имел возможность награждения II степенью вплоть до рядовых бойцов и партизан. Данный орден был к тому же единственным советским орденом имени «нерусского» по происхождению героя и с надписью названия не на русском, а на другом — украинском — языке!³⁸ Также именно Сталин «предложил»³⁹ переименовать город Переяславской рады (1654) Переяслав в Переяслав-Хмельницкий. (Это мы узнаем из цитируемого выше обращения Хрущёва после заметки на память о г. Переяславе. Город переименован 12 октября 1943 г.) Как известно, на январском Пленуме ЦК (1944) будут расширены права союзных республик, в том числе во внешнеполитической и военной сферах. Начнется процесс создания государственных

гимнов союзных республик (решение Политбюро ЦК от 2 февраля 1944 г.⁴⁰).

Для лучшего понимания контекста вышеуказанных мероприятий власти обратимся к тезисам выступления начальника Главного политического управления Красной армии, секретаря ЦК А. С. Щербакова на «сборе агитаторов, работающих среди бойцов нерусской национальности» в 1943 г. (на основе которых им была написана статья «Всемерно крепить боевую дружбу народов СССР»). В данных материалах Щербаковым отмечалась необходимость проведения работы по «воспитанию национальной гордости народов Советского Союза»⁴¹, «популяризации героического военного прошлого, патриотических традиций русского народа и братских народов СССР»⁴² и вместе с тем по пропаганде положения о «русском народе как о первом среди равных, который помог всем другим народам покончить с капиталистической и феодальной эксплуатацией, поднять хозяйство и культуру», о русском народе как «старшем брате» в социалистическом строительстве и в годы войны⁴³, когда наша армия стала «в полном смысле этого слова многонациональной армией»⁴⁴.

В связи с вышесказанным крайне важно подчеркнуть, что даже вывод в письме, принятом на митинге по случаю освобождения Киева: «Украина может быть свободна только в союзе [! — *Прим. авт.*] с русским народом» (пусть и фактически в положении ведомой)⁴⁵, был оценен начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александровым как играющий «на руку националистам». Исходя из данного тезиса письма, по мнению руководителя советского Агитпропа, получалось, что «ведущими народами в Советском Союзе являются два народа — русский и украинский», а «украинский народ играет такую же роль, что и русский народ». Александров в своем опровержении формулировок из Киева опирался на тезис Сталина в его работе «Марксизм и национально-колониальный вопрос»: «В России <...> роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы»⁴⁶. После такой критики из ЦК выдержки из письма, приемлемые с точки зрения партийной пропаганды (а не все письмо, как хотели того его авторы), были после редактирования опубликованы в «Правде»⁴⁷.

Образ же Богдана Хмельницкого стал с военных лет ключевым в идеологической работе, направленной на укрепление единства Украины с Россией и усиление позиций последней. На наш взгляд, весьма симптоматично, что, например, 13 сентября 1943 г., в один день, принимаются решения Политбюро ЦК ВКП(б) «О награждении орденами партизан Украинской ССР» и «Об издании на Украине республиканской газеты на русском языке»⁴⁸. Особенно это было важно в условиях, когда на Украине шла ожесточенная борьба с националистическими формированиями.

Почему же тогда саму инициативу с празднованием «некруглого» юбилея «отец народов» не поддержал⁴⁹? Вспомним, что к январю 1944 г. относится острая критика в ЦК КПСС за проявления украинского национализма сценария киноповести «Украина в огне» А. П. Довженко, получившего летом 1943 г. одобрение со стороны своего покровителя — Н. С. Хрущёва⁵⁰. В числе прочего партийное руководство, с подачи Сталина запретившее и изъявшее напечатанную киноповесть еще в ноябре 1943 г.⁵¹, возмущает в данном сценарии высказывание крестьянина о Богдане Хмельницком, представлявшее, по сути, результат не только националистических настроений, но и ортодоксально классового подхода рассмотрения национально-освободительного движения украинского народа: «О, большой злодюга был! В музее в Чернигове сабля его висела перед войной. Там надпись большая написана: „Сабля известного палача украинского народа Богдана Хмельницкого, который, Богдан, придушил народную революцию в тысяча шестьсот каком-то там году“»⁵². Сценарий был переделан самим автором, идеологически «выпоротым» и Сталиным, и Хрущёвым (возможно, с демонстративным рвением, чтобы показать перед вождем и ЦК, что он и сам может разобраться с «непорядком» в настроении мастера в доверенной ему Украине)⁵³. По исправленному сценарию А. П. Довженко снял документальный фильм «Битва за нашу Советскую Украину».

Даже учреждение ордена Богдана Хмельницкого вызывало порой в общественных настроениях незапланированную властью националистическую трактовку. Так, в посланном секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову перечне вопросов, заданных в декабре 1943 г. «членам пропгрупп [пропагандистских групп. — *Прим авт.*]

Управления пропаганды населением освобожденных районов как ряда регионов РСФСР, так и Киевской, Харьковской, Сталинской [Донецкой. — *Прим авт.*], Сумской, Полтавской, Черниговской областей УССР», фигурировал вопрос: «Не является ли введение ордена „Богдан Хмельницкий“ известной подготовкой общественного мнения к войне с Польшей?»⁵⁴

Если такие «звоночки» отмечались на Левобережной Украине, то какие настроения приходилось еще ожидать от менее комплементарной к Москве Правобережной Украины, которую еще только надо было освобождать? А потом освобождать Польшу, против которой, если широко отмечать юбилей, воевали в 1648–1654 гг. украинцы... Могла иметь место опасность роста националистического уклона в торжествах, а еще более в общественных настроениях на фоне эйфории от освобождения Украины, подстегнутой торжествами в честь национального праздника. В таких условиях, в положении «недоосвобожденной» республики, санкция разрешить отпраздновать юбилей Переяславской Рады было бы нецелесообразной.

Уже через несколько лет после Победы, 30 октября 1949 г., по инициативе Хрущёва было отмечено «10-летие присоединения Западной Украины». Он предлагал Сталину «разрешить... в гг. Киеве, Львове и Ужгороде» парады и демонстрации, «закладку монументов», «выпустить документальный фильм» о юбилее. «Объединительные» мероприятия провели масштабно как на Восточной, так и на Западной Украине. Переименование г. Станислава в Сталинокарпатск не разрешил Сталин⁵⁵.

Такие «юбилейные» инициативы из прошлого Хрущёва на Украине, несомненно, повлияли на широкий масштаб празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией, когда он мог уже не только не оглядываться на мнение несколько политически «придерживавшего» Украину Сталина, но и сам занял фактически руководящее положение в КПСС. Хрущёв, по воспоминаниям его зятя А. И. Аджубея, даже намеревался «перевести столицу... из Москвы в Киев» и «не единожды возвращался к этой теме»; «так и говорил: Киев — мать городов русских. Воздух там чище, не построено столько глухих стен»⁵⁶.

* * *

Предложение «разрешить... широко отметить... важнейшую дату в истории украинского народа [300-летие Переяславской рады. — *Прим. авт.*]» выдвигалось еще первым секретарем ЦК КП(б)У Леонидом Георгиевичем Мельниковым в записке на имя «товарища Сталина» от 16 октября 1952 г. (с копией секретарю ЦК Г. М. Маленкову). Мельников просил разрешения «создать Республиканский комитет по подготовке и проведению 300-летия воссоединения Украины с Россией». Партийный лидер Советской Украины предлагал различные мероприятия⁵⁷:

- главные торжества: сессии Верховного Совета УССР с приглашением представителей от союзных республик, Москвы, Ленинграда, Академии наук УССР с участием АН СССР академий союзных республик;
- мероприятия по пропаганде и популяризации «исторической дружбы украинского и русского народов» (издание сборника документов, монографий, научно-популярных брошюр, художественного цветного кинофильма «Переяславська Рада»);
- мероприятия по мемориализации юбилейной даты (в монументальной форме — сооружение памятника Богдану Хмельницкому в г. Переяславе-Хмельницком, в архитектурной форме — строительство высотного здания Киевского государственного университета, объявление Субботова — родины Богдана Хмельницкого — государственным заповедником).

Обращает на себя внимание акцент на персоне Богдана Хмельницкого, олицетворявшей русский вектор в истории Украины (фактически два мероприятия из семи предложенных — для поддержания его культа).

По записке Мельникова, пересланной Г. М. Маленковым в Секретариат ЦК, было дано поручение от 21 ноября 1953 г. (среди «Поручений, по вопросам поступившим в ЦК КПСС») за визами Г. М. Маленкова, Н. С. Хрущёва и Н. А. Булганина⁵⁸ (недавно получившим от вождя право «рассмотрения и решения текущих вопросов»⁵⁹ за него) «подготовить необходимые предложения» трем секретарям ЦК: заведующему отделом пропаганды и агитации ЦК Н. А. Михайлову, М. А. Суслову, в обязанность которому

вменялись выезды в партийные организации (в том числе республиканские),⁶⁰ и заведующему отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК А. Б. Аристову⁶¹.

Период большой перестановки в партийных органах после XIX съезда КПСС, «дело врачей» а потом и смерть Сталина 5 марта 1953 г. не способствовали тому, чтобы ЦК партии мог серьезно заняться вопросом о праздновании юбилея. Однако в самом начале 1953 г. присутствуют и другие «юбилейные» инициативы. Так, 15 марта 1953 г. в сельхозотделе ЦК было поддержано письмо от Переяслав-Хмельницкого райкома партии в адрес секретаря ЦК, МГК и МК КПСС Хрущёва с предложением в рамках того, чтобы «достойно встретить эту дату», провести социалистическое соревнование за получение высокого урожая... и повышения продуктивности... животноводства... с одним из районов Московской области» (в ЦК был выбран Луховицкий район)⁶².

* * *

Начало подготовки к празднованию рассматриваемого нами юбилея испытывало на себе влияние фактора изменений курса Партии в национальной политике. Еще 26 мая 1953 г. Президиум ЦК по записке первого заместителя Председателя Совета Министров СССР и министра внутренних дел Л. П. Берии принял Постановление «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР» (будут также приняты аналогичное постановление тем же днем по Литовской ССР, а 12 июня 1953 г. — по Латвийской и Белорусской союзным республикам). В «украинском» Постановлении осуждались «перегибы» в национальной политике: притеснение местных национальных кадров русскими и «восточными» украинцами, что, как объяснялось, создавало питательную базу для украинского национализма и антисоветских проявлений. Они иллюстрировались тем, что «только за три месяца 1953 года военной цензурой конфисковано около 195 тысяч писем, адресованных за границу из западных областей Украины, в которых содержатся отрицательные высказывания о действиях местных органов власти»⁶³. Первый секретарь ЦК КП Украины (с 1949 г.) Л. Г. Мельников, в прошлом руководитель Сталинского обкома (г. Сталино – ныне Донецк) на 4 июня 1953 г. был снят с поста и выведен из Бюро ЦК КПУ в связи «с порочной практикой выдвижения на руководящую партийную и

советскую работу в западных областях Украины преимущественно работников из других областей УССР и... республик... а также с недооценкой политического значения преподавания в вузах Западной Украины на украинском языке»⁶⁴. Место Л. Г. Мельникова (русского по национальности) занял ставленник Н. С. Хрущёва, его товарищ по прошлой работе на Украине, впервые на этом посту — украинец (т. е. представитель национальных кадров), второй секретарь ЦК КПУ, а до 1949 г. первый секретарь Одесского обкома — Алексей Илларионович Кириченко. Бюро ЦК КПУ также было показательно «укреплено» первым заместителем Председателя Совета Министров УССР — одним из лидеров украинской литературы и любимцев Хрущёва А. Е. Корнейчуком⁶⁵ (впрочем, он был освобожден Президиумом ЦК КПСС от совминовской должности «в связи с переходом на творческую работу» уже 22 июля 1954 г.⁶⁶). Представляется интересным то, что и, по мнению обеспокоенных притеснениями еврейского языка и культуры в СССР авторов письма «Комитета защиты нашего родного еврейского языка» из Нью-Йорка на имя Маленкова от 15 декабря 1953 г., Л. Г. Мельников был снят именно «за применение силы в попытках русифицировать украинцев»⁶⁷. (Ср.: настроения в националистической прессе украинской эмиграции в § 4 настоящей главы.)

В докладной записке 4 июня 1953 г. от А. И. Кириченко на имя Н. С. Хрущёва «о рассмотрении вопроса о руководстве западными областями республики» верноподданнически сообщалось: «Участники пленума, среди которых были и все секретари обкомов партии западных областей <...> выразили готовность полностью выполнить постановление ЦК КПСС и решительно оздоровить политическое состояние западных областей»⁶⁸. Однако эффект от политических изменений был во многом обратный: наблюдался рост национализма в союзных республиках. Не следует забывать: в 1953 г. на Западной Украине еще находилось немало националистических банд Украинской повстанческой армии (УПА), которые находили сочувствие своим взглядам среди местного населения (последний главнокомандующий УПА с 1950 г. В. Кук будет арестован КГБ как раз в дни юбилейных торжеств, 23 мая 1954 г.). Так, еще в июне — начале июля 1953 г. в ЦК КПСС было направлено анонимное письмо от преследуемых и выдавливаемых русских

и восточных украинцев из Тернопольской области, из западных областей Украины. В нем сообщалось о том, что при делении на «западников» и «восточников» даже от таких лиц, как предоблисполкома, звучали предложения «немедленно покинуть область, так как обойдутся без них, без их техники»; желающим устроиться на работу «один ответ: принимаем только местных»; все чаще раздаются призывы: «Москали! Убирайтесь! Прошло Ваше владычество, теперь мы построим свою Украину». Причем, как отмечено в письме, активизировались и насильственные националистические проявления: произошло убийство помощника секретаря райкома партии, участкового милиционера, был тяжело ранен председатель колхоза⁶⁹.

Рост националистических антирусских настроений наблюдался (по модели: «русские — освобождайте места для национальных кадров и уезжайте в РСФСР»), как видно из писем в ЦК КПСС, и в других союзных республиках: Литовской, Белорусской, Молдавской, Казахской⁷⁰. Можно было бы подумать, что эта подборка писем могла быть инспирирована из Москвы в поддержку разоблачений Л. П. Берии на июльском Пленуме ЦК КПСС (2–7 июля 1953 г.). Так, «тернопольское» письмо (а в нем Берия обвинялся в том, что, вместо того чтобы «признать преступной работу органов МВД», он «решил всю вину переложить на партийные и советские органы»⁷¹) было пущено «на ознакомление вкруговую тт. Суслову М. А., Поспелову П. Н., Шаталину Н. Н.»⁷² как бы «в подтверждение» обвинений 10 июля, т. е. после окончания Пленума. Однако активизация антисоветских настроений в те месяцы подтверждается и другими источниками. Так, среди документов Президиума ЦК КПСС присутствует документ от МВД СССР «Выдержки из писем, исходящих из Украинской, Белорусской и Литовской ССР, с высказываниями в связи с выдвижениями на руководящую работу национальных кадров» (в течение июня 1953 г. с указанием адресов авторов и адресатов писем, адресов в РСФСР, УССР)⁷³. Выделим в нем те высказывания, которые относятся к Украинской ССР. Про кампанию выдвижения национальных кадров автор из Львова заявляет, что «перегнули палку», поставив «на руководящие должности местных и довольно-таки неумных»⁷⁴, другой автор оттуда же отмечает, что неместные ходят «как пришибленные», ожидая, когда «отправят на восток», чтобы «быть среди своих»⁷⁵, а третий ав-

тор из Львова рассказывает о сложности уехать оттуда для местных и украинцев, которых задерживают как «национальные кадры»⁷⁶. Во Львовской области, как свидетельствуют некоторые письма, ждут, что «русские должны уехать в Россию», и увязывают с этим то, что «а, может, и колхозов не будет»⁷⁷, что было явным покушением на одну из основ советского строя. Бросается в глаза и озабоченность тем, что после отстранения Мельникова «за искривление национальной политики» «украинский язык обязателен во всех учреждениях», об этом говорится и как о «беде на старости лет»⁷⁸.

Добавим также в качестве примеров националистических проявлений и то, что В. А. Голиков, многолетний помощник Л. И. Брежнева, свидетельствовал в своих воспоминаниях о том, что после известных записок Берии мгновенно изменилась обстановка в Молдавии: «произошла сильная вспышка национализма». К. У. Черненко, работавший с 1948 г. заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК КП Молдавии, с 1950 г. — под руководством Брежнева, через некоторое время буквально умолял Голикова: «Слушай, помоги мне. Приходят молдаване и говорят, что я восемь лет сижу, место занимаю. Наглостью их бог не обидел. Помоги куда-нибудь уехать. Только в Россию. Куда угодно»⁷⁹. В одном письме из Белоруссии старый большевик из г. Слонима (Белоруссия) выражал опасения, что такими «директивами» «будет не 16 союзных республик, а 16 государств», «не родина СССР, а 16»⁸⁰. Коммунистка из восточных украинцев, пишущая на украинском, но выдавливаемая из Станиславской (ныне Ивано-Франковской) области (там она работала с 1940 г.), обращаясь к Хрущёву, напоминала ему о том, что в 1947 г. он сам подчеркивал: «у нас нет двух Украин — Восточной и Западной, что есть одна Украина, воссоединенная в едином братском Советском государстве»⁸¹. Итак, самому ЦК уже фактически во главе с Хрущёвым нужно было принимать меры.

Официально в провокации националистических настроений был обвинен исключительно поверженный 26 июня 1953 г. Берия (см. § 3 настоящей главы), и 2 июля 1953 г. «украинское» постановление (так же как и «литовское») было отменено решением Президиума ЦК⁸². Историк Р. Г. Пихоя справедливо отмечает то, что ЦК КПСС не мог простить министру внутренних дел Л. П. Берии покушения на «святая святых» — вопросы партноменклатурных

назначений⁸³. МВД, поглотившее и МГБ, как часть госбезопасности и госаппарата (а Берия в 1941–1953 гг. курировал органы госбезопасности как раз по линии Правительства⁸⁴), фактически ставило под контроль партийные органы. Неслучайно в тексте Постановления Пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия» приводился пример того, как «начальника Управления МВД Львовской области тов. Строкача только за то, что тот сообщил секретарю Львовского обкома партии о полученной им установке собирать, выискивать отрицательные данные о работе партийных организаций и о партийных кадрах, Берия в июне 1953 г. снял с работы, угрожал арестовать его, сослать в лагерь и „превратить в лагерную пыль“»⁸⁵.

Если говорить о дальнейшей ситуации на Украине, то ставленником Хрущёва А. И. Кириченко будет так или иначе продолжена политика выдвижения национальных кадров и украинизации. Так, А. И. Кириченко в проекте письма на имя Н. С. Хрущёва приводил следующие данные, свидетельствующие о политике кадровой украинизации: «Если на 1 июня 1953 г. из 794 секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии только 67 чел. из местного населения, то на 1 декабря 1953 г. их стало 124. <...> В Львовской области из 1042 работников обкома, горкома и райкомов партии раньше работало местных товарищей только 96 чел., теперь 137. <...> В Закарпатской области <...> увеличилось количество секретарей первичных парторганизаций из числа местных работников с 342 по 414 чел., что составляет 51 % <...> в Львове из 1719 профессоров и преподавателей высших учебных заведений работало местных лишь 320 чел., директорами не было ни одного, заместителей директоров — только один, деканов — два. В настоящее время из числа местной интеллигенции работают директорами высших учебных заведений 4 чел., на должности заместителей директоров, деканов и зав. кафедрами институтов выдвинуто 44 чел.»⁸⁶.

В данном контексте показательно для иллюстрации если не полной поддержки самим Хрущёвым, то как минимум политического заигрывания вождя с политикой украинизации звучит его реплика на Пленуме ЦК КПУ 18 февраля 1955 г. по отношению к одному из секретарей обкомов, выступавшему на русском языке. Хрущёв — возможно, и полушутливым тоном, но фактически пуб-

лично — выговорил тому: «Вы старый секретарь обкома, а не переходите на украинский язык. Почему? Язык хороший, певучий, замечательный язык», чем, как отмечено в стенограмме, было вызвано «оживление в зале»⁸⁷.

Более того, в рассматриваемые годы будет наблюдаться смягчение политики по отношению к украинским националистам. 17 сентября 1955 г. выйдет Указ Президиума Верховного Совета СССР

«Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», освобождавший в числе прочих и многих бандеровцев. (причем без последующей их ссылки и ограничений в гражданских правах). К августу 1956 года в западные области Украины вернулись более 20 тыс членов Организации украинских националистов и боевиков УПА, в том числе 7 тыс — во Львовскую область. Из двух тысяч бандеровцев, оказавшихся во Львове, только 196 проживали там до войны. (Вместе с тем, на наш взгляд, важен для понимания общей картины неумиротворенности западных областей Украины тот факт, что только в 1957 г. (!) в отчете о посещении С. М. Будённым как депутатом Верховного Совета СССР Шепетовского избирательного округа в Хмельницкой области сказано следующее: «Характерно, что на этот раз не поступило ни одного письма с враждебными выпадами против Советской власти, партийных и советских работников. *Раньше, без грязных антисоветских листов, сочинителями которых были украинские националисты (оуновцы, бандеровцы), не обходилось* [курсив мой. — Прим. авт.]»⁸⁸. Вышеупомянутый В. Кук в 1960 г., после подписания открытого письма к украинским националистам в эмиграции, в котором он признавал Советскую власть и отрекался от ОУН-УПА, был амнистирован и занялся научной работой в Центральном государственном историческом архиве и Институте истории Академии наук УССР. (Кук «вспомнит» о своем украинском национализме в период перестройки).

Возвращаясь к контексту событий 1953 г., особо отметим, что в своей заключительной речи на июльском Пленуме ЦК КПСС, разгромившем Берию, Г. М. Маленков отметил, как один из выводов и уроков, необходимость «всемерно укреплять нерушимую дружбу народов СССР и наше многонациональное социалистическое государство, постоянно воспитывать советских людей в духе пролетарского интернационализма»⁸⁹.

В новых политических условиях, при новом партийном руководстве ЦК КПСС и УССР актуальность юбилея, создающего обществу картину «дружбы народов» в противовес национализму в республиках (в немалой степени на Украине) возрастала, было принято решение о праздновании 300-летия

воссоединения Украины с Россией. 12 августа 1953 г. в ЦК КПСС подается поддерживающая идею проведения празднования юбилея записка от заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК В. С. Кружкова и первого заместителя заведующего отделом науки и культуры ЦК Ф. Д. Хрустова (по совместительству заместителя министра культуры СССР и заместителя главного редактора журнала «Коммунист»)⁹⁰ со словами: «В целях дальнейшего укрепления дружбы между русским и украинским народами полагали бы целесообразным отметить эту знаменательную дату»⁹¹.

В этот же день Академия наук СССР обращается к секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущёву с предложением о проведении в январе 1954 г. специальной сессии, посвященной юбилею. На письме имеется помета секретаря ЦК М. А. Суслова «тов. Хрустову» от 13 августа⁹². (В апреле 1954 г. будут проведены как общая Юбилейная сессия Академии наук СССР, так и сессии ее отделений: исторического, общественных наук, языка и литературы.)

Постановлением Президиума ЦК КПСС от 15 августа 1953 г. «О 300-летию воссоединения Украины с Россией», во время обсуждения проекта которого выступили Н. С. Хрущёв, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов и в конце председательствующий на заседании Г. М. Маленков, специально созданной Комиссии поручалось решить вопрос о праздновании и «в месячный срок представить предложения с учетом обмена мнениями на заседание Президиума ЦК»⁹³. Обратимся к составу Комиссии: Н. С. Хрущёв — председатель, члены — Л. М. Каганович и А. И. Кириченко⁹⁴. Так Хрущёв (заметим, до 7 сентября 1953 г. пока еще не Первый секретарь ЦК!) оставлял за собой верховное курирование празднования юбилея. Неслучайно в ней состоял и Л. М. Каганович, возглавлявший в 1925–1928 гг. Компартию на Украине, активно проводивший политику украинизации. Он работал в тесной связке с Хрущёвым в сталинские годы на Украине и в Москве, выдвигал последнего. Третий член Комиссии — А. И. Кириченко, хотя тогда он еще был только кандидатом в члены Президиума ЦК, но давно, повторимся, являлся хрущевским ставленником. От РСФСР в этой «тройке ЦК» никто не присутствовал (Как известно, собственной Компартии у Советской России не было).

19 августа 1953 г. Хрущёву были направлены уже проекты постановлений о праздновании юбилея от идеологов партии М. А. Суслова и П. Н. Поспелова, которые были отредактированы с учетом многочисленных (не в пример их малому числу, исхо-

дившему от Л. Г. Мельникова в записке 16 октября 1952 г.) замечаний и предложений, полученных от Первого секретаря ЦК КПУ А. И. Кириченко по телефону («Предварительных и неотредактированных предложений ЦК КП Украины»⁹⁵). Имеется запись поручения Хрущёва направить их «тов. Кагановичу Л. М., тов. Кириченко А. И. к заседанию комиссии»⁹⁶ (см. о них выше).

Мы не видим на начальном этапе организации празднования юбилея, например, ни Г. М. Маленкова (Председателя Совета Министров СССР!), ни его первого заместителя В. М. Молотова.

В этом проявлялось желание Хрущёва опереться, используя свои связи и связи Л. М. Кагановича, прежде всего на *украинских* партийных руководителей (второй по значимости союзной республики СССР со множеством обкомов), чтобы на тактическом уровне заручиться поддержкой партийных секретарей УССР при избрании на сентябрьском Пленуме Первым секретарем ЦК КПСС. (7 сентября 1953 г. он будет избран единогласно, что стало для Хрущёва, как справедливо заметил помощник Маленкова Д. Н. Суханов, «первой победой за лидерство»⁹⁷). На стратегическом уровне Хрущёв проводил подготовку политического наступления в борьбе за высшую власть на представлявшего госаппарат главу Совета Министров СССР Маленкова, который, по замечанию того же Суханова, еще 14 марта 1953 г. допустил ошибку, освободив себя от обязанностей секретаря ЦК КПСС, «недооценив значимость деятельности Секретариата в кадровой политике»⁹⁸.

21 сентября 1953 г. по представлению секретарей ЦК М. А. Суслова и П. Н. Поспелова Президиум ЦК принял Постановление «О 300-летию воссоединения Украины с Россией». В его разработке, как указывалось в сопроводительной записке, принимали участие не только знаменитые историки — от Института истории АН СССР член ЦК (!) КПСС А. М. Панкратова (фактически от России, т. к. у РСФСР не было республиканской Академии наук), от Института истории АН УССР А. К. Касименко, но также и заведующий отделом науки и высших учебных заведений ЦК КПУ С. В. Червоненко. Особо отмечался факт согласования с А. И. Кириченко⁹⁹. (Заметим, из партийного руководства РСФСР никто не назван.) В Постановлении фигурировала не только идеологическая часть, но и распоряжения:

- по проведению главных юбилейных торжеств (названы Юбилейные сессии Верховных Советов РСФСР и УССР);
- по пропагандистским и популяризационным мероприятиям (опубликование материалов в печати, проведение лекций, бесед, подготовка радиопередач, издание научных работ, проведение Юбилейной сессии Академии наук СССР в Москве, сессии Академии наук УССР в Киеве; Декады русской литературы и искусства в Киеве и выступлений «лучших художественных коллективов Советской Украины, посвященных дружбе народов» в Москве);
- мемориализации в следующих формах: монументальной, фалеристической (учреждение юбилейной медали) и топонимической (см § 5 настоящей главы)¹⁰⁰.

ЦК КПСС выступал как верховная инстанция, в которую поступали материалы для одобрения на публикацию в «Правде». Это были изложение Постановления ЦК КПСС «О 300-летию воссоединения Украины с Россией», проекты сообщений о созыве сессий Верховного Совета РСФСР и УССР, Академии наук СССР, проведении пропагандистских и культурных мероприятий на Украине, а также монументальной и топонимической мемориализации юбилея¹⁰¹. Проекты сообщений посылались в отдел пропаганды и агитации, в отдел науки и культуры, а далее 24 ноября 1953 г. на согласование секретарям ЦК, курирующим идеологию, — П. Н. Поспелову и М. А. Суслову.

* * *

9 декабря 1953 г. вышло изложение Постановления ЦК КПСС о праздновании 300-летия воссоединения Украины с Россией в виде сообщения в «Правде» под заголовком «В Центральном Комитете КПСС, в Совете Министров Союза СССР, в Президиуме Верховного Совета СССР»¹⁰², хотя вначале в аппарате ЦК предполагали получить согласие Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущёва на его публикацию под названием «В Центральном Комитете КПСС»¹⁰³. Таким совместным характером представления постановления избегалась необходимость опубликования подписей, и тем самым для народа подчеркивалось единство партийной и государствен-

ной власти после смерти Сталина, как на знаменитом совместном заседании Пленума ЦК КПСС, Совмина СССР и Президиума Верховного Совета СССР от 5 марта 1953 г. (См. подробнее о содержании постановления в § 2 настоящей главы.)

Подготовкой к юбилею в Российской Федерации активно занялся Совет Министров РСФСР (на Украине, соответственно, ЦК КПУ и Совет Министров УССР). Важную роль в разработке плана мероприятий играли министерства культуры СССР и РСФСР. Так, на совещании 12 декабря 1953 г. у заместителя Председателя Совмина РСФСР Сафронова рассматривались план торжеств, вопросы оформления, финансирования и др. Выступали чиновники от РСФСР: председатель Госплана республики Я. Е. Чадаев, министры народного просвещения И. А. Каиров, министр культуры Т. М. Зуева.

Многогранная работа по подготовке к юбилею требовала создания отдельного органа, который мог координировать множество инстанций союзного, республиканского и регионального подчинения. Комитетов в 1954 г. создавалось два: в РСФСР и УССР.

На Украине уже в январе 1954 г. был образован Правительственный комитет по подготовке и проведению празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией под председательством первого секретаря ЦК КПУ А. И. Кириченко с его заместителями — Председателем Совета Министров УССР (с 15 января — Председателем Президиума Верховного Совета УССР) Д. С. Коротченко и вторым секретарем ЦК КПУ Н. В. Подгорным. В составе Комитета из 83 человек¹⁰⁴ были как партийные и советские работники, так и «знатные люди» промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры¹⁰⁵. Больше одной трети Комитета (30 человек) составляли представители интеллигенции, что декларировало как уважение власти в УССР к творцам национальной культуры, так и открытость власти творческим идеям.

26 февраля Президиум Верховного Совета и Совет Министров РСФСР издал Постановление «Об образовании Правительственного Комитета РСФСР по подготовке и проведению юбилея 300-летия воссоединения Украины с Россией» во главе с Председателем Совета Министров РСФСР А. М. Пузановым. Его заместителями были первый секретарь Московского обкома Н. А. Михайлов

и Председатель Верховного Совета РСФСР Л. Н. Соловьёв¹⁰⁶ (состав принят решением Секретариата ЦК КПСС от 8 февраля 1954 г.¹⁰⁷). Организационная форма Правительственного комитета была через первого заместителя председателя Мосгорисполкома Н. И. Бобровникова позаимствована из подготовки 800-летия Москвы, как и «предложения по опыту проведения московского юбилея и оформлению г. Москвы»¹⁰⁸.

Сравним составы Правительственного комитета по проведению празднования 800-летия г. Москвы (далее Комитета 1947 г.) и Правительственного комитета РСФСР по подготовке и проведению юбилея 300-летия воссоединения Украины с Россией. Так, если в составе первого из 62 членов только 7 были представителями партийного аппарата (заметим при этом, что, кроме Жданова, это были московские секретари), то в Комитете 1954 г. (РСФСР) было уже 9 партийных секретарей — в основном от национальных автономных республик и областей (Татарской, Марийской, Удмуртской, Бурят-Монгольской), что свидетельствовало о демонстрации внимания союзного центра к национальным регионам и партийным кадрам в начале «оттепели». В Комитете 1954 г. представителей интеллигенции было всего 8 человек (из 60 членов). Возможно, такое сокращение представительства интеллигенции было связано с тем, что при большой ее численности (24 человека в Комитете 1947 г.) она была неудобна для партийной и государственной бюрократии:

- во- первых, в политико-идеологическом плане (вспомним опасный для власти «исторический» уклон интеллигенции при подготовке празднования 800-летия Москвы)¹⁰⁹;
- во- вторых, в отношении дисциплины (в посещении заседаний, участии в работе)¹¹⁰.

В духе «оттепели» происходит и некоторая — в целом формальная — «демократизация» состава Комитета. По сравнению с Комитетом 1947 г. выросло число представителей советских органов (13 человек); от рабочих (6); появились представители от колхозников — 5 человек. В Комитете 800-летия Москвы соответственно: 7, 2 и ни одного)¹¹¹. При этом отметим, что рабочие (бригадиры машинистов, старший вальцовщик) и председатели колхозов не всегда присутствовали на заседаниях¹¹², находясь в составе Комитета

больше для создания видимости народного характера подготовки торжеств.

Особо интересным представляется сопоставление доли представителей партийных органов в Юбилейных комитетах РСФСР и УССР: 15 и 22 % соответственно, т. е. на Советской Украине — политической вотчине Хрущёва — происходил расцвет власти партноменклатуры.

Таким образом, в составах Правительственных комитетов к 300-летию воссоединения Украины с Россией в РСФСР и УССР выразились следующие новации хрущевского периода: при формальной демократизации социального представительства в духе «оттепели», прежде всего, наблюдался рост численности партийной номенклатуры. В целом состав Комитета 1954 г. был одним из отражений роста влияния региональных и национальных кланов партийной номенклатуры, выразителем интересов которой был Н. С. Хрущёв.

Правительственные комитеты по подготовке празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией занимались обсуждением вопросов организации торжеств, проведения пропагандистских и популяризационных мероприятий, работы по увековечиванию памяти о юбилее. Комитеты были связующим звеном между руководством страны и регионами, а также с общественностью (при активном оперативно-организационном участии творческих союзов: советских писателей, художников, композиторов, архитекторов и др.). Секретарь МК КПСС, Н. А. Михайлов, впоследствии ставший министром культуры СССР (1955–1960), призывал «не заниматься всему юбилейному комитету» особенно всеми культурными мероприятиями, такими, как выставки во всех музеях, сессия Союза писателей СССР, репертуар и др.¹¹³, а дать больше свободы творческим организациям. Такое предложение было вполне в духе «оттепели» в культурной жизни.

Оперативная работа по согласованию сроков открытия Юбилейных сессий, содержания текстов приветствий и общие вопросы пропагандистской и популяризационной работы была сосредоточена в ЦК КПСС у секретарей ЦК М. А. Суслова и П. Н. Поспелова, а также в отделах ЦК: пропаганды и агитации (заведующий В. С. Кружков), науки и культуры (заведующий А. И. Румянцев).

В документах Секретариата ЦК фигурировала и комиссия в составе секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова (он ее созывал), секретаря ЦК Н. Н. Шаталина, Председателя Совета Министров РСФСР А. М. Пузанова, министра культуры СССР Г. Ф. Александрова и Управляющего делами ЦК КПСС Д. В. Крупина. Как мы видим, она соединяла в себе партийных и государственных, а также союзных и республиканских чиновников. Данная комиссия, например, рассматривала «вопрос о подготовке и проведении в РСФСР юбилея»¹¹⁴.

Министерство культуры СССР в реальности подчинялось идеологическим структурам ЦК КПСС. Тем более в то время оно имело «молодой» возраст (один год), проходя период становления, и к тому же 9 марта 1954 г., т. е. в «горячий» юбилейный период, произошла смена министра культуры СССР: с П. К. Пономаренко на Г. Ф. Александрова.

Руководство же Украины (не только из-за расстояния от Москвы, но и в связи с особым расположением Н. С. Хрущёва) без создания комиссий — напрямую — имело выход на Секретариат ЦК КПСС, как, например, через Постпреда Совета Министров УССР Г. Есипенко 22 мая 1954 г. с вопросами по поводу состава делегации УССР на Юбилейную сессию Верховного Совета РСФСР и проектов приветствий принимаемых на Юбилейной сессии Верховного Совета УССР. Хрущёв же велел пересылать такие материалы «идеологическим» секретарям М. А. Суслову и П. Н. Поспелову¹¹⁵.

8 апреля 1954 г. Секретариат ЦК КПСС принимает решение об одобрении общего плана подготовки и проведения юбилея, разработанного в Правительственном Комитете РСФСР. (У РСФСР, как известно, в отличие от других союзных республик не было «собственной» Коммунистической партии, поэтому партийное руководство заменял общесоюзный ЦК КПСС.)

В решении по торжествам в РСФСР фигурировали дата и место Юбилейной сессии Верховного Совета РСФСР: она планировалась 22 мая 1954 г. в Большом театре¹¹⁶. Однако по просьбе Председателя Совета Министров РСФСР А. М. Пузанова, секретаря Президиума Верховного Совета РСФСР И. Н. Зимина и первого секретаря Московского областного комитета КПСС И. И. Капитонова в записке от 21 мая 1954 г. оно будет проведено 29 мая

в Большом Кремлевском дворце¹¹⁷. ЦК КПСС распорядился о проведении в мае 1954 г. юбилейных торжественных заседаний «городских и районных Советов депутатов трудящихся совместно с представителями общественных организаций и воинских частей», а также торжественных собраний «на предприятиях, в МТС, совхозах, колхозах, учреждениях, учебных заведениях, школах, частях Советской Армии», народных гуляний, массовых спортивных соревнований, выступлений коллективов художественной самодеятельности 23 мая 1954 г.¹¹⁸

На местах подготовкой и проведению празднования юбилея занимались республиканские, краевые, областные партийные и советские органы. Так, в столице СССР бюро МГК рассматривало вопросы «о проведении спортивного празднования» (будет проведено на стадионе «Динамо» того, что было в честь 800-летия Москвы¹¹⁹), «о докладчиках на районных... заседаниях», а в некоторых регионах (например, в Донецкой области) – областные комиссии (о подготовке к празднику в городах и районах, соцсоревновании, выпуске литературы к юбилею)¹²⁰. Для оперативной организационной работы использовалась традиционная форма совещаний с представителями различных органов власти и общественных организаций (например, 26 мая 1954 г. состоялось совещание уполномоченных по районам Москвы по итогам подготовки к демонстрации 30 мая 1954 г., народных гуляний и праздничного оформления города у секретаря МГК Марченко). В повестке совещания значились пункты о составе, оформлении колонн¹²¹. Так в целом традиционно бюрократически был выстроен организационный процесс подготовки к юбилею.

* * *

Выбор даты празднования юбилея претерпевал изменения. 19 августа 1953 г. в проекте Постановления ЦК КПСС «О 300-летию воссоединения Украины с Россией» предлагалось его отметить в январе 1954 г., приурочив его к дате исторической Переяславской рады (18 января по новому стилю.)¹²². Однако в принятых ЦК по ВЧ (правительственной связи) 18 августа 1953 г. «Предварительных и неотредактированных предложениях ЦК КП Украины» значилось: «В ЦК КПУ обсуждается вопрос о целесообразности проведения празднования... в конце мая месяца 1954 года»¹²³. Так и было сделано. В январе 1954 г. еще только разрабатывали

планы мероприятий и развертывали пропаганду. Закладку обелиска в честь юбилея в Москве на площади Киевского вокзала вначале предполагалось совершить 18 января 1954 г., но в декабре 1953 г. церемонию перенесли на май 1954 г. Обелиск до сих пор так и не установлен (см. подробнее по поводу данного монумента § 5 настоящей главы). Решающую роль здесь сыграла позиция Хрущёва, поддержавшего «украинских товарищей» (прежде всего своего ставленника А. И. Кириченко).

Основные мероприятия в празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией проводились 22–23 и 29–30 мая. Из-за переноса даты была утрачена историческая связь (как и в случае с датой 800-летия Москвы). На выбор даты повлияли политические и организационно-практические факторы.

Во-первых, напряженная внутривластная борьба в 1953 г. (прежде всего арест и расстрел Л. П. Берии) не позволяла серьезно заняться подготовкой к юбилею и завершить ее к январю 1954 г. Хрущёву нужно было время укрепиться на посту Первого секретаря ЦК КПСС (с сентября 1953 г.), постепенно расставить своих людей и сразу начать оттеснение Маленкова. (Так, в апреле — мае 1954 г. была проведена публичная реабилитация жертв «ленинградского дела», в организации которого в свое время Маленков активно участвовал.)

Во-вторых, шла подготовка к важным «сельскохозяйственным» пленумам: сентябрьскому (1953) и февральско-мартовскому (1954). К юбилею было удобно приурочить большие соцсоревнования колхозов РСФСР и УССР.

В-третьих, красоту и изобилие Украины было выгоднее продемонстрировать в цветущем мае, чем в холодном январе.

* * *

Особым политическим событием, приуроченным к 300-летию воссоединения Украины с Россией, стала передача Крыма из состава РСФСР в состав УССР 25 января 1954 г., в период подготовки к юбилейным торжествам.

Согласно воспоминаниям Д. Т. Шепилова главного редактора газеты «Правда» (на 1954 г.), идея передачи Крымской области Украине

принадлежала первому секретарю ЦК КПСС Никите Хрущёву. «В Большом Кремлевском дворце шло одно из многочисленных совещаний по сельскому хозяйству [возможно, имеется ввиду совещание работников машинно-тракторных станций 25–28 января 1954 г. – *Прим. авт.*] За столом президиума находились все члены Президиума ЦК и Секретариата ЦК. В перерыве, как обычно, члены президиума и секретари собирались в двух комнатах... Обсуждались один-два неотложных вопроса. Вдруг Хрущёв внес предложение: в связи с празднованием 300-летия передать Крымскую область из Российской Федерации в состав Украинской Республики. „От Крыма до России далеко, — сказал он. — Украина ближе. Легче будет вести всякие хозяйственные дела. Я уже кое с кем говорил на этот счет. У украинцев, конечно, слюнки текут, они будут рады-радешеньки, если мы им Крым отдадим. С Федерацией Российской тоже, я думаю, договоримся. Надо только обставить это все с умом: чтобы верховные советы обеих республик просили союзный Верховный Совет сделать такую передачу. А Ворошилову надо все это провести по-доброму через Президиум Верховного Совета СССР... Я думаю, возражений не будет?“ Н. Булганин, А. Микоян, А. Кириченко, Л. Каганович и другие откликнулись возгласами: „Правильно! Принять! Передать!“ И только стоявший у дверей в соседнюю комнату в ожидании какого-то телефонного разговора В. Молотов сказал, ни к кому не обращаясь: „Конечно, такое предложение является неправильным. Но, по-видимому, придется его принимать“»¹²⁴. Помощник Маленкова Д. Н. Суханов отмечал, что такое решение Хрущёвым было принято при содействии «украинцев» в высшем советском руководстве. Суханов в числе лиц, поддерживавших и лоббировавших передачу Крыма, указывал на украинское происхождение либо факт работы на Украине следующих лиц: А. И. Кириченко, Л. И. Брежнева, К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича и даже В. М. Молотова (был секретарем ЦК КП(б)У несколько месяцев в 1920–1921 гг.), а также, как пишет помощник Маленкова, «подхалимствовавших» Хрущёву первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Ф. Р. Козлова и секретаря Московского горкома КПСС Е. А. Фурцеву¹²⁵. (Учтем, конечно, то, что Суханов, вспоминая об этом в 1990-е гг., испытал опалу и тюремное заключение при Хрущёве. Он вполне мог, исходя из антихрущевских побуждений, «расширить» вышеуказанный список. Однако остается несомненным тот факт, что количественный рост

и усиление украинцев наличествовали в высшем руководстве страны начиная с хрущевского периода и уже затем «перешли» в брежневский период.)

Президиум ЦК КПСС на заседании 25 января 1954 г. под председательством Г. М. Маленкова при присутствии членов Президиума Н. С. Хрущёва, К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича, А. И. Микояна, М. З. Сабурова, М. Г. Первухина, кандидатов в члены Президиума Н. М. Шверника и П. К. Пономаренко, а также секретарей ЦК М. А. Суслова, П. Н. Поспелова и Н. Н. Шаталина (и при отсутствии В. М. Молотова) единогласно принял решение о передаче Крыма. (Протокол заседания Президиума ЦК был подписан секретарем ЦК КПСС Н. Хрущёвым).

Мотивировочная часть Постановления Президиума Верховного Совета РСФСР 5 февраля 1954 г. «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР» была следующей: «Учитывая территориальное тяготение Крымской области к Украинской ССР, общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР»¹²⁶. Важно отметить то, что связь Крымской области с УССР «усиливалась» в ходе правки текста проекта Указа Президиума Верховного Совета СССР, принятого на вышеупомянутом заседании Президиума ЦК: в нем оставляли «общность экономики», но «территориальная связанность» стала «территориальной близостью», вместо «хозяйственной целесообразности» и «тесных сложившихся культурных связей между населением Крымской области и Украинской ССР» была дана формулировка о «тесных хозяйственных и культурных связях Крымской области и Украинской ССР»¹²⁷.

19 февраля 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР, издал Указ «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР». (27 февраля он был опубликован в печати). 26 апреля Верховный Совет СССР одноименным законом утвердил данный Указ своего Президиума и внес соответствующие изменения в статьи 22 и 23 Конституции СССР.

Безусловную нелегитимность данного акта, с точки зрения действующего тогда советского законодательства, мы не будем раскрывать в настоящей книге (к подробностям процедуры передачи и нарушений в ней можно обратиться во втором томе фундаментальной «Истории Крыма»¹²⁸). Отметим здесь только то, что власти стремились экономически легитимировать акт передачи Крыма. Так, Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР М. П. Тарасов в своем докладе на заседании Президиума Верховного Совета СССР заявил о Крымской области, что она «является как бы естественным продолжением южных степей Украины» и по географическим и экономическим соображениям ее передача «в состав брат-

ской Украинской республики является целесообразной и отвечает общим интересам Советского государства»¹²⁹.

Любая оппозиция передаче Крыма негативно сказывалась на политической карьере. Так, первый секретарь Крымского обкома РСФСР П. И. Титов, продвигавший в ЦК «патриотическую» концепцию о появлении славян в Крыму с первых веков нашей эры¹³⁰ и в 1952 г. предлагавший Сталину вернуть области «русское» название Таврическая, категорически отказался от передачи Крыма и был смещен со своей должности. Будущий второй секретарь Пензенского обкома, а в 1954 г. — второй секретарь горкома ВЛКСМ Г. В. Мясников рассказывал: «Хрущёв, Титов и он [Д. С. Полянский, второй секретарь Крымского обкома. — *Прим. авт.*] встретились в Крыму. Возникла идея передачи Крыма Украине. Титов... отверг, а Полянский сказал, что это гениально. На другой день на пленуме „Титова прогнали...“ а Полянский стал 1-м секретарем обкома [в последующие годы он станет и Председателем Совета Министров РСФСР, и членом Политбюро ЦК КПСС. — *Прим. авт.*]»¹³¹.

Каковы же были мотивы Н. С. Хрущёва передать Крым Украине? Эта идея, как утверждают некоторые историки, была у Хрущёва еще во время войны, но не формализовалась на бумаге. «Один из работников аппарата вспоминал, что якобы Никита Сергеевич рассказывал ему: „Я был в Москве и заявил: Украина в разрухе, а из нее все тянут. А если ей Крым отдать? Так меня после этого как только не называли и как только душу не трясли. Готовы были стереть в пыль“»¹³². Сын Хрущёва Сергей вспоминает: «В конце войны, в 1944 году, Сталин повесил Крым на шею отцу. Татар выселили в Среднюю Азию, крымские земли обезлюдели, Сталин приказал заселять их соседями-украинцами и отчасти русскими. Ехать ни те, ни другие на новое место не хотели, приходилось уговаривать, а порой и принуждать. Кормить, обустривать переселенцев пришлось еще не очухавшейся от войны Украинской ССР. Занимался всем этим отец. Как занимался он и восстановлением Севастополя <...> отец любую малость решал через Москву, через Совет Министров РСФСР, а там у каждого — свой нор. Порой приходилось по пустякам апеллировать к Союзному правительству, а то к самому Сталину. Устав от бюрократических проволочек и амбиций, отец

предложил Сталину разрубить все узлы, переподчинить Крым Украине. Сталин отказал. Почему? Не знаю»¹³³.

Зять Хрущёва, Аджубей, вспоминает секретную поездку с Хрущёвым в рамках отдыха осенью 1953 г. (видимо, в октябре) в степную зону Крыма. «Там Никиту Хрущёва изрядно поразили толпы переселенцев, которые жаловались, что не хватает продовольствия, есть проблемы с жильем. „Новые“ крымчане преимущественно приехали из России, с Волги, из северных российских областей. Они жаловались: „картоха здесь не растет“, „капуста вянет“ <...>. Хрущёв заключил: „Там южане нужны, кто любит сады, кукурузу, а не картошку“», которым было легче поднимать пострадавшее в годы войны сельское хозяйство Крыма. На такое положение в сельском хозяйстве повлияли в том числе и депортация занимавшихся им крымских татар, греков, болгар и других народов¹³⁴. Наличие данной проблемы было проиллюстрировано в докладной записке «О состоянии сельского хозяйства Крымской области» для первого секретаря ЦК КПУ А. И. Кириченко от 4 января 1954 г., которым оно было выставлено в плачевном свете. На пленумах в Крыму в 1954 г. говорили и о низком темпе восстановления городов: Феодосии, Керчи¹³⁵. Современные российские историки (в том числе авторы «Истории Крыма»¹³⁶) вполне резонно полагают, что документы, выступления, равно как и «подходы» колхозников к Хрущёву с сетованиями во время поездки (в присутствии Маленкова), специально организовывались для оказания «эмоционального давления», на главу Совмина СССР.

В связи с проблемой водоснабжения и орошения земель Крыма строился Северо-Крымский канал от Каховской гидроэлектростанции на Днепре. Сергей Хрущёв так рассказывал об этом в наши дни: «Уже в конце 1953-го Госплан СССР прикидывал... возникли проблемы... часть... канала относилась к Крыму... под юрисдикцией России. Что могло вызвать в ходе строительства бюрократические неувязки: разные организации различного подчинения, даже разные республиканские правительства»¹³⁷.

Безусловно, экономические мотивы передачи Крыма Украине имели значение. Действительно, состояние экономики Крыма было тяжелым. Однако оно было таковым и в других регионах (например, Брянской, Смоленской областях), но не стало причиной для

их передачи. К тому же, говоря о текущих проблемах Крыма, нельзя забывать его высокий курортный и аграрный потенциал, который более соответствовал понятию «подарок». Координацию крупных хозяйственных проектов можно было осуществлять и через усиление внимания в рамках РСФСР, а также и союзным ведомствам (новому созданному ведомству, бюро) без передачи территорий. В проекте совместного Постановления Президиумов Верховных Советов РСФСР и УССР в Президиум ВС СССР (утвержденный вариант которого не выявлен) фигурировала формулировка о поддержанном РСФСР «ходатайстве Президиума Верховного Совета УССР о передаче Крымской области»¹³⁸. Получив Крым, Украина стала на него сразу же получать финансирование из общесоюзного бюджета, т. к. и она так же, как и РСФСР, не могла его сама «поднять». Уже распоряжением Совета Министров СССР от 16 марта 1954 г. оно выделялось на список объектов коммунальной, социальной, дорожной инфраструктуры в Керчи, Симферополе, Севастополе (например, строительство Дворца пионеров), на Южном берегу Крыма¹³⁹. Итак, заключим, что экономические мотивы явно всецело не объясняют акт передачи не отдельных районов, а целой области, причем не в 1920-е гг., когда шел активный процесс приращения УССР территориями, передаваемыми союзным правительством от РСФСР, а в 1950-е гг., когда границы союзных республик уже «стабилизировались». Данный «подарок» имел, прежде всего, серьезную политическую мотивацию. Хрущёву в ходе борьбы против главы Совета Министров СССР Маленкова необходимо было через осуществление «завоевания на свою сторону Украины» (слова Д. Т. Шепилова) заручиться поддержкой руководства КПУ и секретарей ее многочисленных обкомов (36 гарантированных голосов из 175 членов ЦК КПСС)¹⁴⁰. К тому же Хрущёв, опасаясь возможных разоблачений, мог еще тем самым стремиться загладить свою вину как первого секретаря ЦК КП(б) Украины в развязывании там массовых репрессий перед войной (1938–1940). Их жертвой стали 167 565 жителей Украины, в т. ч. более двух тысяч представителей руководства республики¹⁴¹.

При этом следует помнить, что в 1954 г. руководство страны, передавая Крым в пределах единого государства — из одной союзной республики в другую, не могло и помыслить о распаде СССР о том, что вопрос принадлежности Крыма повлечет за собой территориальный конфликт между независимыми Россией и Украиной.

* * *

Политические факторы оказывали влияние и на вопрос финансирования юбилейных мероприятий в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией. Непросто шло определение объемов финансирования. Республиканские власти УССР и РСФСР просили выделить средства на проведение юбилейных торжеств у Совета Министров СССР и ЦК КПСС (Г. Маленкова и Н. Хрущёва): Н. Т. Кальченко и А. И. Кириченко просили 47 млн 824 тыс. руб. для проведения «мероприятий, намеченных Советом министров УССР и ЦК КПУ»¹⁴²; А. М. Пузанов 8 марта 1954 г. просил для мероприятий в РСФСР 51,9 млн руб. из резервного фонда¹⁴³. Совмин СССР требовал оптимизировать расходы и совместными усилиями, например, в случае с РСФСР усилиями М. Суслова, А. Пузанова и первого заместителя министра финансов СССР В. Гарбузова удалось оптимизировать вначале до 41 млн руб.¹⁴⁴, а потом до 34 млн руб.¹⁴⁵ (или 65 % от запрашиваемой суммы для РСФСР)¹⁴⁶ и 37 млн 600 тыс. руб. (или 77 % от запрашиваемой суммы для УССР), притом что Министерство финансов настаивало на сокращении сметы в последнем случае до 26 млн руб.¹⁴⁷ 29 мая 1954 г. было выделено 350 тыс. руб. Минкульту РСФСР из резервного фонда Совмина РСФСР¹⁴⁸. Для сокращения расходов были сокращены программы обмена гастролей театров (оставили 4 из 10, в том числе МХАТа в Киеве, Львове и Одессе) и хоров РСФСР и Украины, школьных экскурсий¹⁴⁹, отказались от заказанного Украиной сервиса на 50 тыс. предметов¹⁵⁰. (При этом финансирование главных политически значимых торжеств: Юбилейных сессий, торжественных собраний, народных гуляний не сокращалось и составило, например, для РСФСР 12 из 34 млн. руб.¹⁵¹)

Обеспечение Украины к юбилею шло не только прямыми денежными средствами. Так, Президиум Верховного Совета РСФСР и Совет Министров РСФСР «для коллективов отдельных предприятий и организаций Украинской ССР» передавал: «четыре пианино, <...> пять духовых оркестров, арфу, три баяна <...> десять наборов детских игрушек», прося вручить их по собственному (!) усмотрению властей УССР¹⁵². Академия наук УССР получала в дар от Президиума Академии наук СССР распоряжением Совета

Министров СССР «комплект изданий стоимостью до 500 тыс. руб. и коллекцию минералов стоимостью до 25 тыс. руб.»¹⁵³. Показательно, что после одобрения сумм финансирования по украинским предложениям, например, фактически «вторым секретарем» в Секретариате ЦК М. Сусловым за резолюцией «1) за» следовала резолюция «2) Спросить т. Хрущёва Н. С.»¹⁵⁴, как не только Первого секретаря ЦК КПСС, но и «шефа» Украины. Именно с хрущевским политическим фактором было связано то, что Украине из резервного фонда Совмина СССР в конце концов была выдана бо́льшая, чем для РСФСР, сумма. Примечательно, что РСФСР деньги были выделены распоряжением Совета министров СССР от 13 апреля 1954 г., т. е. позднее, чем УССР (распоряжением от 6 февраля). Напоминание о размере выделенной УССР суммы мы встречаем в прошении М. Суслова, А. Пузанова и В. Гарбузова (после которого, как мы видим, смета для РСФСР была урезана еще на 7 млн руб.¹⁵⁵).

При том что Украина отнюдь не обделялась в это время союзными денежными средствами (а, например, погашение ссуды в 10 млн руб. того же Министерства продовольствия УССР Совмин СССР велел отсрочить)¹⁵⁶, требования увеличения финансирования с украинской стороны не прекратились и после торжеств. Так, в коллективном письме работников искусств к Председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову после встреченного «с большим удовольствием» Постановления Совмина СССР о «приравнении в должностных окладах Киевского театра оперы и балета к Большому академическому театру СССР» они просили сделать то же с Государственным симфоническим оркестром УССР по отношению к Государственному симфоническому оркестру Союза СССР, оркестру Ленинградской филармонии и оркестру Киевского театра оперы и балета¹⁵⁷. Правда, на это предложение, согласие которого повлекло бы двукратное увеличение дотаций оркестру УССР, был дан отрицательный ответ Министерства финансов СССР¹⁵⁸.

Подготовка к празднованию 300-летия воссоединения Украины с Россией происходила параллельно с подготовкой к открытию 1 августа 1954 г. обновленной Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В связи с этим отметим тот факт, что Главный комитет Всесоюзной сельскохозяйственной выставки на основании просьб

Херсонского и Одесского облисполкомов из-за невыполнения планов по хлопку за 1953 г. в решении от 11 января 1954 г. пошел на то, чтобы «в виде исключения утвердить участниками Выставки колхозы, совхозы, МТС и другие хозяйства, имеющие некоторые отступления от утвержденных условий и показателей, но являющиеся лучшими в крае, области, республики, рассматривая вопрос по каждому хозяйству в отдельности»¹⁵⁹. Однако при одобрении такого подхода Н. С. Хрущёвым 26 марта и вслед за ним 27 марта 1954 г. все более проявлявшим покорность по отношению к решениям Хрущёва Г. М. Маленковым¹⁶⁰ в окончательный текст Постановления СМ СССР и ЦК КПСС от 3 апреля 1954 г. «О показателях и условиях для отбора участников ВСХВ 1954 года по результатам работы за 1952–1953 гг.» вошла корректива от первого заместителя Председателя Совета Министров СССР В. М. Молотова. Она содержала в себе положение, что хозяйства, хотя и принимаемые в виде исключения к участию на выставке, должны быть выполнившими «установленный план государственных поставок»¹⁶¹. Так, Молотов, как лицо более связанное с госаппаратом, чем с партаппаратом, проявлял некоторую попытку придержать союзно-республиканские амбиции.

Итак, республиканские власти стремились увеличить масштабы финансирования торжеств (и не только их), масштаб участия своих хозяйств на ВСХВ с целью поднятия политического статуса в глазах союзного центра. В свою очередь, Совет Министров СССР старался, несмотря на союзно-республиканский (особенно «украинский») пресс, учитывать как политическую, так и экономическую целесообразность финансирования во всесоюзном масштабе.

* * *

Для демонстрации братства республик были организованы Юбилейные сессии Верховных Советов УССР и РСФСР (22 и 29 мая 1954 г. соответственно) с делегациями (из представителей партийных, государственных и советских органов власти и трудящихся: рабочих, крестьян, интеллигенции) от РСФСР (43 человека во главе с Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР М. П. Тарасовым) и УССР (35 человек во главе с первым секретарем

рем ЦК КПУ А. И. Кириченко), а также от 14 других союзных республик (по 5–7 человек), от Москвы 15 человек, от Ленинграда — 10, от Сталинграда — 5¹⁶². При анализе составов делегаций РСФСР и УССР обращает на себя внимание малое количество представителей от госаппарата Советов Министров республик (2 и 1 человек соответственно¹⁶³), что в определенной степени показывало ослабление его позиций во власти. Отдельные делегации направлялись от Москвы (во главе с новым первым секретарем Московского горкома КПСС Е. А. Фурцевой), от Ленинграда, Сталинграда.

Для делегаций была предусмотрена обширная программа:

- 22 мая 1954 г. — 11:00 — заседание Юбилейной сессии Верховного Совета УССР (в Киевском театре оперы и балета им. Т. Г. Шевченко);
- 19:30 — опера «Богдан Хмельницкий» (там же);
- 23 мая — 10:00 — военный парад и демонстрация в Киеве на Крещатике;
- 18:00 — спортивный праздник на стадионе им. Н. С. Хрущёва;
- 20:00 — участие в массовых народных гуляниях на площадях, в парках и скверах города;
- 21:30 — артиллерийский салют;
- 22:00 — фейерверк;
- 24 мая — закладка ряда памятников (см. § 5 настоящей главы) и нового здания Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко¹⁶⁴.

Тем самым была подчеркнута особая близость Украины РСФСР, но также отмечался всесоюзный характер торжеств.

Крупным мероприятием общесоюзного значения стало проведение с разрешения ЦК КПСС и Совета Министров СССР Академией наук СССР трехдневной сессии, посвященной 300-летию воссоединения Украины с Россией, с участием 1300 человек, в том числе с украинской делегацией в 100 человек¹⁶⁵.

Украинские власти стремились повысить статус торжеств в УССР не только посредством увеличения их финансирования, но и через позиционирование их как всесоюзных. Так, А. И. Кириченко просил Н. С. Хрущёва 15 января 1954 г. санкционировать, вопреки Постановлению Президиума ЦК от 8 декабря 1953 г., публикацию в печати о строительстве новых зданий Киевского

государственного университета им. Т. Г. Шевченко, сооружении Триумфальной арки при въезде в Киев и монумента в Переяславе--Хмельницком как «сообщение Совета Министров Союза ССР», а не как «сообщение Совета Министров УССР», стремясь тем самым уравнивать его в ранге с публикацией от 15 января 1954 г. о сооружении юбилейного монумента в Москве¹⁶⁶ (заметим, в столице не только РСФСР, но и СССР). Данное обращение было «доложено 16 января», передано Суслову¹⁶⁷. Просьбу А. И. Кириченко, фактически уравнивавшей Киев и Москву, УССР с РСФСР и с самим СССР, не стали выполнять, и данное сообщение появилось в «Правде» от 17 января 1954 г. под заголовком «В Совете Министров Украинской ССР»¹⁶⁸.

Следует особо оговорить, что на основании приказа от 22 мая 1954 г. министра обороны СССР Н. А. Булганина (человека, теснейшим образом еще с середины 1930-х гг. связанного с Хрущёвым) в ознаменование 300-летия воссоединения Украины с Россией 30 мая 1954 г. в порядке исключения были проведены не только демонстрация, но и парад войск Московского гарнизона на Красной площади¹⁶⁹. Идея их проведения лоббировалась с украинской стороны, санкционировавшей «свой» парад и демонстрацию в Киеве в январе 1954 г.¹⁷⁰, фигурировала уже в «Предварительных и неотредактированных предложениях ЦК КП Украины к проекту решения о 300-летию воссоединения Украины с Россией», полученному из Киева 18 августа 1953 г.¹⁷¹ Однако проведение парада и демонстрации трудящихся на Красной площади вошло в перечень главных юбилейных мероприятий только Постановлением, принятом на заседании Президиума ЦК от 27 мая 1954 г. после записки в ЦК КПСС 21 мая 1954 г. от Председателя Совета Министров РСФСР А. М. Пузанова, секретаря Президиума Верховного Совета РСФСР И. Н. Зимина и первого секретаря Московского областного комитета КПСС И. И. Капитонова, утвержденной Президиумом ЦК, где в том числе против фамилии члена Президиума ЦК, министра обороны СССР Н. А. Булганина было отмечено: «Замечаний нет»¹⁷². Тем самым союзные власти, уступая позиции республиканских властей (УССР и РСФСР), санкционировали мероприятия, приравнивавшие уровень данных торжеств к главным советским праздникам того периода (до начала масштабных тор-

жеств с парадом в честь Дня Победы 9 мая только с 1965 г.) — Дню международной солидарности трудящихся 1 мая и Дню Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября. В вышеупомянутой записке от 21 мая 1954 г. в контексте предложений по наличию в колоннах демонстрантов портретов «руководителей коммунистических партий и правительств стран народной демократии, а также руководителей зарубежных компартий» (что и было осуществлено, см. § 3 настоящей главы) прямо присутствовала отсылка к 1 Мая: «как это было на демонстрации 1 мая 1954 года»¹⁷³.

Заметим, ни парада, ни демонстрации на Красной площади не было проведено даже 7 сентября 1947 г. — в день празднования 800-летия Москвы — самой столицы страны.

Показательной иллюстрацией политической важности таких мероприятий для поднятия авторитета Хрущёва является свидетельство в мемуарах Д. Т. Шепилова: «Вечером в Кремлевском дворце состоялся большой прием [прием, данный от имени Президиума Верховного Совета и Совета Министров РСФСР в Большом Кремлевском дворце 30 мая 1954 г. — *Прим. авт.*]. В прекрасном Георгиевском зале собрались члены ЦК КПСС, члены правительства СССР и РСФСР, делегации Украины и всех других союзных республик, знатные люди промышленности и сельского хозяйства, представители Советской армии, науки, искусства, дипломатический корпус. Безраздельным героем приема был Хрущёв. Провозглашая тост за тостом, опрокидывая рюмку за рюмкой, он весь сверкал от удовольствия»¹⁷⁴.

* * *

Примечательно, что в Юбилейных сессиях принимала участие делегация от сейма Польской Народной Республики. Так, на сессии Верховного Совета РСФСР от ПНР присутствовали Председатель сейма ПНР, президент Польской Академии наук Я. Дембовский, Председатель Варшавского Народного Сейма Е. Альбрехт, секретарь Центрального Совета профсоюзов Польши С. Васильковская, писатель В. Жукровский и председатель сельскохозяйственного производственного кооператива М. Рысинский¹⁷⁵. Еще 18 января 1954 г. польский посол обратился в МИД СССР с просьбой

принять участие в торжествах в СССР, дать «возможность выступления на празднестве в Москве посла или другого представителя Польши», интересуясь «временем проведения сессий Верховного Совета РСФСР и УССР»¹⁷⁶. Данный сигнал был отправлен 5 февраля 1954 г. заместителем министра иностранных дел В. А. Зориным в ЦК КПСС к заведующему отделом ЦК КПСС по связям с зарубежными коммунистическими партиями М. А. Сулову, и, как помечено на докладной записке, «тов. Сулов М. А. беседовал по этому вопросу с т. Зориным»¹⁷⁷.

Польское участие в торжествах (о мероприятиях к юбилею в самой Польше см. в § 3 настоящей главы) демонстрировало дружбу СССР (в том числе Украины) с народно-демократической Польшей (отметим, кстати, «по-советски» социально сбалансированный состав польской делегации!) в отличие от вражды с «панской, буржуазно-помещичьей» Польшей. Такая акция позволяла расширить культурное сотрудничество с Варшавой. Так, проект Постановления «О мероприятиях по укреплению культурных связей между СССР и Польшей» рассматривался в Секретариате ЦК КПСС 20 мая 1954 г.¹⁷⁸ и был утвержден Президиумом ЦК 20 июля 1954 г. Среди запланированных мероприятий значились обмен выставок украинской и польской живописи, а также «во время месячника польско-советской дружбы» концерты в Киеве (наряду с Москвой и Ленинградом)¹⁷⁹. Более того, СССР было важно позиционировать отношения с ПНР как с равной стороной. А текущая политическая конъюнктура делала такое позиционирование крайне необходимым. Советский посол в Польше Г. М. Попов, в прошлом опальный секретарь ЦК, МГК и МК ВКП(б), был на заседании Президиума ЦК обвинен в недопустимом вмешательстве во внутренние дела страны пребывания. Как отмечалось в соответствующем Постановлении Президиума ЦК КПСС от 16 марта 1954 г., Попов допускал «высокомерное отношение к польским товарищам», что «могло нанести серьезный ущерб советско-польским отношениям»¹⁸⁰. «Неполиткорректный» посол был отозван в Москву и снят со своей должности. Причем в цитируемом постановлении до всех послов в «странах народной демократии» доводилась установка о том, чтобы они «не вмешивались во внутренние дела стран пребывания и направляли всю деятель-

ность на дальнейшее укрепление братской дружбы между СССР и странами народной демократии»¹⁸¹.

Солидарность с «прогрессивной» украинской общественностью в капиталистическом лагере демонстрировалась торжественной встречей делегации украинцев-эмигрантов, членов Компартии Канады¹⁸² (см. о мероприятиях в Канаде в § 3 настоящей главы).

Проведением юбилейных мероприятий в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией с зарубежным участием власти СССР стремились особо продемонстрировать открытость после-сталинской страны, приверженность политике дружбы народов не только во внутригосударственном, но и в мировом масштабе в условиях продолжающейся холодной войны.

* * *

Рассмотрев процесс организации празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией, можно заключить, что на него, прежде всего, повлиял фактор внутривластной борьбы Н. С. Хрущёва с главой Совета Министров СССР Г. М. Маленковым. В ходе нее Хрущёв стремился заручиться политической поддержкой украинской партноменклатурной группы. Ведущую роль в самой инициативе празднования юбилея как всесоюзного масштаба «витрины» русско-украинской дружбы для всех народов страны в кризисный для межнациональных отношений в СССР, в выборе даты торжеств и значительной финансовой поддержке мероприятий от союзного центра сыграла украинская партноменклатура во главе с выдвинутым Н. С. Хрущёвым А. И. Кириченко.

Исключительно важным шагом в деле укрепления позиций Хрущёва на Украине стала приуроченная к юбилею передача ей Крымской области.

В организации подготовки празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией нашли отражение тенденции, постепенно менявшие весь внутривластный контекст: расширение прав союзных республик, которое, в том числе в экономическом плане, будет происходить при Хрущёве, а значит, укрепление позиций региональной партноменклатуры и начало наступления партаппарата в целом на позиции госаппарата.

§ 2. Формирование юбилейной идеологической концепции в программных текстах

Идеологическая концепция 300-летия воссоединения Украины с Россией на новом — послесталинском — этапе эволюции советского общества была представлена в Постановлении ЦК КПСС о проведении празднования юбилея, в «Тезисах», выступлениях и документах Юбилейных сессий Верховных Советов РСФСР и УССР, а также в речи министра обороны Н. А. Булганина, принимавшего военный парад 30 мая 1954 г.

* * *

Программный документ — Постановление ЦК партии о проведении празднования — разрабатывался московскими и киевскими историками во главе с политическими чуткими членом ЦК КПСС А. М. Панкратовой и А. К. Касименко (в годы войны сам заведовал отделом пропаганды и агитации в райкоме), а также идеологами еще с лета 1953 г. Он был принят в Президиуме ЦК КПСС 21 сентября 1953 г. с очень характерными поправками, согласованными с Н. С. Хрущёвым и М. А. Сусловым. Так, в предложении «Воссоединение Украины с Россией имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития украинского и русского народов» после слова «имело» следовала вставка оборота «несмотря на то, что во главе России стояли тогда царь и помещики»¹⁸³. В месте, где сказано про «объединение двух великих славянских народов, несмотря на реакционную политику царизма и украинских феодалов и буржуазии», после слова «царизма» вставлено слово «русских»¹⁸⁴. Такие правки усиливали классовый подход к событиям прошлого, а также делали некоторые реверансы украинской государственности через осуждение российской политики в дореволюционный период.

В исправленном варианте текста «украинский» компонент в лексике преобладает: употребляется оборот «для прогрессивного политического, экономического и культурного развития украинского и русского народа»; подчеркивается факт признания национального суверенитета и независимости Украины «лучшими сынами русского народа», «национальное возрождение в едином

украинском государстве»¹⁸⁵. При этом говорится о дружбе и братстве с русским народом, совместной борьбе против угнетателей¹⁸⁶. (Как известно, с середины 1930-х гг. в советской идеологии и историографии на смену борьбы с «великорусским шовинизмом» происходит перенос идеологического акцента «с колониального гнета и борьбы с ним» на взаимодействие народов в хозяйственной и культурной сферах. В рамках данного взаимодействия, как стали по указанию из ЦК утверждать историки, «народ общался с народом и помимо царизма и вопреки царизму», а пролетариат русского народа — народа — «старшего брата» — вел к победе революции всех остальных»¹⁸⁷).

Вместе с тем и русский, и украинский народы названы «двумя великими [при Сталине «великий» относили только к русскому народу — *Прим. авт.*] славянскими народами»¹⁸⁸, т.е. их статус пытались декларативно уравнивать.

Подчеркнутая высокая оценка украинского народа и акцентирование национального (здесь — украинского) компонента были связаны с тем, что начиная с инициатив Л. П. Берии весной 1953 г. (см. подробнее о национальном факторе в подготовке к юбилею в § 1 настоящей главы) был взят курс на поддержку национальных кадров и языков, т.е. шла ревизия Москвой «русификаторского» сталинского курса. В связи с этим отметим, что в период, когда Сталин был еще вне критики, всю вину за прежние ошибки в национальной политике Хрущёв возлагал на поверженного и расстрелянного «врага народа» Берия. На приеме писателей Украины 28 апреля 1954 г. в Москве Хрущёв, назвавший сам юбилей «большим историческим событием», используя национальные чувства интеллигенции, заявлял: «Берия и его сообщники нанесли колоссальный вред нашему народу. Много сделал Берия вреда дружбе русского и укр. [так в тексте, т.е. украинского. — *Прим. авт.*] народов. Все делалось им для того, чтобы принизить украинский язык и культуру („испорченный русский язык“»)¹⁸⁹. Берии в словах Хрущёва противопоставлялась Партия. Она, как отмечал ее лидер, выражает и без этого торжества «интересы русского и укр. [так в тексте. — *Прим авт.*] народов», «самые близкие во всех отношениях», и «интересы всех трудящихся, прогрессивных людей всего мира», которые «едины»¹⁹⁰. Здесь Хрущёв

обозначал интернационалистский взгляд на межнациональные отношения, фактически несколько расширенный вариант известного лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

В то же время Хрущёв, с одной стороны, прикрывался идеологическими обвинениями и несколько одергивал тех, кто обвинял русских в шовинизме: «...русские — они нередко в ущерб своей республике оказывали и оказывают помощь братским народам. И сейчас эти народы не только выровнялись, а нередко по жизненному уровню стоят выше отдельных областей Российской Федерации»¹⁹¹. С другой стороны, Хрущёв в своей политике по сути продолжал в выдвижении кадров украинской номенклатуры бериевский курс. После определенных русификационных тенденций сталинского периода маятник качнулся в сторону украинизации.

Юбилейное постановление было опубликовано в «Правде» как сообщение «В Центральном Комитете КПСС, в Совете Министров Союза СССР, в Президиуме Верховного Совета СССР» 9 декабря 1953 г.¹⁹²

* * *

«Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией» разрабатывались в отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС с осени 1953 г. (по Постановлению ЦК от 21 сентября 1953 г.¹⁹³). 5 января 1954 г. их проект был послан заведующим данного отдела В. Кружковым, секретарем ЦК П. Поспеловым и заведующим отдела науки и культуры ЦК на имя Хрущёва, от которого был разослан членам Президиума ЦК¹⁹⁴. В. М. Молотовым была внесена в первоначальный текст правка. В ней присутствует типичная замена обобщенно-национальных определений формулировками с классовых позиций (вместо «татаро-монгольское иго» — «завоевания татаро-монгольских ханов», вместо «крымские татары» — «крымские ханы»¹⁹⁵). В поправках Молотова, прежде всего, заметно усиление значения самого воссоединения Украины с Россией. Так, после предложения: «Навеки связав свою судьбу с братским русским народом, украинский народ спас себя от иноземного порабощения и обеспечил возможность своего национального развития», было вставлено: «Вместе с тем воссоединение Украины

с Россией во многом способствовало укреплению российского государства и подъему его международного авторитета»¹⁹⁶. В предложение: «Украинский народ, находясь под угрозой уничтожения, постоянно вел борьбу против гнета чужеземных поработителей, за свою свободу и независимость, за воссоединение с Россией», после слова «независимость» был вставлен оборот «и вместе с тем»¹⁹⁷. Советская власть же провозгласила, по «Тезисам», не просто мир (в редакции до правки Молотовым), а «политику мира и дружбы народов»¹⁹⁸. Молотов пытался поумерить украиноцентризм не только в дореволюционный, но и в советский период. Утверждение о том, что «Советская Украина далеко обогнала такие капиталистические страны Европы, как Франция, Италия» «по основным экономическим показателям», было смягчено как «по целому ряду экономических показателей»¹⁹⁹. Активно разоблачались и украинские националисты. Так, в сюжет текста о Грушевском, Винниченко и Петлюре, кроме заявления о том, что они «продавали» Украину «западно-европейским» империалистическим хищникам, был вписан «классовый» оборот, что они стремились «вернуть к власти помещиков и капиталистов, укрепить господство кулачества»²⁰⁰. Предложение: «В ходе социалистических преобразований в западных областях нанесен сокрушительный удар по остаткам украинских буржуазных националистов — злейших врагов украинского народа», было дописано «ставших продажными агентами иностранной буржуазии»²⁰¹.

В то же время в правке проекта «Тезисов» мы видим даже со стороны не столь украиноцентричного, как Хрущёв, Молотова постоянные реверансы в формулировках по отношению к украинской стороне. Так, «казацко-крестьянские массы» в XVII столетии в исправленном тексте «стали» не просто «бороться» (в проекте текста), а уже «вести героическую борьбу» против социального и национального гнета²⁰². «Обезвреживались» и подозрения в принижении значения украинского народа относительно русского. Так, показательно, что по поводу борьбы трудящихся Украины против «своих классовых врагов» в годы революции 1905–1907 гг. было сделано исправление: изменена формулировка «под руководством героического русского пролетариата» на «вместе с героическим русским пролетариатом»²⁰³.

Итак, в процессе редакции появилось явное стремление сохранить уже ставшие традиционными положения, но в большей степени, чем в недавнем прошлом, сделать акцент на истории украинского народа.

По принятии «Тезисов» Президиумом ЦК 11 января, они были опубликованы в «Правде» от 12 января 1954 г.²⁰⁴, а также в «Известиях», «Красной Звезде», «Труде» «Комсомольской правде», в республиканских, краевых и областных газетах²⁰⁵, вскоре вышли отдельной брошюрой «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654–1954). (Одобрены ЦК КПСС)». В них превозносились заслуги украинского народа по воссоединению «*двух великих [курсив мой. — Прим. авт.] народов*». Такое положение само по себе входило в противоречие с теорией сталинского времени о русском народе как «старшем брате» (см. § 1 настоящей главы). Однако вместе с тем в тексте «Тезисов» неоднократно подчеркивалось и то, что «великий русский народ — ведущая нация среди равноправных наций». В «Тезисах» на всем их протяжении отмечалось благотворное влияние на украинский народ «великого русского народа» (формулировка «великий русский народ» встречалась в тексте 6 раз²⁰⁶), а также других народов СССР. Особенно четко это прозвучало во фрагменте о Великой Отечественной войне: «Только благодаря братской помощи великого русского народа и других народов СССР Украина была освобождена от фашистского ига»²⁰⁷. (Напомним, эта тема особо контролировалась в Москве еще со времен критики Сталиным режиссера А. П. Довженко в 1944 г. за «уклон» в сторону украинского национализма в фильме «Украина в огне», о чем см. в § 1 настоящей главы). Так, в союзном центре понимали, что акцент на украинскую национальную составляющую в юбилейной идеологической концепции без баланса русской объединяющей составляющей может дать карт-бланш украинскому национализму, поэтому в заключительной части тезисов напоминалось о стремлении «капиталистического окружения активизировать буржуазно-националистические элементы, оживить националистические предрассудки»²⁰⁸.

Важно помнить, что такое балансирование происходило и ранее — в контексте лавирования идеологической политики партии между патриотизмом русским и советским (а, значит, уже не только русским). Так, после совещания историков с 18 июля по 13 ав-

густа в ЦК ВКП(б) осенью 1944 г. на автографе А. А. Жданова, где речь шла о взглядах историков, Сталин пишет: «Сов. [так в тексте. — *Прим. авт.*] патриотизм окреп в годы Отечественной войны. Единство народов»²⁰⁹. Весь абзац о «ведущей роли русского народа» «в борьбе за социализм» «в деле развития... государственности и культуры, в деле ликвидации их прежней отсталости, в деле строительства социализма» для других народов Сталин предложил убрать²¹⁰. Однако показательно, что ни один из проектов резолюции совещания так и не был тогда принят Сталиным, несмотря на его же работу по их правке. В послевоенные годы при всем преобладании идеологемы «советский патриотизм» он сосуществует с понятием «великий русский народ» — от тоста Сталина «За здоровье русского народа» как «руководящего народа» (1945)²¹¹ до книги знаменитого историка, члена ЦК КПСС с 1952 г. (!) А. М. Панкратовой «Великий русский народ» (первое издание 1948 г., переиздание — 1952 г.), где «классовые оценки истории... тонут... в русофильских славословиях»²¹². В конце сталинского правления азербайджанским партийным лидером М. Д. Багировым будет сформулирована идея вхождение народов России как «абсолютного блага» для них²¹³. После же смерти Сталина издается книга партийного историка Н. И. Матюшкина «СССР — страна великого содружества народов», подписанная в печать 22 мая 1953 г. (заметим, фактически синхронно с «национальными», «антирусификаторскими» постановлениями ЦК, принятыми по инициативе Л. П. Берии). Как отмечают исследователи Г. А. Бордюгов, В. М. Бухараев, в этой книге «восстанавливается трактовка вопросов культурно-национального развития России, характерная для советской историографии 1920-х гг. („царская Россия — тюрьма народов“, „многонациональное советское государство — государство равноправия“ и „дружбы народов“ и т. п.)»²¹⁴.

Обсуждаемые нами «Тезисы» представляют стремление сбалансировать данные «уклоны» в понимании национальной темы в СССР.

Особо отметим то, что в «Тезисах» минимально упоминалось имя Сталина (если считать и формулировку «ленинско-сталинская национальная политика», только 3 раза)²¹⁵, что объяснялось началом хотя пока еще и робкой, но все же борьбы с культом личности. (При этом показательно, что в правке проекта «Тезисов» Поспелова присутствовала сделанная «в соответствии с замечаниями тов. Н. С. Хрущёва»²¹⁶ новая редакция абзаца о программе Партии

по национальному вопросу. В первоначальной редакции 6-й абзац 12-го тезиса начинался со слов о равновеликости заслуг вождей в данном вопросе: «В. И. Ленин и И. В. Сталин вооружили партию и рабочий класс научно-разработанной марксистской программой по национальному вопросу»²¹⁷. В принятом окончательном варианте абзац уже начинался «усилением» Ленина: «Великий Ленин впервые в истории марксизма выработал теоретическую программу и политику партии по национальному вопросу»²¹⁸. Упоминание о Сталине уже ушло ближе к концу рассматриваемого абзаца текста: «Ленинские программные указания по национальному вопросу нашли на основе обобщения опыта социалистического строительства дальнейшее творческое развитие в произведениях И. В. Сталина и в решениях партии»²¹⁹. Такой редакцией через приоритет Ленина и через увязывание Сталина с партией мягко «обезвреживался» культ личности «отца народов».)

В пропагандистской работе к юбилею отслеживалось то, чтобы именно «Тезисы» как актуальный и идеологически выверенный программный документ с современными акцентами в подаче темы, а не другие тексты становились основой ее содержания. Так, при подготовке раздела советского периода на выставке «300 лет воссоединения Украины с Россией» в Музее истории и реконструкции Москвы в черновом варианте тематико-экспозиционного плана напротив цитаты из речи В. М. Молотова на Юбилейной сессии Верховного Совета УССР в день тридцатилетия Советской Украины (1948) было написано красным карандашом: «Почему не из тезисов?»²²⁰

* * *

К программным текстам юбилея относится и доклад Председателя Совета Министров РСФСР А. М. Пузанова на Юбилейной сессии Верховного Совета РСФСР, подготовленный его заместителем Н. Н. Беспаловым, обсужденный «с группой товарищей — историков, экономистов, литературоведов и других научных работников» (историк академик М. Н. Тихомиров отметил в дневнике о вызове к Пузанову 19 апреля 1954 г., т.к. «надо помогать в составлении доклада»)²²¹. С Пузановым по плану доклада, посланному на имя Хрущёва, у секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова был проведен разговор. В докладе рассматривались следующие вопросы: истори-

ческие корни дружбы русского и украинского народов, их совместная революционная борьба, образование СССР и развитие в нем украинской государственности, расцвет социалистической культуры украинского народа, борьба за коммунизм. При всех реверансах в сторону Украины доклад подводил к цели праздника: укреплению братской дружбы народов «как залога морально-политического единства»²²². Заметим, что еще в Постановлении Президиума ЦК «О 30-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина», принятом 15 января 1954 г., уже присутствовали слова: «В эти дни народы Советского Союза отмечают выдающееся историческое событие — 300-летие воссоединения Украины с Россией. В тесном содружестве русский и украинский народ, вместе со всеми народами нашей страны, идут по пути мира и коммунистического строительства»²²³. 6 марта 1954 г., в период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР, сам Хрущёв, в своей согласованной с Молотовым²²⁴ речи перед избирателями Калининского района Москвы заявлял: «Одним из замечательных проявлений дружбы народов нашей страны является отмечание в нынешнем году как большого национального праздника всех народов Советского Союза 300-летия воссоединения Украины с Россией»²²⁵.

Юбилейные сессии Верховных Советов приняли Приветствия Верховному Совету СССР, Совету Министров СССР, ЦК КПСС, друг к другу, а также «великому русскому народу» и «великому украинскому народу». Здесь происходило обозначение напрямую украинского народа «великим» (а не только «русского», как в сталинские времена, и причем уже не через форму «двух великих славянских народов», как в юбилейном постановлении или через форму «двух великих народов», как в «Тезисах»). Тем самым не просто декларировалось равенство народов, но и, конечно, поднимался статус украинского народа в СССР до равновеликого государствообразующего русского народа. При этом в данных приветствиях по-прежнему подчеркивалось, что все живут в семье народов, «во главе с великим русским народом»²²⁶.

На сессиях были оглашены Указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении РСФСР и УССР, а также Киева орденами Ленина. Так, Москва получила орден Ленина к 800-летию²²⁷. В данном случае налицо политкорректно равное награждение

«юбиларов». В текстах же указов есть характерное различие: для Украины отмечены «выдающиеся успехи украинского народа в государственном, хозяйственном и культурном строительстве», для РСФСР была такая же формулировка о достижениях, но «русского народа и всех народов Российской Федерации»²²⁸. Тем самым четко указывался украинский народ как титульный для УССР, что не делалось для русского народа в федеративной РСФСР (такое выделение могло ослабить его государствообразующую функцию для РСФСР и СССР). В Указе о награждении Киева первым орденом Ленина (второй он получит в 1961 г., тогда же при Хрущёве став городом-героем) отмечалось «большое значение Киева в истории русского, украинского и белорусского народов»²²⁹, как бы уравновешивающее единством трех родственных славянских народов украинскую национальную составляющую в Указе о награждении УССР. Макет ордена Ленина несли 23 мая 1954 г. во время демонстрации на Крещатике в Киеве²³⁰.

* * *

Речь министра обороны Н. А. Булганина, принимавшего парад на Красной площади 30 мая 1954 г., была составлена в недельный срок (санкционирование самого парада произошло только 21 мая) и отослана членам Президиума ЦК 28 мая 1954 г.²³¹ Данное выступление, с проектом текста которого ознакомился сам Хрущёв, также можно отнести к программным текстам. В целом речь Булганина концептуально повторяла положения рассматриваемых выше текстов, однако в ней, произносящейся на военном параде, был особо сделан акцент на роль Богдана Хмельницкого как государственного и военного деятеля — выразителя курса на союз Украины с Россией. Сталин же в данном выступлении уже не был упомянут ни разу²³².

* * *

Таким образом, программные тексты к 300-летию воссоединения Украины с Россией отразили направление в трансформации идеологической концепции. Оно проявилось в частичном отходе

от державно-патриотических идей с особым подчеркиванием руководящей роли русского народа в направлении интернационализма, т. е. приоритета идей «дружбы народов» и их равенства при усилении классового подхода к событиям исторического прошлого. В «юбилейном» нарративе проявлялось стремление сделать акцент на украинской национальной теме, «великом украинском народе», однако при этом сохранить идеологему сталинского периода о «великом русском народе» как «старшем брате» в семье советских народов. В идеологической концепции юбилея «обезвреживался» любой намек на украинский национализм, деструктивный как для коммунистической идеологии, так и для Советского государства.

§ 3. Политико-идеологическое содержание юбилейных мероприятий

Говоря о формах коммеморации 300-летия воссоединения Украины с Россией (пропагандистских и популяризационных мероприятиях), нужно отметить, что они проводились уже с июля-августа 1953 г. на Украине, а после публикации от 9 декабря сообщения о «юбилейном» Постановлении — уже по всей стране, по конец мая включительно. Некоторые же из мероприятий, посвященных 300-летию воссоединения Украины с Россией, как, например, художественная выставка в стенах Государственной Третьяковской галереи в Москве, состоялись ближе к концу 1954 г.²³³

* * *

Юбилейное содержание должно было способствовать «укреплению дружбы народов СССР»²³⁴ и единства страны для умиротворения этнического национализма и шовинизма в союзных республиках после смерти Сталина — вождя, объединявшего народы. Поэтому в тематике лекций в связи с 300-летием воссоединением Украины с Россией (темы лекций: «Дружба народов СССР — источник могущества и непобедимости социалистического государства»; «Коммунистическая партия Советского

Союза — руководящая и вдохновляющая сила дружбы народов СССР»; «Торжество ленинско-сталинской национальной политики в СССР»²³⁵), разработанной в отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС (заведующий В. Кружков) и утвержденной П. Н. Пospelовым, из шести тем четыре имели общегосударственный характер: о дружбе народов СССР, государственно-политических вопросах и национальной политике. (В самой речи П. Н. Пospelова на юбилейном заседании в честь 30-й годовщины со дня смерти В. И. Ленина 21 января 1954 г. провозглашалось: «В тесном содружестве русский и украинский народ со всеми народами нашей страны строят величественное здание коммунизма. Дружба народов растет и крепнет. Наша партия, неуклонно осуществляя ленинско-сталинскую национальную политику, никому не позволит поколебать или ослабить узы великой нерушимой дружбы народов Советского Союза».²³⁶) Самому «воссоединению» посвящалась лишь лекция о его «историческом значении»; а непосредственно Украине — «Украинская социалистическая нация в братском содружестве народов СССР». Отсутствие «национальных» украинских тем в рассматриваемом перечне было связано с опасностью их трактовки в русле украинского национализма.

Лекции и беседы к юбилею проходили на заводах и фабриках (например, в цехах «Ростсельмаша» в Ростове-на-Дону), лекции от обкома читались в Новгородской области²³⁷, а также они проводились в рамках торжественных собраний и молодежных вечеров (по линии ВЛКСМ).

* * *

Тематика радиопередач отдела агитации и пропаганды Гостелерадио к юбилею («Великое содружество русского и украинского народов»; «Вековая нерушимая дружба»; «Богдан Хмельницкий — выразитель и защитник интересов украинского народа»; «Над чем работают сейчас ученые Советской Украины»; «Программа Коммунистической партии по национальному вопросу»; «Демократия социалистическая и „демократия“ буржуазная»²³⁸) была посвящена русско-украинской дружбе, жизни и достижениям Советской Украины, единству и дружбе народов СССР. Празднование юби-

лея служило иллюстрацией преимуществ советского общественно-политического строя. Тем самым показывалась связь дружбы народов с условиями, которые были созданы для этого в СССР, в отличие от национальной политики в странах Запада («буржуазной демократии»). Однако, несмотря на актуализацию связи общественно-политического контекста СССР и дружбы народов, основное внимание уделялось прошлому и настоящему русско-украинской дружбы.

* * *

Одним из ключевых в юбилейном нарративе был, как и в годы войны, образ гетмана Богдана Хмельницкого, который олицетворял собой русско-украинское единство, политическую линию «быть с Москвой». Он встречался в различных формах пропаганды и популяризации: от юбилейного сборника документов «Воссоединение Украины с Россией»²³⁹ и исторического романа Н. Рыбака «Переяславская рада» (первый том был удостоен Сталинской премии в 1950 г., второй том эпопеи вышел как раз к юбилею, в 1953 г.) до декламации стихов Е. Долматовского и изображений ордена Б. Хмельницкого в оформлении населенных пунктов. Так, на Красной площади 30 мая 1954 г. такое панно украшало ГУМ и Исторический музей: «Он видит рядом Киев и Москву: / Великой дружбой спаянные навечно!»²⁴⁰ — говорилось об исторической преемственности дружбы русских и украинцев в радиотрансляции парада и демонстрации. В Центральном парке культуры и отдыха им. Горького была театрализованно представлена «Встреча Богдана Хмельницкого с русскими послами», кадры которой вошли в киножурнал «Новости дня»²⁴¹.

Образ Хмельницкого подвергался идеологической ретуши. Так, из текста радиопередачи о гетмане убрали фразу о нем: «...сам испытал на себе бесправие и произвол». Был усилен патриотический фрагмент (им двигало «глубокое убеждение в справедливости и необходимости освободительной войны»²⁴²) как опровержение националистам, стремящимся выставить дело так, что его борьба была мотивирована личной обидой. Украинский историк Г. В. Касьянов справедливо указывает на важность для советского нарратива в

образе Богдана Хмельницкого его роли как «борца за социальное освобождение»²⁴³.

Значимость образа Б. Хмельницкого отразилась в массовом показе на Украине еще с 1953 г. одноименного исторического художественного фильма (режиссер И. Савченко, сценарий А. Корнейчука, 1941 г.). В юбилейном постановлении фигурировал пункт: «Поручить Министерству культуры СССР создать цветной художественный фильм „Богдан Хмельницкий“»²⁴⁴. Однако к самому юбилею не успели выпустить художественный фильм. Вполне еще в сталинской эстетике, но под названием, не дублирующим прошлую кинокартину и не «персонифицированным», в 1956 г. был выпущен фильм «300 лет тому...» (режиссер В. Петров, сценарий А. Корнейчука; стихи песен В. Василевской, Киевская киностудия имени Довженко). В нем рассказывалось о национально-освободительной войне на Украине и о Переяславской Раде.

В ноябре 1953 г. секретарь ЦК КПУ по идеологии И. Назаренко просил секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова отпечатать для Украины 250 копий фильма «Богдан Хмельницкий» 1941 г., т. к. 24 копии из 54 «пришли в негодность». Отдел науки и культуры ЦК и Министерство культуры СССР распорядились «выпустить 100 копий»²⁴⁵.

Образ Богдана Хмельницкого на Украине был столь мощно героизирован в пропаганде, что некоторых авторов приходилось одергивать из-за преувеличения роли его личности в национально-освободительной войне 1648–1654 гг. В статье Л. Дмитерко «Всенародное торжество» в главной газете республики «Правда Украины» основная заслуга в деле освобождения Украины отводилась самому Хмельницкому²⁴⁶. В редакционной статье той же газеты в ответ на данную статью уже указывалось, что «главной и решающей силой» войны было «угнетенное крестьянство», поднявшееся против «иноземного порабощения и... социального гнета феодалов-крепостников»²⁴⁷. Критики боролись с характерным для сталинского времени «уклоном» в сторону большего освещения исторической роли вождей, чем народных масс. Так член-корреспондент Академии наук СССР историк А. М. Панкратова, выступая в Московском городском институте усовершенствования учителей на тему «Творческая роль народных масс в исто-

рии», отмечала, что, в марксистском понимании, ошибкой является как «преувеличение роли отдельной личности, культа личности», так и «отрицание роли личности»²⁴⁸. С началом «оттепели» начали возвращаться к «строгим» классовым трактовкам прошлого.

* * *

В контексте освещения событий Переяславской рады в политико-идеологическом содержании пропаганды присутствовала проблема применения классового подхода к историческому прошлому: пресекались попытки приглушения классового характера событий, которое в большей или меньшей степени было характерно для сталинского периода с середины 1930-х гг. При обсуждении юбилейного издания на редколлегии журнала «Коммунист» авторам во главе с И. Бойко, проводившим «чисто объективистскую линию», замечалось, что «все встает на свое место, если сказать, что русское правительство [при принятии в подданство Украины. — *Прим. авт.*] исходило из государственных интересов своего класса», и тем самым разграничить: «русский народ, который доброжелательно относился, и другое дело — царское правительство»²⁴⁹. Из партитуры радиопередачи была вычеркнута фраза о почетной встрече украинцами царского посла боярина Василия Бутурлина: «На всем пути следования посольства украинский народ устраивал ему... торжественную и почетную встречу»²⁵⁰. А в опере «Богдан Хмельницкий» неслучайно во всех ее редакциях (см. историю оперы ниже) имя и социальный статус посла умалчивались, и он назывался так: «Посол Великой Руси»²⁵¹.

Пропаганда подчеркивала совместную борьбу русских и украинцев с представителями «эксплуататорских классов».

Противоречивым было освещение сюжетов дореволюционного прошлого русского и украинского народов. С одной стороны, цензура убирала фразу о том, что в дореволюционное время «никто и не ставил вопрос» о праздновании воссоединения Украины с Россией²⁵². С другой стороны, привлекалось внимание к факту изъятия царской властью из проекта памятника Б. Хмельницкому в Киеве статуй представителей народов (великоросса, малоросса, белоруса и червоноруса)²⁵³. Как мы видим, цензоры старались найти компромисс между

частичной реабилитацией дореволюционной истории и формированием негативного отношения к царизму.

Проблема соотношения в политико-идеологическом содержании юбилея дореволюционного и советского периода имела национальную специфику. Так, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Н. Н. Беспалов указывал как на недостаток юбилейного альбома-выставки его исторический уклон: дооктябрьский период составлял две трети материала (три раздела из пяти). Иллюстрирование двух разделов советского периода было «значительно беднее»²⁵⁴. Тем более «уход в историю», как реакция на сталинскую частичную реабилитацию досоветского прошлого, применительно к Украине мог получить националистическое направление.

* * *

Для создания образа «вечной» и «священной» русско-украинской дружбы в советский период («У Киева в сердце и в сердце Москвы — / Любви обоюдной великая сила») использовались объединительные для всех народов символы (Кремль: «Всегда я чувствовал Кремль сердцем» в стихах аварского поэта Расула Гамзатова)²⁵⁵ и связанные с Украиной (например, погибший за ее освобождение генерал Н. Ф. Ватутин). Чаще рассматривали в основном связи в области искусства, а не «русского и украинского рабочего класса и крестьянства» (что указывалось как «минус» авторам на совещаниях редколлегии газеты «Известия»)²⁵⁶. Однако не забывали и про общие корни народов: так, в Ленинграде среди тем лекций значилось: «Киевская Русь — историческая колыбель братских русского, украинского и белорусского народов»²⁵⁷. На заседании Ученого совета Музея истории и реконструкции Москвы, посвященном юбилею, освещались и «экономические связи Украины с Россией в XVII–XVIII вв.»²⁵⁸, и совместная борьба русского и украинского народов с немецко-фашистскими захватчиками. Так, в рассказах приглашенных на заседание историко-архитектурной секции данного музея Героя Советского Союза партизана В. В. Павлова, военного хирурга А. В. Цесарского речь шла о московских комсомольцах, воевавших на Украине, которые, не зная первоначально украинского, встретили товарищескую поддержку украинских

«братьев по оружию»²⁵⁹. Актуализировались на заседании Ученого совета музея и «юбилейные места памяти» в Москве (доклад «О памятных местах в Москве, связанных с воссоединением Украины с Россией»²⁶⁰).

Огромное значение в пропаганде идеи дружбы народов имела форма, созвучная национальной специфике юбилея, Декады украинской литературы и искусства в Москве в конце апреля — первой декаде мая 1954 г. Среди мероприятий Декады были вечера украинской литературы в Колонном зале; вечер сатиры в Политехническом музее; вечер в Московском доме актера «Украинская советская драматургия на сцене московских театров»; выступления мастеров театров Москвы — уроженцев Украины (А. Тарасовой, И. Козловского и др.); встречи с украинскими писателями в Центральном доме литератора (их посетило 32 тыс. москвичей²⁶¹), поэтами — в ДК и клубах; лекции об архитектурных связях Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Харькова, Львова²⁶². В ответ на украинскую Декаду в Москве в первой половине мая 1954 г. была проведена Декада русской литературы и искусства в Киеве. Приведем примеры мероприятий в ее рамках: гастролы Большого театра (впервые за 180 лет) в Киеве (в том числе 8 мая — «Лебединое озеро» и концерт ведущих артистов); выступления русского народного хора им. Пятницкого, молодежи консерватории Москвы и др.; встречи с литераторами и артистами Москвы в вузах, с рабочими фабрики им. К. Маркса, заводов, с колхозниками в Переяслав-Хмельницком районе, в селе Музычи Киево-Святошинского района Киевской области (интересно фото Е. Долматовского и К. Симонова в обнимку с колхозницами); 13 мая в Каневе — возложение венков писателями на могилы Т. Шевченко и А. Гайдара; 12 мая в Доме офицеров — выступления писателей («35 чел. русских писателей из РСФСР и 30 писателей братских республик», по словам Н. Бажана, ехали тогда на Украину²⁶³; среди них, кроме вышеупомянутых были А. Первенцев, А. Безыменский, С. Кирсанов, В. Луговской²⁶⁴. В рамках декады русского искусства и литературы «было проведено 14 концертов деятелей искусства совместно с писателями в Киеве»²⁶⁵.

Декады союзных республик проводились и в сталинское время, однако, будучи приуроченными к большому юбилею, они стали еще более содержательными.

Особо следует отметить масштабный обмен гастрольями драматических и музыкальных театров РСФСР и Украины весной-летом 1954 г. Так, украинские театры побывали в Москве, Ленинграде, Сталинграде, Ярославле, Ростове-на-Дону, Новосибирске, Свердловске и других городах РСФСР²⁶⁶. Репертуар состоял из известных опер «Богдан Хмельницкий», «Запорожец за Дунаем», драматических произведений, особенно А. Е. Корнейчука («В степях Украины», «Макар Дубрава и др.»). Многие театры республик СССР в юбилейный год показывали украинские произведения (так, в Ереване шли пьесы Корнейчука, Мишко, музыкальные спектакли «Наталка Полтавка», «Платон Кречет»²⁶⁷).

Состоялись гастрольные выезды МХАТ СССР имени М. Горького во Львове (21 мая–6 июня 1954 г.) и в Одессе (9–30 июня). Труппу встречали с митингами представители рабочих, колхозников и интеллигенции на вокзале, стихами на полосах газеты Евгена Бондуренко «Добро пожалувати, друзі». В рамках данных гастролей украинские зрители смогли увидеть спектакли по произведениям А. Н. Островского, А. П. Чехова, Ч. Диккенса, О. Уальда, В. П. Катаева, К. М. Симонова и др. В гастрольных спектаклях были задействованы знаменитые народные артисты, лауреаты Сталинской премии: А. Тарасова, М. Кедров, К. Еланская, Б. Ливанов, В. Топорков, В. Станицын и др. «Мхатовцы» провели несколько творческих встреч с трудящимися на заводах «Львовсельмаш», паровозостроительном заводе, в Зеленом театре ПКЮ, встречались с журналистами и учёными Одессы, выезжали в колхозы (имени Сталина Брюховичского района Львовской области, имени Будённого Березовского района Одесской области). Во Львов на спектакли был организован приезд колхозников из 22 районов области²⁶⁸.

Важное место в программах юбилейных концертов занимали русское и украинское литературное и музыкальное творчество, а также произведения других народов СССР. Так, на различных площадках в ходе народных гуляний в Москве 23 и 30 мая, выступили хор А. Свешникова, Государственная хоровая капелла РСФСР, украинская капелла «Думка» и др. Они показывали литературные монтажи на тему истории («Великая дружба») и русско-украинской классики («Тарас Бульба» Н. В. Гоголя)²⁶⁹. В союзных республиках была широко представлена программа народных украинских, русских и советских песен, сочетавшая в себе историю и современность музыкального творчества. Так, например, прошли вечера дружбы в Белорусском университете им. В. И. Ленина (Минск) художественной самодеятельности с русскими, украинскими, белорусскими песнями; в деревне Озеруха Речницкого района Гомельской области с исполнением колхозным хором песен к юбилею. В Мариямполе (Литовская ССР) свыше 6 тыс. человек пели песни²⁷⁰. Не только в Мариямполе, но и на других площадках страны исполняли «Гимн дружбы» П. Майбороды на стихи М. Рыльского, написанный к юбилею в рамках конкурса Союза композиторов Украины и Министерства культуры СССР²⁷¹. Отметим, что художествами приветствовалась мажорная торжественность юбилейных музыкальных произведений. Как записал в своем дневнике 13 ноября 1953 г. композитор, музыкальный педагог, учитель музыкальной литературы школы им. профессора П. С. Столярского в Одессе В. А. Швец, преподаватели «нападали» на композитора И. М. Асеева, представившего им

на обсуждение наброски своей «кантаты, посвященной воссоединению Украины с Россией» за то, что в ней «эмоциональное и колоритное начало» дано «в миноре»²⁷².

Таким образом, с помощью Декад литературы и искусства, спектаклей, концертов и других форм происходила популяризация национальных культур — ключ для взаимопонимания и большего сближения между народами СССР.

* * *

Показательно для раскрытия темы дружбы и единства народов СССР политико-идеологическое содержание юбилейной выставки подарков в Государственном музее Революции в Москве, на которой были представлены 15 «республиканских» стендов с приветствиями «от [название народа. — *Прим. авт.*] народа» к русскому и украинскому народам. Основное содержание экспозиции выражали две цитаты из тезисов: образование СССР «обеспечило все необходимые условия... для превращения отсталых и угнетенных народов в передовые, социалистические нации»²⁷³ и «Решающую роль в достижении победы социализма в СССР сыграл великий русский народ — ведущая нация среди всех равноправных наций нашего многонационального Советского государства»²⁷⁴ (см. подробнее о подарках, экспонируемых на данной выставке, в § 5 настоящей главы).

Таким образом не только показывалась прогрессивность национальной политики СССР в целом и по отношению ко всем народам (акцент на равноправие и мощное развитие республик), но и указывалась государствообразующая сила, объединяющая народы, — «великий русский народ». В тексте выступления первого секретаря ЦК КП Казахстана Л. И. Брежнева на сессии Верховного Совета Казахской ССР 14 июня 1954 г. со всей прямолинейностью было заявлено о ведущей роли этой силы и в историческом прошлом: «Известно, что истоки дружбы народов нашей страны относятся еще к тем далеким временам, когда русский народ собирал под свое знамя все народы, населяющие нашу Родину, для борьбы с иноземными захватчиками». Однако данный тезис уравнивался формулировкой из нового нарратива о воссоединении «двух великих [курсив мой – *Прим. авт.*] народов – украинского и русского»²⁷⁵.

В музеях, библиотеках и домах культуры, кинотеатрах проходили исторические, литературные и другие выставки к юбилейной

дате: «300 лет воссоединения Украины с Россией» в Государственном литературном музее в Москве²⁷⁶, «Великая дружба» в Ростове-на-Дону, выставки во Львове, в Библиотеке Академии наук²⁷⁷. При этом на них не всегда удавалось полно и правильно осветить темы русско-украинской дружбы и братства всех народов в СССР. Так, идеологическим пороком издания альбома-выставки было признано бедное освещение связей Советской Украины с РСФСР и «другими братскими союзными республиками»²⁷⁸. А плакатами с призывами, «касающимися других народов», завешивали даже в Москве пустые места, «если нельзя дать других тем оформления» на улицах²⁷⁹. Налицо был формализм по отношению к раскрытию темы дружбы народов СССР. Основным стержнем тематики стали дружба и братское единство русского и украинского народов как первого и второго по политическому, экономическому и культурному значению в СССР. (ср. символику изображений на юбилейной памятной медали в § 5 настоящей главы).

Для освещения юбилейного события была дана новая идеологическая установка. На совещании в Совете Министров РСФСР министр народного просвещения и президент Академии педагогических наук РСФСР И. А. Каиров заявил о необходимости «пересмотреть... вопрос, т. к. до сих пор... говорилось не о воссоединении Украины, а присоединении ее к России»²⁸⁰. Происходил переход от, по сути, имперской трактовки «сбирания» народов вокруг России в период Российской империи (в 1904 г. «Нива» писала о «торжественном присоединении» к России «украинской земле»²⁸¹), которая была продолжена при Сталине, к интернационалистской трактовке СССР как союза равных народов. Необходимо отметить и то, что в рамках подготовки выставки «300 лет воссоединения Украины» с Россией в Музее истории и реконструкции Москвы при освещении события 1939 г. касательно Западной Украины, Буковины и Измаильской области слово «присоединение» также заменялось на словосочетание «добровольное воссоединение»²⁸².

В связи с установкой на «воссоединение» в школах к юбилею всячески популяризировалась взаимосвязь народного хозяйства и культуры Украины и России с подчеркнутым уважением к украинской культуре. Самыми распространенными формами работы были вечера и пионерские сборы. Так, в Рязани звучали докла-

ды: «Братская дружба Украины с Россией», «Совместная борьба украинского и русского народов за независимость и освобождение от классового гнета» и др., а также проводились чтения отрывков из произведений Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченко, М. Рыльского, Н. Рыбака; в Горьком (ныне Нижний Новгород) на пионерских сборах «Навеки вместе» пелась песня «Ой, Дніпро, Дніпро», ставилась пьеса «Сорочинская ярмарка»²⁸³. Проводилась линия поддержки межкомсомольских и межпионерских связей. В одной из школ Кировского района Москвы в выпуске устного журнала «выступали делегаты XII-го [так в тексте. — *Прим. авт.*] съезда комсомола от Украины — знатный сталевар и водитель угольного комбайна»; «в отделе журнала „Наша почта“ поместили письмо „пионерского актива... Канева“, и от пионеров Украины»²⁸⁴. Заметим, что культурные связи народов демонстрировались как преемственные: в дореволюционный период на примерах Н. В. Гоголя и поэта, революционера-демократа Т. Г. Шевченко, а в советский период — на примере писателя, участника Великой Отечественной войны А. П. Гайдара (г. Канев Черкасской области — место рождения Шевченко и захоронения Гайдара) Важной формой популяризации украинской культуры в школе в связи с юбилеем были поездки учащихся из РСФСР на Украину²⁸⁵. В маршрутах сочетались как историческое место Переяславской рады (где позднее будет установлен монумент в честь юбилея), так и символизирующее развитие Украины — Новая Каховка, где строилась грандиозная Каховская ГЭС.

Общая направленность всех форм работы в школах к юбилею состояла: «в разъяснении национальной политики нашей партии, дружбы народов СССР»²⁸⁶. Историческая роль «великого русского народа» при этом особо не выделялась.

Принцип равноправия народов как ведущий в советской национальной политике находил и художественное воплощение: так, на плакате А. Антонченко «300 лет воссоединения Украины с Россией» были симметрично изображены гербы РСФСР и УССР. Выпуском юбилейных значков с флагами РСФСР и УССР в двух видах (с надписями по-русски или по-украински)²⁸⁷ подчеркивалось как равенство этих двух союзных республик, так и национальное содержание юбилея. Присутствие же Спасской башни, как

на плакате А. Антонченко, так и на значках, указывало на роль Москвы как политического центра СССР.

Плакат В. Иванова «В братской дружбе — наша сила!» в списке изобразительных для утверждения секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова содержал в своем названии более идейно смягченную формулировку — «в нашей дружбе»²⁸⁸. Заметим, что на данном плакате, несмотря на преобладание признаков, подчеркивающих равенство республик, — от симметричности композиции вплоть до внешнего сходства лиц изображенных молодых людей, образ украинца дан в расшитой национальной рубашке под пиджаком, а русского (как даже в случае с рисунком Р. Ефименко для газеты «Социалистический Донбасс» с образами двух былинных богатырей на конях с картины В. Васнецова!) — в советском костюме (пиджак, галстук), без всяческих признаков национальной идентификации; на плакате киевского издания «Навіки з великим російським народом» («Навеки с великим русским народом») А. Резниченко за спинами русского и украинца аналогично изображенными в плане одежды расположены представители разных народов СССР в национальных костюмах, смотрящие на русского и украинца как образец дружбы²⁸⁹. Такими средствами в пропаганде стремились продемонстрировать трепетное отношение к украинской и вообще национальной форме выражения социалистического содержания культуры. Фактически за «советское» содержание культур народов СССР «отвечал» образ русского молодого человека. (Уточним, что в изображениях русского и украинца времен Переяславской Рады опосредованно прослеживалось национальное различие: стрелец и запорожец сжимали общий щит на плакате К. Иванова, В. Корецкого и др. «Навеки — вместе!») Подача образов русской и украинки строилась по-иному: так, на обложке «юбилейного» номера журнала «Огонек», были изображены русская и украинская девушки, опирающиеся на гербы РСФСР и УССР, — обе в национальных костюмах²⁹⁰.

Оформление Красной площади, на которой 30 мая 1954 г. проходили главные мероприятия церемониальной формы коммеморации о 300-летию воссоединении Украины с Россией — парад и демонстрация трудящихся (см. § 1 настоящей главы), выражало тему дружбы народов присутствием 16 флагов союзных республик на ГУМе. На параде прошествовали представители разных народов (по радио упоминались русские, украинцы, азербайджанцы, татары и др.). «Общим праздником» всех «народов-братьев» были названы юбилейные торжества в радиотрансляции парада и демонстрации трудящихся с Красной площади²⁹¹.

«Празднество 300-летия воссоединения Украины с Россией вылилось во всенародное торжество», — таков был вывод в специально подготовленном целиком (!) в честь празднования данного юбилея (что делалось для важнейших событий в жизни страны) номере киножурнала «Новости дня», отображавшего торжества как в столице СССР — Киеве (демонстрацию на Крещатике), так и в столице РСФСР и всего СССР — Москве (народные гуляния в ЦПКиО им. Горького, катание на расписных ладьях в Измайловском парке, концерты с украинскими песнями и плясками)²⁹².

Главная линия в политико-идеологическом содержании юбилея была подтверждена на «октябрьском» торжественном заседании 6 ноября 1954 г.: 300-летие воссоединения Украины с Россией было названо «большим праздником не только украинского и русского народа [заметим, что на первое место поставлен украинский народ! — *Прим. авт.*], но и всех народов Советского Союза» как демонстрация сплочения их в «единую братскую семью»²⁹³.

* * *

Под влиянием фактора изменений в советской национальной политике (см. подробнее о национальном факторе в § 1 настоящей главы) главным проблемным вопросом в политико-идеологическом содержании юбилея стало определение грани украиноцентризма и украинского национализма.

Еще до публикации в январе 1954 г. «Тезисов», задавших рамки раскрытия украинской тематики, в «Правде Украины», в передовице от 11 декабря, вышла яркая статья писателя, поэта и драматурга Л. Дмитерко «Всенародное торжество»²⁹⁴. Однако там же 20 декабря, в статье «Советская идеология дружбы народов», была дана критика статьи Дмитерко за то, что в ней преувеличенно оценивалось историческое значение 300-летия воссоединения Украины с Россией как «определившее пути развития всего человечества», когда так «можно говорить лишь о Великой Октябрьской социалистической революции»²⁹⁵. Воссоединение Украины с Россией трактовалось как событие, имевшее «огромное прогрессивное значение для... политического, экономического и культурного развития украинского народа». Данная поправка как ставила границы украинской темы

для республиканской прессы, так и напоминала иерархию юбилеев, не допускавшую чтобы исторический юбилей «принижал» значение Великого Октября.

Стремление подчеркнуть украинский характер юбилея наблюдалось на заседаниях юбилейного Правительственного комитета в РСФСР. Так, уже упоминаемый министр народного просвещения РСФСР И. А. Каиров подчеркивал, говоря о пропаганде идей К. Д. Ушинского, что тот, «хотя и был русским человеком... похоронен под Киевом»²⁹⁶.

В различных формах пропагандистской и популяризационной работы шла борьба, и были колебания между приданием особого значения украинской или русской тематике (с опасением вымывания последней из содержания юбилея).

При подготовке тематико-экспозиционного плана выставки «300 лет воссоединения Украины с Россией» отделом «Социалистическая Москва» Музея истории и реконструкции Москвы на полях проекта делались следующие замечания: «Почему нет Конституции Украины?»; «Украинский фронт?»²⁹⁷.

Темы бесед с трудящимися были в основном посвящены именно Советской Украине: «Расцвет Советской Украины», «Украина в советском изобразительном искусстве», «У шахтеров Донбасса», «На строительстве Каховской ГЭС»²⁹⁸.

Популярные издания изобиловали иллюстрированными материалами («У нас, на Украине»; о драматических театрах Украины; «Спортсмены Украины»), превозносившими, прежде всего, достижения украинского народа. На открытках с одобрения ЦК КПСС печатались репродукции картин художников — выходцев с Украины, связанных с украинской темой: от «Запорожцев...» И. Е. Репина и «Девичника» В. Е. Маковского до «Хлеба» и «Весны» Т. Н. Яблонской²⁹⁹. На уровне юбилейного комитета в РСФСР призывали «писать о передовых людях Украины в области промышленности, транспорта, науки, сельского хозяйства, культуры»³⁰⁰. Однако для баланса рядом находились материалы «объединительного» характера: «Праздник вечного братства», «Всенародное торжество» (о торжествах на границе РСФСР, УССР и БССР в январе 1954 г., в Москве, Переяславе-Хмельницком и Киеве в мае)³⁰¹.

Для усиления украинской составляющей содержания публиковались как юбилейные, так и просто посвященные Украине стихи в основном украинских поэтов (стихи П. Тычины «На Переяславской Раде», И. Неходы «Моя республика», «Песнь о Киеве», Л. Дмитерко «Наша сила» и др.)³⁰². Тем самым показывалось уважение к национальной литературе. Особо отмечались мероприятия, связанные с популяризацией творчества Т. Г. Шевченко. Его имя традиционно активно использовалось как символ величия литературы Украины. На заседании юбилейного комитета в РСФСР, наряду с организацией выставки в Москве, предлагали издать знаменитого «Кобзаря» и дневник Шевченко³⁰³. К юбилею и в 1955 г. произведения Т. Г. Шевченко, И. Франко и «наиболее ценные книги и брошюры» Н. Рыбака (двухтомный роман-эпопея «Переяславская Рада», 1948–1953 гг.) Н. Бажана, Л. Первомайского, М. Рыльского и др. переводились на русский язык и языки народов СССР. Так, на встрече с писателями Украины 28 апреля 1954 г., в то время как Н. Бажан (автор «юбилейной» исторической поэмы «Гонец») и П. Тычина, обращаясь к Н. Хрущёву, «благодарили за атмосферу дружбы и любви», «теплый прием»³⁰⁴ москвичами украинских писателей (их было 36 человек³⁰⁵), М. Рыльский сетовал на то, что «книги... посылаются не туда, куда нужно». (Хрущёв велел разобраться в этом зав. отделов культуры и пропаганды А. Румянцеву и В. Кружкову.)³⁰⁶

Показательно, что в замечаниях отдела науки и культуры для секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова от 4 января 1954 г. по поводу формирования списка литературы, издаваемой к юбилею, особый пункт замечаний был посвящен необходимости запланировать выход «в одном из центральных издательств» сборника стихов украинского поэта В. Сосюры. П. Н. Поспелов 30 марта поставил на замечаниях резолюцию: «Согласен»³⁰⁷.

Представляется важным здесь тот факт, что поэт В. Сосюра в статье «Правды» от 2 июля 1951 г. «Украина „вообще“. Против идеологических извращений в литературе» за стихотворение «Любить Україну» (1944), перепечатанное журналом «Звезда» в № 5 за 1951 г., обвинялся в национализме. «Правда» писала: «...вопреки жизненной правде, он воспекает некую извечную Украину, Украину „вообще“. Вне времени, вне эпохи — вот Украина в изображении поэта. <...> В стихотворении В. Сосюры за внешней красотостью поэтической формы нет ни гневного осуждения подъяремных

порядков прошлого, ни яркого отображения новой, социалистической жизни украинского народа, которая становится все светлее и краше. Известно, что В. Сосюра написал много хороших стихов, заслуженно пользующихся симпатиями у наших читателей. Что же касается стихотворения „Люби Украину“, то под таким творчеством подпишется любой недруг украинского народа из националистического лагеря, скажем, Петлюра, Бандера и т. п.»³⁰⁸ [С. Петлюра и С. Бандера — *Прим. авт.*]. В стихотворении Сосюры были и такие возмущившие цензоров строки (в переводе: «Без Украины — мы ничто, как порох и дым»), которые были заменены: «Между братских народов, как садом обильным»). Также в стихотворении присутствовало следующее авторское заявление: «Нельзя любить другие народы, если ты не любишь Украину!»³⁰⁹

Такая реабилитация опального с 1951 г. поэта свидетельствовала о стремлении Москвы к ревизии сталинских оценок по отношению к национальным культурам и о демонстрации особого внимания в СССР к украинской национальной литературе.

В замечаниях к списку по изданию литературы присутствует и фактор поэтических предпочтений и благожелательности Н. С. Хрущёва, который в 1938–1949 гг. демонстрировал покровительство украинским литераторам и дружбу с А. Корнейчуком, В. Василевской, Н. Бажаном, П. Тычиной, М. Рыльским. Так, например, М. Рыльского Хрущёв защищал методом «напасть на него самому» от ждановских обвинений в украинском национализме в 1946 г.³¹⁰ (Завоевание позиций в среде украинской интеллигенции с проявлением националистических настроений в ее кругах было непростым делом для русского руководителя. Хрущёв при назначении на Украину в конце 1937 г. опасался и заявлял Сталину: «Я человек русский... Говорить на украинском я совсем не могу, а это тоже большой минус. Украинцы, особенно интеллигенция, могут принять меня холодно»³¹¹.)

В юбилейном списке литературы отдавалось предпочтение именно украинским произведениям: по Гослитиздату из 13 изданий — 11; по издательству «Советский писатель» — все 15, по «Молодой гвардии» — все 11 названий³¹².

В тематико-экспозиционном плане выставки «300 лет воссоединения Украины с Россией» в стенах Государственного литературного музея выстраивалась линия неразрывных литературных

связей между русским и украинским народом: от времен Киевской Руси, где Киев был назван «крупнейшим центром культуры Древней Руси X–XII вв.»³¹³ [слово «крупнейшим» добавлено в процессе редактирования тематико-экспозиционного плана. — *Прим. авт.*]. Авторы выставки не забывали о том, что А. С. Пушкин питал «большой интерес к истории Украины». Однако, пожалуй, главное место отдавалось жизни и творчеству Т. Г. Шевченко, причем его старались представить всеобъемлющим. Шевченко представал и как «автор поэтического стихотворного перевода «Слова о полку Игореве» на украинский язык»³¹⁴, и в высоких оценках «Кобзаря» В. Г. Белинского³¹⁵ (разумеется, уничижительная оценка поэмы «Сон» от того же критика не приводилось), и в связях с русскими революционерами-демократами (Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, Н. А. Некрасовым и др.)³¹⁶, т. е. русским национально-освободительным движением. В конце экспозиции приводилась знаменитая ленинская цитата из работы «К вопросу о национальной политике» о том, что после запрещения чествовать Шевченко «миллионы „обывателей“ убедятся в правильности того изречения, что Россия есть „тюрьма народов“»³¹⁷. При этом показателна для взгляда на дореволюционное прошлое двух народов и цитата из «Истории Малороссии» уже упомянутого Белинского: «Слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия открыла и себе дверь цивилизации, просвещения, искусства, науки... Вместе с Россиею ей предстоит великая будущность»³¹⁸.

Большая работа в русле балансирования между украинской и русской составляющими содержания проводилась в рамках обсуждений на редколлегии журнала «Коммунист» 9, 27 января и 8, 28 мая 1954 г. материалов серии статей: М. Тихомирова, А. Лихолата «Трехсотлетие воссоединения Украины с Россией»; А. Румянцева «Экономическое сотрудничество украинского и русского народов»; Н. Подгорного «Советская Украина в братской семье народов СССР». Заметно, что авторами статей были деятели ЦК КПСС (А. Румянцев), но и ЦК КПУ (второй секретарь Н. Подгорный); и не только московские (М. Тихомиров), но украинские историки (и при этом заместитель заведующего сектором отдела науки и культуры ЦК КПСС А. Лихолат).

Одни члены редколлегии выражали недовольство, что «до революции Украина названа „отсталой окраиной“», «не представлена как наша житница»³¹⁹, «мало сказано о развитии национальной

культуры... и искусства», не говорилось о «расцвете украинской литературы», т. к. украинские писатели — «крупнейший отряд вслед за русским»,³²⁰ и желали особо подчеркнуть значение Украины в СССР.

В то же время был ряд попыток и умерить великодержавное стремление «приподнять Украину» в историческом прошлом. Так, Богдана Хмельницкого посовествовали оставить «выдающимся украинским государственным деятелем и полководцем», а не «крупнейшим государственным деятелем и полководцем своего времени»³²¹; критики рекомендовали приподнять в статье роль русского народа, других народов в истории Украины («битва на Куликовом поле была победой трех славянских народов с решающей ролью русских»)³²², чтобы доказать полную безвыходность положения украинского народа (разумеется, кроме того, как «идти к Москве») в середине XVII столетия; напоминали о серьезной угрозе не только со стороны «польских панов», но и со стороны «султанской Турции»³²³; оспаривали тезис о «существовании в Украине до революции сформированной самостоятельной украинской буржуазии»³²⁴. Выражалось недовольство утверждением в статье М. Тихомирова и А. Лихолата о неизбежном «обособлении отдельных русских земель», как опасное потенциальной трактовкой в националистическом ключе. Тихомиров объяснял, что хотел показать не только «обособление, а усиление некоторых... земель»³²⁵. Его материал критиковали и за то, что он не разоблачал украинского «буржуазного национализма» (М.С. Грушевского)³²⁶.

Попытки умерить особое акцентирование украинской составляющей касались и современного положения Украины. Так, от авторов требовали подчеркивать «роль России и прежде всего РСФСР», «русского народа» в развитии экономики Украины. Отмечалась ненужность акцентирования, что Украина «занимает 3 или 4 [так в тексте. — Прим. авт.] место в мире»³²⁷ «без всякого научного объяснения», ибо такие положения в статье могли «подкреплять тезис украинских буржуазных националистов насчет того, что Украина одна, без России, была вполне самостоятельной хозяйственной единицей»³²⁸ Были и голоса оправдания данного подхода тем, что «цифр часто нет», чтобы их приводить (по количеству русских из общей численности рабочих на Донбассе³²⁹).

Таким образом, обсуждение юбилейных статей в главном партийном журнале показывало не только сложность нахождения баланса, но и борьбу между стремлениями усилить украинскую или русскую линию в пропаганде.

В текстах партитур радиопередач юбилейной тематики места, связанные с украинской историей, находились под пристальным вниманием цензоров от Главлита. Так, они изъяли абзац об использовании запорожцев польским правительством на службе «по охране границ» и даваемых им «привилегиях»³³⁰. Сложные украинско-польские отношения не всегда отвечали линии пропаганды о постоянной борьбе украинцев против польского гнета и стремлении «быть с Москвой».

Борьба за приоритет украинской исторической темы ярко прослеживалась и в конфликте вокруг опер «Запорожец за Дунаем» и «Богдан Хмельницкий».

Еще до принятия решения о праздновании юбилея, 13 мая 1953 г., секретарь ЦК КПУ по идеологии И. Д. Назаренко заявил в письме секретарю ЦК КПСС П. Н. Поспелову, что постановка первой национальной оперы украинского композитора XIX в. С. Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем» в Московском оперном театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко «очень далека от подлинника... на украинских сценах»³³¹, и предъявлял претензии, указав на исторические ошибки в подборе музыкального материала, переводе песен и изображении событий: введение войскового писаря Прокопа (их не было в ту эпоху); «в погоне за внешним эффектом» воспроизведение живой картины И. Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»³³². Назаренко возмущался, что спектакль был принят Комитетом по делам искусств и распространен по СССР³³³. Отдел науки и культуры ЦК (А. Румянцев, Б. Ярустовский) в записке Поспелову признавал не только недостатки оперы, но и факт ее «высокой оценки... московским зрителем и прессой»³³⁴ и предлагал: «Министерству культуры СССР... с представителями украинского искусства... выработать единый вариант... оперы», но пока не запрещать ее, чего требовал (!) Назаренко. Поспелов наложил резолюцию: «Согласен»³³⁵.

Таким образом, в украинской политической элите в начале «оттепели» пробудилось обостренное национальное сознание, и она требовала от Москвы тщательности в решении вопросов истории и

культуры. (Запорожское казачество было яркой страницей прошлого Украины, поэтому Киевом осуществлялась проверка реакции Москвы.) В данном случае был найден компромисс.

Конфликт произошел и вокруг знаковой для юбилея оперы «Богдан Хмельницкий» (музыка К. Данькевича, либретто А. Корнейчука и его супруги В. Василевской) — постановки Киевского театра оперы и балеты им. Т. Г. Шевченко. Прежняя редакция оперы подверглась после прослушивания Сталиным на Декаде украинского искусства в Москве разгрому в статье «Правды» «Об опере „Богдан Хмельницкий“» не только за музыкальные недостатки, но и за идейные ошибки в либретто. В архивном фонде Г. М. Маленкова сохранилась правка рукой самого вождя данной статьи, присланной главным редактором «Правды» Л. Ф. Ильичёвым. Обращает на себя внимание, что даже в подготовленном «разгромном» тексте Сталин дважды зачеркивает, когда речь идет о борьбе украинского народа в XVII в., формулировку «за независимость»³³⁶, заменяя ее словами то «свобода», то «права», и в то же время, чтобы не отождествлять в опере польский народ с польской шляхтой, делает следующую вставку: «Известно, что шляхта была врагом польского народа. Нельзя забывать, что первым шагом народно-демократической революции польского народа была ликвидация шляхты, передача ее земель крестьянам»³³⁷. Отдельным предложением и новым абзацем Сталин требует выделить «Не получает полного выражения идея братского союза украинского и русского народов», отделяя от первоначально одного предложения, где данный фрагмент стоял через запятую, после слов «слабо раскрывается тема борьбы украинского народа против шляхты»³³⁸.

Таким образом, Сталин со всех сторон ликвидирует возможность оставления поля украинскому национализму — его целевой установке: независимость Украины, его антирусская и антипольская направленность. Как мы видим, на эту линию ориентировались (но не повторяли, см. ниже) в содержании программных и иных юбилейных текстов к празднованию 300-летия воссоединения Украины с Россией.

Вернемся в 1951 г., к истории с оперой «Богдан Хмельницкий». Авторам оперы в их дальнейшей «творческой работе» требовалось

в числе прочих поправок, «показать переговоры Богдана и его слов с Москвой», а также «радость освобожденного народа, нашедшего свое счастье в союзе с великой Россией»³³⁹. (Хрущёву тогда, в 1951 г., «с большим трудом удалось погасить гнев Сталина», подозревавшего «националистические» мотивы³⁴⁰. Забегая вперед отметим, что при Хрущёве 28 мая 1958 г. будет принято реабилитационное для советской музыки Постановление ЦК «Об исправлении ошибок в оценке опер „Великая дружба“, „Богдан Хмельницкий“ и „От всего сердца“, где будет заявлено о «субъективном подходе» И. В. Сталина, в том числе и к опере «Богдан Хмельницкий», неоправданности утверждения о «крупных идейных недостатках» ее либретто³⁴¹.)

Итак, переделка оперы после ее разгрома в 1951 г. шла и шла...

Уже сам заместитель Председателя Совета Министров СССР В. М. Молотов 28 марта 1952 г. в ответе на новую обширную критику оперы из ЦК потребовал признать, что «в основном авторы... выполнили задачу по исправлению либретто» и его необходимо только несколько сократить³⁴². К 1953 г. была подготовлена «третья сценическая редакция» данной оперы. И вот 27 июня 1953 г. сигналы о ее недостатках были даны со стороны Москвы после ее прослушивания музыковедом из ЦК Б. Ярустовским (фигурировал и как автор записки к Молотову в 1952 г., и в истории с «Запорожцем за Дунаем»). Он, помимо художественных недостатков, обнаружил политико-идеологические ошибки: «мало взаимно связаны две темы — борьба украинского народа с польской шляхтой и... союза Украины с Россией», и «никак не мотивируется значение союза с Россией»³⁴³. Это было тревожным «националистическим» сигналом для Москвы. Эксперт посоветовал исправить недостатки к следующему сезону (на что согласилась украинская сторона). П. Н. Пospelов согласился³⁴⁴ на компромиссный вариант, не желая задеть «украинских товарищей» и приближенных к Хрущёву деятелей культуры — авторов либретто (к тому же памятуя о высоком партийно-правительственном положении А. Е. Корнейчука в УССР). Идейно-художественная коррекция либретто должна была покончить с двусмысленностью (понизить статус финала «победа над войском Потоцкого», чтобы был один финал — Переяславская рада), как отмечали «заведующий

Отделом науки и культуры ЦК КПУ Червоненко и министр культуры СССР Литвак»³⁴⁵. Либретто оперы завершалась главными юбилейными тезисами:

Навеки слава —
Народам-братьям слава!
Навеки вместе
Киев с Москвою златоглавой!³⁴⁶

(Заметим, что после данных слов были убраны, как неактуальные, при отдельных идеологических изменениях к 1954 г. заключительные, фигурировавшие еще в 1952 г. слова: «Богдану Хмельницкому слава! / Русскому народу слава!»³⁴⁷, которые теперь могли трактоваться как способствующие принижению роли народа и к тому же особо выделяющие роль русского народа, нарушающие равенство двух братских народов.)

10 мая 1954 г. руководители Партии и Правительства (Г. М. Маленков, Н. С. Хрущёв, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. Г. Первухин, М. А. Суслов, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин)³⁴⁸ почтили своим присутствием постановку оперы «Богдан Хмельницкий» на сцене Большого театра в рамках Декады украинской литературы и искусства³⁴⁹. В черновиках Маленкова сохранились его личные записи, которые свидетельствуют о высокой оценке, данной им опере «Богдан Хмельницкий». Маленков отметил «хорошую музыку», «мелодичность украинских песен», талантливое исполнение отдельных ролей и др., а также тот факт, что сама постановка была «тепло принята зрителем»³⁵⁰. В советской прессе появились хвалебные отзывы со словами о том, что опера «раскрывает волнующую страницу борьбы украинского народа за свою независимость, за воссоединение с братским русским народом»³⁵¹. (Важно отметить, что здесь явно присутствуют в свое время отвергнутое Сталиным слово «независимость» и новое идеологическое изобретение — «воссоединение» народов.)

Таким образом, опера «Богдан Хмельницкий» после всех своих злоключений де-факто была реабилитирована в юбилейные дни 1954 г. Юридическая ее реабилитация (1958) была возможна на другом этапе десталинизации, уже после XX съезда КПСС.

Данные примеры с конфликтными ситуациями вокруг опер «Запорожец за Дунаем» и «Богдан Хмельницкий» отражали борьбу на культурном фронте между украинской национальной и союзной, «московской» линией. ЦК КПСС отвечал на критические выпады ЦК КПУ: прислушивался к мнению украинской политической и культурной элиты, но иногда ставил на место «украинских товарищей», т. к. уровень их претензий к Москве был порой несоизмерен с отношением к качеству собственной работы в области культуры.

Яркой иллюстрацией такого компромиссного подхода стало согласие П. Н. Пospelова на передачу из Москвы, из «Архива малороссийских актов XVII–XVIII вв.», оказавшегося там еще в 1870 г. в собрании Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, в Центральный государственный исторический архив УССР только фотокопий документов либо микрофильмов с их изображениями, но не самих подлинников, как того просил из Киева уже упоминаемый нами секретарь ЦК КПУ И. Назаренко³⁵².

Не было двусмысленности в указании на источник освобождения Западной Украины в 1939 г. в плакате В. Карамзина «Спасибі великому російському за наше визволення!» («Спасибо великому русскому народу за наше освобождение!») с изображением украинки, держащей в руках приветственный адрес Верховному Совету СССР.

Главный документальный фильм к юбилею с названием «Навеки с русским народом» нес, прежде всего, украинский акцент, заметный по его видеоряду: в нем преобладали достопримечательности Киева, Каменец-Подольска, Харькова, Запорожья, Львова, производство, пейзажи Украины. сессия Верховного Совета УССР, отдых шахтеров, колхозников, опера Данькевича «Богдан Хмельницкий»³⁵³, а не сюжеты из жизни РСФСР. То же самое можно сказать и о выпуске прошедших утверждение секретарем ЦК КПСС П. Н. Пospelовым открытках с украинскими видами, репродукциями общим тиражом в 1 млн 150 тыс. экземпляров (!), из них 100 тыс. экземпляров — с видом здания Верховного Совета УССР как символа украинской государственности (притом что написанная в 1951 г. репродукция картины М. Хмелько «Навеки с Москвой, навеки с русским народом» имела тираж в 35 тыс. экземпляров)³⁵⁴.

Особый размах торжества приобрели на Украине. Их апофеоз – масштабная демонстрация трудящихся 23 мая 1954 г. на Крещатике в Киеве. Яркие демонстрации, с украинским национальным колоритом, прошли по всей республике. 23 мая 1954 г. по приказу министра обороны Н. А. Булганина от 22 мая в Киеве, Харькове, Переяславе-Хмельницком, Львове, Севастополе, Одессе были проведены военные парады³⁵⁵. (Такой перечень городов, так же как и перевод по решению правительства УССР из Одессы во Львов Русского драматического театра Советской армии, из Львова в Одессу — театра музыкальной комедии, отвечали единению Запада и Востока Украины.³⁵⁶) Уважение к политическому статусу Украины на демонстрации 30 мая 1954 г. в Москве было подчеркнуто присутствием в каждой колонне ее флагов и двух портретов первого секретаря КПУ А. И. Кириченко³⁵⁷.

* * *

Важным элементом политико-идеологического содержания юбилея явилась тема передачи Крыма из состава РСФСР в состав Украины. (См. о причинах и организации процесса передачи Крыма в § 1 настоящей главы.) Советская пропаганда освещала данное событие в нескольких аспектах.

Во-первых, этот дар преподносился как акт высшего проявления «любви русского народа к украинскому народу — собрату в многовековой борьбе с царизмом, с иноземными захватчиками», дар Украине, «дающий возможность еще более быстрого развития и могучего расцвета»³⁵⁸ республики (а не как передача депрессивного региона «в нагрузку», как пытаются доказать современные украинские историки). Так, киножурнал «Новости дня» демонстрировал кадры радости русских и украинцев, водружающих флаги братских республик на вершине Крыма Ай-Петри³⁵⁹.

Во-вторых, в материалах делался акцент на существующие хозяйственные связи полуострова с Украиной. В актуальном контексте «крутого подъема сельского хозяйства» в печати выражалась уверенность, что Украина будет поставлять на «братский стол народов щедрые и обильные дары» Крыма³⁶⁰. Пропаганда особо подчеркивала то, что украинцы «помогают крымчанам строить прекрасные города и курорты, развивать промышленное производство. На стройки города-героя Севастополя... Ялты непрерывным пото-

ком идут из Украины мощные... механизмы»³⁶¹. Такие материалы (в том числе «Крымской правды») использовались для убеждения крымчан в правильности решения Партии и Правительства.

В дни главных торжеств в Крыму (в Симферополе, в Севастополе и др.) провели множество ярких мероприятий (юбилейная сессия Крымского облсовета, митинги, гуляния). Так, 23 мая 1954 г. состоялись многотысячный митинг, праздник на стадионе «Пищевик» (на нем в числе прочего хор Симферополя и Таврического военного округа — 1000 чел. — исполнил «Ревет и стонет Днепр широкий» на слова Шевченко, имя которого занимало одно из центральных мест в нарративе праздника на всей территории УССР: будь то Донбасс, Одесса или вошедший в нее только что Крым)³⁶². Их масштаб должен был подчеркнуть тезис: «как большой радостный праздник встречают трудящиеся Крыма знаменательную дату»³⁶³.

Таким образом, можно заключить, что средствами пропаганды и проведения различных торжеств проведенную с нарушениями законодательства передачу Крыма пытались легитимировать и даже сделать сакральной: как «объединительный» акт для братских народов России и Украины, чтобы обеспечить ее поддержку крымчанами (см. настроения на Крымском полуострове в § 4 настоящей главы). Интернационалистский характер советской пропаганды сглаживал межнациональные трения на переданных территориях при периодических попытках украинизации. После распада СССР украинская шовинистическая пропаганда вызывала у большинства крымчан желание восстановить историческую справедливость и вернуться в Россию.

* * *

Политико-идеологическое содержание пропаганды к юбилею находилось под влиянием фактора начинавшейся полускрытой десталинизации. Само явление «культ личности» было подвергнуто критике в заключительной речи Г. М. Маленкова на июльском Пленуме ЦК КПСС (1953): «Культ личности т. Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены»³⁶⁴. При этом величие Сталина как верного продолжателя дела Ленина не ставилось им под сомнение³⁶⁵. Ситуация с отношением к сталинской теме в пропаганде была неоднозначной. (См. об упоминаниях Сталина в идеологической концепции юбилея в § 2 настоящей главы.)

С одной стороны, портрет Сталина рядом с Лениным украшал сцену юбилейных заседаний; на демонстрации 30 мая 1954 г. по Красной площади несли «бархатный щит с золотым барельефом Сталина»³⁶⁶; его портреты присутствовали на демонстрации в Киеве, в оформлении Москвы (например, на Большом театре, на стадионе «Динамо» во время спортивного праздника)³⁶⁷; в текстах (в том числе в докладе П. Н. Поспелова «О XXX годовщине со дня смерти В. И. Ленина» на торжественно-траурном заседании в Москве 21 января 1954 г.³⁶⁸) присутствовало обозначение «ленинско-сталинской» национальной политики и дружбы народов; некоторые сталинские цитаты использовали в радиопередачах, посвященных юбилею³⁶⁹, а работы Сталина («Октябрьский переворот и национальный вопрос» и его выступления, например, доклад Сталина на I съезде Советов СССР, сборник «И. В. Сталин о Великой Отечественной войне») — при подготовке выставки «300 лет воссоединения Украины с Россией» в Музее истории и реконструкции Москвы³⁷⁰.

С другой стороны, происходило и сокращение цитат Сталина (в том числе о советском патриотизме)³⁷¹. Главные цитаты (на той же упомянутой выше выставке) приводились из работ Ленина (например, «Решение Переяславской рады 8 января 1954 г. — закономерный результат всей предшествующей истории этих славянских народов, столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»)³⁷². Вместе с тем заместитель Председателя Совмина РСФСР Н. Н. Беспалов упрекал, что в альбоме-выставке имя Сталина «совершенно упущено... во всех разделах»³⁷³. Здесь перед нами предстают некоторые опережающие десталинизаторские действия, вызванные непониманием чиновников на местах форм борьбы с культом личности в тот период, когда верховная власть пока решилась только на сокращение количества упоминаний имени Сталина для пропаганды.

* * *

На содержание предъюбилейной пропаганды некоторое влияние оказывало «разоблачение» Л. П. Берии на июльском Пленуме 1953 г. Для идеологической легитимации обвинения Берии в числе прочего использовалось то, что он своими инициативами в об-

ласти национальной политики пытался подорвать дружбу народов СССР (в т.ч. русского и украинского народа). «Покусившийся на дружбу народов» Берия упоминался в тексте статьи «Несокрушимое единение партии, правительства, советского народа в «Правде Украины» от 11 июля 1953 г., в контексте со «скоро исполняющейся датой 300-летия воссоединения украинского народа вместе с великим русским народом»³⁷⁴. При этом политическая острота и болезненность бериевской и национальной тем, несмотря на заявления Хрущёва на встрече с писателями Украины (см. подробнее высказывания Хрущёва о Берии в § 2 настоящей главы), не сделали данную тему широко используемой в юбилейном содержании.

* * *

На политико-идеологическое содержание юбилейной пропаганды влияло и проведение кампании по мобилизации масс на выполнение решения сентябрьского (1953) и февральско-мартовского (1954) «сельскохозяйственных» Пленумов.

Так, по радио, по решению Секретариата ЦК и под руководством отдела пропаганды и агитации партии, наряду с передачами о подготовке и проведении празднования юбилея звучали передачи о соцсоревновании колхозов «в ознаменование... исторического события»³⁷⁵. Среди них были и рассказы про обмен передовым опытом между Россией и Украиной: «Расцветай земля колхозная», «Вдохновляющий пример», «Братское соревнование двух колхозов» («Труд» Московской области и им. В.И.Ленина Закарпатской области)³⁷⁶. Причем важно отметить, что в различных материалах подчеркивался высокий уровень развития сельского хозяйства на Украине. Н.С.Хрущёв в своей речи на совещании передовиков сельского хозяйства РСФСР 15 февраля 1954 г. прямо заявил: «...Российская Федерация в культуре земледелия отстает от других республик и *прежде всего* [курсив мой. — Прим. авт.] от Украины»³⁷⁷. Так что и в «сельскохозяйственном» отношении наблюдался определенный украиноцентризм.

Венцом связи 300-летия воссоединения Украины с Россией и сельскохозяйственной темы стало открытие в Москве 1 августа 1954 г. обновленной Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В Постановлении Совета Министров СССР и Центрального комитета КПСС от 3 апреля 1954 г., опубликованном в «Правде» от

6 апреля, формулировалась цель выставки: «...для широкой пропаганды достижений социалистического сельского хозяйства, быстрого внедрения в колхозное и совхозное производство передового опыта колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций, передовиков и организаторов сельского хозяйства, а также достижений научно-исследовательских и опытных учреждений»³⁷⁸. В оформлении сооружений открывшейся выставки найдет свое достойное отражение тема рассматриваемого нами юбилея как одного из центральных событий 1954 г. (см. § 5 настоящей главы).

* * *

Юбилейную подготовку стремились использовать для распространения в мире советского опыта дружбы народов. Украинской стороной (от ЦК республики) в августе 1953 г. предлагалось проведение в 1954 г. масштабного мероприятия «в Киеве... молодежного фестиваля дружбы народов с участием представителей молодежи братских республик и стран народной демократии». Однако данное предложение не получило в ЦК КПСС поддержки³⁷⁹. В соответствии с планом мероприятий с конца 1953 г. «в связи с 300-летием Переяславской Рады и воссоединением Украины с Россией» Украинского отделения Общества культурных связей (УОКС) с границей «с целью... пропаганды достижений Советской Украины в области экономики и культуры» для «прогрессивной» (настроенной лояльно к СССР) части украинской эмиграции в страны «народной демократии» и в капиталистические страны (прежде всего в Канаду) посылались печатные, изобразительные и киноматериалы: 25 статей для докладчиков, фотоальбомы «Советская Украина» и «Киев», 120–150 сюжетов фотоподборки «Достижения Советской Украины в области промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры», плакаты, по 500 репродукций исторических картин (в каждую страну), 2500 портретов Богдана Хмельницкого, 50 его бронзовых бюстов, тексты песен и либретто оперы «Богдан Хмельницкий», копии фильма о нем и др.³⁸⁰. (При этом Василевская на встрече украинских писателей с Хрущёвым отмечала тот факт, что «в странах народной демократии нет украинских книг», а «спрос там большой на украинскую литературу», но книги не посылаются.)³⁸¹

Имела место и обратная культурная, научная связь. Еще в августе 1953 г. для УОКС были присланы на Украину из-за границы по линии Обществ дружбы с СССР в Польше, Чехословакии, Румынии, Болгарии, Италии, Швеции «сборники документов, монографии, статьи, копии архивных документов, произведения художественной литературы и т. п., относящиеся к истории освободительной войны украинского народа (1648–1654 гг.) и воссоединению Украины с Россией»³⁸². Они были переданы в Институт истории АН УССР.

Все вышеперечисленные формы популяризации и пропаганды давали возможность почувствовать сопричастность эмигрантов торжествам, происходившим на их бывшей родине. (См. реакцию на празднование юбилея в печати националистической украинской эмиграции в § 4 настоящей главы.)

В конце мая 1954 г. прошли юбилейные мероприятия (заседания, вечера) в «странах народной демократии» (Румынии, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, ГДР) и в канадском Торонто³⁸³. В принятом на заседании Краевого исполнительного комитета Общества объединенных украинских канадцев и Главного правления Федерации русских канадцев в Торонто обращении «ко всем русским и украинцам Канады» звучали слова о вкладе отмечаемого праздника «в дело объединения всех канадцев доброй воли в борьбе за независимость и демократическое развитие Канады за дружбу, торговлю и культурный обмен со всеми странами и в первую очередь с Советским Союзом»³⁸⁴.

Такие мероприятия по линии связей с зарубежной общественностью проводились для трансляции советского проекта памяти о Переяславской раде, как средства арсенала «мягкой силы», чтобы продемонстрировать равноправие народов в СССР и развенчать его образ как «угнетателя народов», пропагандируемый на Западе. Их лозунгом можно назвать слова диктора при комментировании демонстрации на Крещатике: «Миролюбивый украинский народ выражает чувство солидарности со всеми народами, борющимися за мир, демократию и социализм»³⁸⁵.

* * *

Особый масштаб пропагандистской и популяризационной работы к юбилею был в Польше: доклады, беседы, выставки в Кракове

и др.; издание сборника документов о дружбе России, Украины и Польши; публикации статей («История дружбы и братства» и др.) в центральных газетах; сессия Польской Академии наук и Польско-советского института с участием делегаций Академий наук СССР, УССР и БССР, в том числе с прозвучавшим докладом «Польско-украинское братство в народно-освободительной борьбе в XIX–XX вв.»³⁸⁶. На ней делалось принципиальное различие между реакционной политикой шляхетства (а также русских и украинских помещиков и буржуазии) и классовой интернациональной солидарностью трудящихся в сопротивлении царизму и эксплуататорам. Так национальное противостояние переводилось на классовые рельсы. Можно согласиться с российским историком А. И. Миллером, что антиполонизм после Второй мировой войны проявлялся меньше, чем до нее³⁸⁷ (см., например, художественные фильмы «Минин и Пожарский», «Суворов»).

Юбилейные мероприятия проходили под лозунгом «укрепления вековой и нерушимой дружбы, расширения братских связей между советским и польским народами»³⁸⁸. (См. подробнее об участии польской делегации в торжествах в § 1 настоящей главы.)

* * *

Тенденция усиления атеистической пропаганды, наступления на Русскую православную церковь оказывала некоторое влияние на юбилейный нарратив. Отметим, что в последние годы правления Сталина сближение Советского государства и Церкви не было так активно, как в первые годы после войны, однако при усилении административного давления на церковь антирелигиозная пропаганда была сведена до минимума. Возможно, не желая поддержки со стороны РПЦ главы Правительства Г. М. Маленкова, конкурента Н. С. Хрущёва, после смерти Сталина, ЦК КПСС все более и более затрудняет контакты священноначалия с новым руководством страны. Сигналом к новой антирелигиозной кампании стало принятое по инициативе воинствующего атеиста Н. С. Хрущёва Постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», после которого гонения на РПЦ возросли по пар-

тийной линии и в СМИ. Однако еще в апреле 1954 г. главный редактор «Правды» Д. Т. Шепилов писал в ЦК КПСС Н. С. Хрущёву «о серьезной активизации церковных деятелей» и о необходимости дать «для привлечения всех партийных, комсомольских и культурно-просветительских организаций к вопросам научно-атеистической пропаганды» «передовую статью» по данному вопросу в «Правде»³⁸⁹. (Показательно, что почти в это же время вместе с изоматериалами к 300-летию воссоединения Украины с Россией утверждение в ЦК КПСС проходили в качестве «антирелигиозных» репродукции картин «Отказ от исповеди», «Неравный брак», «Монастырская трапезная», «Сельский крестный ход на Пасхе», «Купеческие поминки» и др.³⁹⁰)

Вскоре пришлось даже несколько притормозить размах антирелигиозной кампании (в том числе по настоянию председателя Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР Г. Г. Карпова, лояльно относящегося к Церкви). Уже 10 ноября 1954 г. ЦК КПСС примет Постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения».

Празднование юбилея проходило во время появления первых признаков нового наступления на Церковь (гонения перейдут к активной фазе в 1958 г.).

В начале 1954 г. журнал «Огонек» опубликовал материал К. И. Чуковского, посвященный стихотворению Н. А. Некрасова «На смерть Шевченко», где поэт делал акцент на образ «жестокого бога», «бога-мучителя», «бога-врага»³⁹¹. При обсуждении рукописи исторического сборника к 300-летию воссоединения Украины потребовали на редколлегии журнала «Коммунист» вместо определения «религиозная борьба» украинского народа употреблять «национально-освободительная борьба»³⁹². Так, средствами пропаганды стремились противопоставить религию, связанную с подчинением «эксплуататорским классам», интересам трудового народа, стремящегося к освобождению.

Заметим, также, что, говоря об экономическом, политическом и культурном значении воссоединения, не рассуждали о его значении как «нравственного торжества», что присутствовало относительно Переяславской рады, принятия Грузинского царства в дореволюционных оценках³⁹³.

Русская православная церковь проводила популяризационную работу к юбилею. Ее главный печатный орган, «Журнал Московской Патриархии», отозвался на его подготовку еще в декабре 1953 г. статьей «О роли духовенства в воссоединении Украины». В номере за март 1954 г. статья епископа Кировоградского и Николаевского Иннокентия «Храм-памятник на казачьих могилах под Берестечком» рассказывала о подвиге казаков и Свято-Троицком ските (архитектор А. В. Щусев; с 1952 г. филиал Почаевской лавры, где «иноки возносят молитвы об убиенных... и охраняют памятник»³⁹⁴). Это демонстрировало продолжение традиций церковной памяти павших за веру и Отечество. В статьях в апреле–мае 1954 г. «Церковный праздник», «Православное духовенство в деле воссоединения украинского и русского народов» (профессора И. Шабатина)³⁹⁵ звучали темы роли религиозного фактора как в воссоединении с Россией, так и векового противостояния Украины и панской Польши.

Особо подчеркивалась актуальная в тот период холодной войны антиватиканская тема («агенты Ватикана — иезуиты», «иезуитско-шляхетский гнет» и т. п.). Как благо, отмечалась ликвидация на Львовском Соборе (1946) Брестской унии — «ярма, накинутаго на шею украинскому народу польским шляхетским правительством, вдохновленным Папой Римским»³⁹⁶. Антиуниатская направленность пропаганды была созвучна противостоянию украинскому национализму, который был особо распространен в греко-католических кругах.

В храмах Украины по призыву митрополита проходили «благодарственные молебны Советскому правительству и вечной памяти достойному сыну украинского народа Богдану (Зиновию) Михайлову Хмельницкому»³⁹⁷.

Таким образом, Русская православная церковь вносила свою духовно-патриотическую лепту в дело укрепления дружбы народов России и Украины. Однако по причине стесненного положения Церкви в СССР церковная популяризация юбилея не распространялась на широкие массы. (Вместе с тем в государственной пропаганде, как справедливо отмечает А. И. Миллер, «отчасти снимался тот мотив, который был заметно сильнее в XIX в., — мотив защиты православия»³⁹⁸.) В 1954 г. отсутствовала публикация поздравлений в честь юбилея руководству страны от Патриарха (как

это было, например, в связи с празднованиями 800-летия Москвы, 30-летия Великого Октября в 1947 г.³⁹⁹). Так сказывалось то, что начинался новый виток конфронтации власти и Церкви.

* * *

Подводя итог рассмотрению особенностей политико-идеологического содержания коммеморативных мероприятий в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией, необходимо отметить, что в различных формах коммеморации наблюдались главные новые политико-идеологические тенденции.

Во-первых, акцент пропаганды были смещен с ведущей роли в юбилейном нарративе «великого русского народа» в сторону интернационализма как равенства народов в СССР.

Во-вторых, доминировали темы и образы украинской истории и культуры (украиноцентризм), которые иногда вступали в конфликт с отходящими на второй план установками на необходимость приоритета русской составляющей в юбилейном содержании. Так власть оформляла средствами пропаганды и культуры изменения в сторону расширения прав союзных республик в послесталинской национальной политике.

В-третьих, в связи с началом борьбы с культом личности, не принявшей еще открыто антисталинский характер, наблюдались сохранение упоминаний о Сталине при их сокращении и усилении упоминаний о ведущей роли народных масс в истории.

На политико-идеологическое содержание юбилейных мероприятий оказал конъюнктурное влияние мобилизационно-хозяйственный фактор проводимой Партией и Правительством политики «крутого подъема сельского хозяйства».

Фактор внутривластной борьбы, связанной с арестом и расстрелом Л. П. Берии, не оказал прямого влияния на содержание юбилея ввиду стремления руководства приглушить резонансную и острую для него тему. Однако сам украиноцентризм нарратива фактически демонстрировал курс Москвы на украинизацию, просто более мягкую, чем бериевская (мая – июня 1953 г.).

С помощью зарубежных историко-юбилейных мероприятий, которые особенно масштабно прошли в Польше, СССР стремился продемонстрировать большую открытость отношений со странами соцлагеря.

В целом политико-идеологическое содержание юбилейных мероприятий в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией было связано с новыми тенденциями начала «оттепели» в СССР.

§ 4. Общественные настроения по поводу празднования юбилея

Приступая к анализу общественных настроений по поводу 300-летия воссоединения Украины с Россией, обратимся вначале к «Информациям» об «откликах трудящихся», которые посылались на имя Н. С. Хрущёва первым секретарем ЦК КП Украины А. И. Кириченко: отклики (во время коллективных чтот, бесед) на публикацию программного текста юбилея — «Тезисы» (в т.ч. были напечатаны на украинском языке 400 тыс экземпляров) от 20 января (на документе есть помета: «Тов. Хрущёву доложено. Тов. Пospelов ознакомился. В. Молотов. 30. I. 54 г.») (в т.ч. напечатаны на украинском языке 400 тыс экземпляров) и на разворачивающуюся подготовку к торжествам — от 23 января 1954 г.⁴⁰⁰. Итак, ЦК КПСС, особенно его идеологические структуры, интересовал народный отклик на публикацию тезисов к столь масштабно отмечаемому «национальному» празднику.

Социальный состав высказывавшихся из разных частей Украины был разнообразный. В сводках присутствовали отклики рабочих (сталевар Макеевского металлургического завода, оператор нефтепромысла и др.) и колхозников (колхоза им. Богдана Хмельницкого Тернопольской области, сельхозартели Кировоградской области и др.), ученых АН УССР (геолог, экономист, историк), артистов, писателя И. Ле, художника, автора художественного полотна о Переяславской раде М. Хмелько и др. Однако до двух третей из них — представители интеллигенции, что связано со вниманием партийных органов к настроениям в ее среде, подверженной опасным идеям украинского национализма.

В высказываниях, кроме общих фраз о «большом празднике всего советского народа» и «крепнущей дружбе народов»⁴⁰¹, приводились и конкретные примеры «братской помощи» «великого русского народа» и других народов в развитии промышленного производства, сельского хозяйства, культуры Украины. В противовес этому вспоминалось, что на Западной Украине при «панской

Польше» рабочих непосильная работа «преждевременно загоняла... в могилу, зато американские, английские, польские и др. капиталисты набивали себе карманы»⁴⁰². Таким негативным примером подчеркивалась антинародная сущность прозападной ориентации, что было важно в идеологической борьбе против подпитываемого Западом украинского «буржуазного» национализма.

Неоднократно отмечалась «объединительная» роль «выдающегося полководца и государственного деятеля Богдана Хмельницкого»⁴⁰³. Говоря о культурном содружестве народов, вспоминали К. Ф. Рылеева, писавшего «об освободительном движении украинцев», и А. С. Пушкина, который заклеил предателя Мазепу. Это свидетельствовало как о свободолюбии Украины, так и об исторической связи с Россией. Общий вывод об отношении культур России и Украины у «высказавшихся» был таков: «Несмотря на реакционную политику царизма и подрывные действия великодержавных шовинистов и украинских буржуазных националистов, передовые русские и украинские писатели всегда были братьями и друзьями в совместной освободительной борьбе»⁴⁰⁴.

«Информации» от 23 января присутствовало длинное перечисление взятых на собраниях трудящихся социалистических обязательств к юбилею (в основном «сельскохозяйственных»). Тем самым демонстрировали Хрущёву, что его родная Украина (во главе со ставленником А. И. Кириченко) находится в авангарде страны в контексте пропаганды политики «крутого подъема сельского хозяйства» после сентябрьского (1953) и перед февральско-мартовским (1954) Пленумов.

Важной отличительной особенностью «информаций» для Н. С. Хрущёва было полное отсутствие в них примеров негативных откликов (в отличие от «информаций» для секретаря ЦК, МГК и МК ВКП(б) Г. М. Попова к 800-летию Москвы⁴⁰⁵). Мы видим, документы для внутреннего пользования превращались в пропагандистские победные рапорты. Можно согласиться с оценкой историка С. Екельчика, когда он пишет о том, что украинские чиновники редактировали отчеты о реакции простых людей на «Тезисы»: «Избранные отзывы, которые они присылали в Кремль, создавали впечатление, будто сто процентов населения республики, в том числе и западные украинцы,

полностью усвоили последнюю версию сталинской национальной памяти»⁴⁰⁶. (Мы же от себя отметим: реальный контекст общественных настроений, отмечаемых в западных областях Украины в 1953 г., т.е. за год до празднования юбилея, рассмотренный в § 1 настоящей главы, конечно же, не мог так кардинально измениться фактически за полгода, чему наличествуют подтверждения ниже.)

При всем вышесказанном обращает на себя внимание, что в докладной записке А. И. Кириченко от 28 апреля 1954 г. на имя Н. С. Хрущёва о проведении 6–7 апреля юбилейной сессии Академии наук УССР, посвященной 300-летию воссоединения Украины с Россией, при общем пафосе «дружбы и сотрудничества между учеными братских народов», он не преминул «капнуть и ложку дегтя», проливающую свет на некоторую черту настроений украинской национальной интеллигенции. Цитируем: «Между прочим, отдельные ученые выражали недоумение почему, перечисляя многих деятелей науки Академии наук УССР, тов. Несмеянов [А. Н. Несмеянов, президент Академии наук СССР. — *Прим. авт.*] в своей речи не упомянул имени академика Богомольца [А. А. Богомольца. — *Прим. авт.*], который был 16 лет президентом Академии Украинской ССР»⁴⁰⁷. В этом, казалось бы, на первый взгляд, частном пассаже в тексте, проявилось ревностное национальное чувство, ожившее после смерти Сталина, которое мы встречали, говоря об «историях» вокруг опер в § 3, и встретим еще впереди в настоящем параграфе.

* * *

В честь 300-летия воссоединения Украины с Россией шли поздравления РСФСР и УССР от союзных республик. Были официальные поздравления в форме приветственных адресов Верховному Совету РСФСР, которые принимались на уровне Верховных Советов, Советов Министров, ЦК союзных республик. Безусловно, их с определенными оговорками можно назвать выражением общественного мнения, т.к. составлялись они в партийно-государственных инстанциях, но при этом были поддержаны депутатами из народа.

Их содержание соответствовало идеологической концепции юбилея (см. § 2 настоящей главы). В приветствиях русский народ благодарили за помощь «во всех областях хозяйственной... жизни»,

в развитии «национальной по форме и социалистической по содержанию культуры». Причем движение в созидании «новой коммунистической жизни» образно связывалось с актуальными мероприятиями в политике партии и правительства: «И семьей общей мы распашем / Трудового счастья целину!» (от трудящихся Эстонии)⁴⁰⁸. Приведем результаты некоторых статических подсчетов. Так, словосочетание «великий русский народ» упоминалось в приветственных адресах (в том числе заголовках) около 15 раз и отсутствует лишь в поздравлении от Литовской ССР. А от Узбекской, Азербайджанской, Латвийской, Киргизской и Туркменской союзных республик оно присутствовало не менее двух раз. Несколько раз в поздравлениях русский народ назывался «старшим братом» в семье «братских народов», «равных республик»⁴⁰⁹. Не была забыта и характеристика русского народа Сталиным в тосте на приеме в честь Победы 24 мая 1945 г. — «ясный ум, стойкий характер и терпение». Отметим, что перед словосочетанием «украинский народ» не добавляли эпитеты, и лишь один раз он назван «великим славянским народом, как и русский». Определение «ленинско-сталинская» (дружба, национальная политика) упомянуто лишь два раза (в приветствиях от Узбекской и Таджикской ССР)⁴¹⁰.

Итак, в официальных приветствиях, поздравлениях РСФСР и УССР, Юбилейным сессиям их Верховных Советов от городских и областных Советов, обкомов и горкомов (Беловатского, Каунусского, Керченского, Одесского, Крымского Советов; от Николаевского, Хмельницкого обкомов, Севастопольского горкома и др.) мы наблюдаем сохранение влияния политико-идеологического фактора сталинской руссоцентричной имперской модели. Особое внимание к украинской теме, которое было заметно в пропаганде на общесоюзном уровне и в обращениях к УССР от РСФСР, для приветствий от других республик не характерно: союзным республикам не представлялся, видимо, столь значимым украинский компонент юбилея. В то же время сигналы союзного центра о начале отхода от пропаганды культа личности заметно повлияли и на отсутствие в текстах упоминания Сталина, именем которого со словословиями ранее изобиловали подобные поздравления.

Как мы видим, основная часть неофициальных поздравлений от трудовых коллективов промышленных предприятий, колхозов,

учебных заведений: от колхозов им. Жданова (Киевской области), им. Кирова (Крымской области), им. Хрущёва, Азовской МТС Крымской области; Киевского мотоциклетного завода, Херсонской хлопчатобумажной фабрики; Киевского и Харьковского технологических институтов и др.; это поздравления с Украины как знак благодарности на многочисленные поздравления от РСФСР. Нельзя не заметить большое количество «крымских» поздравлений⁴¹¹, что связано с демонстрируемой благодарностью Москве за передачу Крыма из состава РСФСР в состав СССР.

В реальности, по словам историка Олега Волобуева, который жил в 1954 г. в Крыму, все было не так безоблачно. «Протест не мог выражаться открыто, так как страна только вышла из-под власти Сталина, но настроения на полуострове были тревожные, можно даже сказать, панические. Время от времени появлялись уличные надписи, свидетельствующие о скрытом протесте в обществе, еще точнее об этом свидетельствовали разговоры. Все-таки на момент передачи Крыма большинство его населения составляли русские»⁴¹². В Верховный Совет долго шли письма, впоследствии изученные историком А. П. Мякшевым. Они свидетельствуют о несогласии с решением «о великодушном даре великого брата». В письме от 9 августа 1964 г. парламентариям задавался вопрос: «Как может Россия, имея самую лучшую, самую большую ценность, составляющую ее украшение, — Крым, по территории превышающую Бельгию или Швейцарию, это целое государство — отдать... Как же могли подарить эту русскую драгоценность, русское достояние без ведома русского народа?» Сами авторы письма — Н. Филиппова, Е. Бакунина, И. Хаипова — отвечали на вопрос недвусмысленно: «Русский человек не мог подарить Крым. Это антигосударственный акт, направленный к опасной цели», — и предлагали отменить ошибочное решение, в противном случае — поставить вопрос на референдум⁴¹³.

Возвратимся к анализу приведенных нами приветствий. В них много говорится о «великом русском народе», которому «воздается земной поклон», благодарности за «братскую поддержку» развития краев, городов, присутствуют заверения о выполнении плана (особенно в связи с «сельскохозяйственными» решениями сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов, последнего — об освоении целинных земель).

Присутствовали чаще, чем в официальных адресах, упоминания Сталина: «под знаменем Ленина — Энгельса — Ленина — Сталина», «ленинско-сталинской дружбы народов»⁴¹⁴. На местах в народе было не столь заметно влияние фактора борьбы с культом личности, и Сталин воспринимался по-прежнему как продолжатель дела Ленина, символ побед и свершений Страны Советов.

* * *

Неофициальное отношение народа к празднованию 300-летия воссоединения Украины с Россией нашло отражение в Книге отзывов посетителей Музея истории и реконструкции Москвы с Украины. В ней присутствуют записи от студентов Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко 27 января (т. е. в период начала празднования) и учащихся Великоберезненской средней школы Закарпатской области (с Западной Украины) 4 мая 1954 г. (почти накануне главных торжеств). Запись студентов сделана на украинском языке, а школьников — на русском.

В этих отзывах мы видим, что столица СССР Москва воспринималась как родная. Отношение к русскому народу выражено в словах: «Мы, украинцы, благодарны великому русскому народу за вечную дружбу, за братскую помощь»⁴¹⁵. На данные формулировки оказали влияние проводимые к юбилею лекции, беседы и уроки. Дети и поколение, которое выросло при советской власти, в значительной степени были воспитаны на идеях интернационализма, дружбы народов, восхищались поднятием с помощью русского народа уровня социально-экономического и культурного развития Украины.

* * *

Непосредственную народную реакцию на главные юбилейные торжества сохранили до нас скупые, но отмечающие значимость праздника для людей строчки дневников. 46-летний инженер-акустик, капитан 1-го ранга И. А. Селезнёв, бывший в те дни на даче под Москвой, записал 1 июня 1954 г. в своем дневнике следующее: «30 мая отмечали большим праздником воссоединение Украины с Россией (300-летие)»⁴¹⁶. «Вечером смотрели иллюминацию для [в тексте зачеркнуто. — *Прим. авт.*] по случаю празднования

300-летия воссоединения Украины с Россией»⁴¹⁷, — такова запись от 30 мая 1954 г. в дневнике О. В. Амитрова, будущего доктора геолого-минералогических наук, палеонтолога, собирателя песен, а тогда 17-летнего юноши, выпускника школы, готовящегося к экзаменам в МГУ и отдыхающего на даче в Кратове под Москвой.

Рабочий Пермского (тогда Молотовского) авиамоторного завода А. И. Дмитриев (36 лет) в «праздник воссоединения» работал, находясь в Киеве в командировке, но также записал в своем дневнике, что сходил в те дни в Дом офицеров Советской Армии, где посмотрел кино⁴¹⁸.

Так праздник вплетался в канву советской повседневности тех лет.

* * *

Особенно интересно было обратиться к записям делегаций и многочисленных одиночных посетителей в книгах отзывов и предложений павильонов «РСФСР» и «Украинская ССР» на открывшейся уже после главных юбилейных торжеств, 1 августа, Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Они датированы различными днями августа 1954 г.

В Книге отзывов павильона РСФСР, помимо восхищения самим зданием и экспозицией, звучат слова о «милой», «родной» России. Чувство гордости за могущество, богатство и красоту республики почти в каждом отзыве соединено со словами о русском народе как «великом», а о республике — как «старшей среди равных»⁴¹⁹.

Заметим, что, по записям делегаций с Украины (как с Центральной — от Житомирской области, так и с Западной — от Ровенской области) в павильоне РСФСР, посетители восхищались успехами «великого братского русского народа», «великого русского народа»⁴²⁰.

Такие характеристики республик и народов соответствовали официальной линии в пропаганде и воспитанию масс. Причем демонстрация дружеских отношений была не только на словах. Так, в записи от «уроженцев Грузинской ССР» было указано то, что осматривали они экспозицию вместе с «туристами, товарища-

ми из Ленинграда, города-героя в Великой Отечественной войне» (под отзывом и «грузинские», и «ленинградские» подписи)⁴²¹.

В Книге отзывов павильона Украинской ССР сам павильон многократно назван самым красивым, богато оформленным, особенно вызывали впечатления величественные панно «Дружба народов» и витраж «Переяславская рада»⁴²². Посетители из других республик называют украинский народ «великим» и «братским»⁴²³. Однако восхищение со стороны самих украинцев своей «родной» и «цветущей» республикой, как правило, не сочеталось в записях из рассматриваемой Книги отзывов со словами о дружбе украинского народа с русским и другими народами СССР»⁴²⁴.

У посетителей павильона — как из самой Украины (из Киева, Львова, Чернигова, Сум и др. мест), так и учащихся в Москве украинцев (например, студентов Тимирязевской академии) — наблюдалось проявление именно национального чувства. Так, 10 % от общего количества отзывов были выполнены на украинском языке⁴²⁵. (В подтверждение того большого значения, которое придавала часть украинцев своему языку приведем тот факт, что «скверное произношение украинских текстов» отмечал в своем дневнике 29 марта 1954 г. как серьезный недостаток для доклада «О роли мужика в жизни и творчестве Шевченко» на конференции к юбилею в Одессе уже упоминаемый нами композитор и педагог В. А. Шве́ц.)⁴²⁶ Пять раз в анализируемой нами Книге отзывов (причем как с Донбасса, так и из Тираспольской области Молдавской ССР, так и из Эстонского Тарту) прозвучало недовольство отсутствием в павильоне украинок и украинцев из обслуживающего персонала в национальных костюмах, т. к. «это еще лучше передает... национальную культуру»⁴²⁷. Причем национальные костюмы позитивно отмечены в павильонах прибалтийских республик. Итак, среди «нерусских» народов страны росло стремление выразить не советскую идентичность, а свою этничность.

Пристальное и даже ревностное отношение гостей с Украины проявилось и к региональному компоненту в экспозиции. В отзыве посетителя из Донбасса содержалось возмущение по поводу отсутствия Ворошиловградской [ныне Луганской. — *Прим. авт.*] области на панно «Дружба народов» среди других областей Украины, т. к.: «Неужели эта область не должна быть представлена своими

изделиями сельского хозяйства?»⁴²⁸ Прозвучало и пожелание педагога из Харькова «отразить достижения отдельных областей, как это осуществлено в других павильонах»⁴²⁹.

Особое внимание некоторых посетителей было привлечено тем, что у переданной в состав УССР из РСФСР «новой» Крымской области «мало отражено сельское хозяйство и промышленность»⁴³⁰, «не раскрыты ее богатства как здравницы, поставщицы лучших вин... винограда, эфирных масел»⁴³¹. Особенно негодование выражал проводящий партийную линию инструктор Симферопольского горкома КПУ. Партия и Правительство стремились всячески «привязать» Крым к Украине. (Укажем на тот факт, что в связи с передачей Крыма из РСФСР в состав УССР «показ достижений сельского хозяйства Крымской области» был перенесен в павильон Украинской ССР. Павильон «Северный Кавказ и Крым» становился павильоном «Северный Кавказ».⁴³²)

* * *

Были опубликованы «юбилейные» отзывы в путевых дневниках школьников, поехавших на Украину из Ногинского района Московской области с впечатлениями о Киеве: о Крещатике, который «еще красивее, чем до войны», здании университета, церквях и др. Повлияли на эти настроения и «Тезисы», которые звучали на школьных занятиях и мероприятиях, в том числе экскурсиях: дети писали об украинском народе, в прошлом «задавленном крепостническими порядками», его мечте о «неизбежной свободе». Особо отмечалась в записях школьников и та связь между русским и украинским народом, выраженная в уважении к могиле Юрия Долгорукого (7 сентября 1947 г. в Киеве открыли надгробие Юрия Долгорукого из темно-серого лабрадорита с надписью об «основателе Москвы» в присутствии делегаций Киевского совета и Моссовета и общественности)⁴³³.

В печати сохранились и отзывы некоторых зрителей о спектаклях МХАТа, показанных на гастролях. Так, преподаватель львовской средней школы З. Горбунова писала, что она «как зачарованная вышла из театра», увидев в постановке чеховского «Дяди Вани» «самую правду жизни, подлинное большое искусство без прикрас», особо отметила «хорошее звуковое и световое оформление спектакля», чему следовало бы, по ее мнению, «поучиться нашим театрам». Штамповщик Второй государственной обувной фабрики В. Костяков из Одессы, участник рабочего драмкружка, выражал следующее мнение о спектакле «Домби и сын» по Ч. Диккенсу: «Понравилось всё — и игра актёров, и декорации, и шумовое оформление спектакля». Рабочий собирался ещё на несколько спектаклей театра во время его гастролей⁴³⁴.

* * *

Общественный интерес к предстоящему празднованию 300-летия воссоединения Украины с Россией отразился и в вопросах в редакцию пропагандистского журнала «Коммунист». Косвен-

ными свидетельствами влияния подготовки к юбилею были ответы на вопросы из Еревана, Ростова-на-Дону о разнице в терминах «крестьянская война» и «крестьянское восстание», о справедливости Северной войны: в журнал писали о национально-освободительной войне 1648–1654 гг., «главной и решающей силой которой было крестьянство», ее героях — Б. Хмельником, Кривоносе; цитировали «Тезисы» по поводу стремления «польских и шведских захватчиков оторвать Украину от России»⁴³⁵. Из закрытого города Рига- 4 поступил вопрос о разночтениях в тезисах «О 300-летию воссоединения Украины с Россией» (1654–1954 гг.) и в журнале «Коммунист» (№ 1 за 1954 г.): о том, кто — Ленин или Сталин — «выработал... программу партии по национальному вопросу»⁴³⁶. На этот вопрос автор так и не получил ответа. Можно предположить, что тема Сталина в период неопределенности власти в вопросе о культе личности вызывала непоследовательность в оценках его исторической роли.

* * *

Особым выражением позиции в период подготовки к юбилею стало «письмо во власть» знаменитого украинского партизана Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза генерал-майора П. П. Вершигоры, известного также как писатель, получивший за документальную повесть о партизанском движении «Люди с чистой совестью» Сталинскую премию второй степени (1947). Это обращение называлось «Замечания по книге „История Украинской ССР. Т. 1. Издательство Академии наук УССР. Киев, 1954 г.“» и было переслано из редакции газеты «Правда» секретарю ЦК П. Н. Поспелову. Ссылка Вершигоры на инструкцию по борьбе с украинским национализмом в годы войны от первого секретаря ЦК КП(б)У Н. С. Хрущёва говорит о том, что, по сути, обращение было адресовано самому Первому секретарю ЦК КПСС. Основные претензии Вершигоры были связаны с недостаточным и неправильным показом народных масс: поверхностным показом зарождения и развития казачества и военной борьбы украинского народа с Речью Посполитой, крымскими татарами, умалчиванием большой помощи со стороны русского народа, связью украинских

событий с событиями на Руси (Куликовской битвой, войнами Ивана IV). Пафос обвинения авторов был в том, что книга — «оружие пока слабое», «тупое» в борьбе с украинским национализмом, который, как справедливо отмечал Вершигора, использовал «регалии, обычаи и формы... казачества для привлечения молодежи „казацкой романтикой“»⁴³⁷. (Заметим, что «казацкая романтика» трогала сердце не только украинской молодежи. Уже упомянутый в этой книге кинорежиссер А. П. Довженко, увлеченно работавший в 1954 г. над романом-эпопеей об украинской истории «Золотые ворота», записал в дневнике за 7 ноября о своем предложении в речи на заседании Президиума Академии архитектуры СССР расположить «запорожские чайки [беспалубные плоскодонные челны. — *Прим. авт.*] на вводных воротах шлюза Каховской ГЭС». Далее в этой дневниковой записи Довженко эмоционально отметил: «Теперь, если хватит у скульпторов пороха и культуры, будет хоть один памятник нашим вооруженным предкам. Ведь нигде ничего за триста лет! Словно их и не было на свете...» [перевод с украинского. — *Прим. авт.*])⁴³⁸.

Ценным является расходящееся с бравурными рапортами А. И. Кириченко следующее наблюдение Вершигоры: «Лично мне приходилось неоднократно слышать от честных советских людей как на Украине, так и в Москве, интерес которых привлечен к истории братского содружества, празднования 300-летия, что они читают Грушевского, Кулиша или в крайнем случае Костомарова [историки М. С. Грушевский, П. А. Кулиш, Н. И. Костомаров — *Прим. авт.*] — а не читают нашу историческую литературу»⁴³⁹. Итак, Вершигора отмечает то, что интеллигенция (причем не только на Украине!) увлечена произведениями в той или иной степени националистических авторов. Он пишет и об идеологически «сомневающих», «шатающихся» на Украине. Партизан-писатель предлагает дать идеологической борьбе новый импульс и глубокое историческое содержание, чтобы «вырвать у врага его знамя».

Проблема украинских националистических настроений была вовсе не выдумана Вершигорой. Так, историк М. Н. Тихомиров в дневнике упоминает о том, что если в Москве на праздничной сессии Отделения исторических наук во время его доклада «О значении Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов» «хорошо хлопали», а затем «академики весьма хвалили, как будто искренне...», то реакция на него же на сессии во Львовском филиале АН УССР была следующей: «...зал явно разделился, когда я говорил об украинских националистах. Грушевский здесь еще очень силен» (Тихомиров критиковал его идею об особом «украино-русском народе») ⁴⁴⁰. Сигналы о «националистических выпадах», присутствовали, и, например, в записке от заместителя председателя правления Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний И. Д. Лаптева. По его

словам, в заявлении одного из лекторов в Киеве фигурировало, что «киевляне не должны подменяться москвичами, надо покончить с пре-клонением перед московскими авторитетами». Записка поступила в конце 1953 г. к секретарю ЦК П. Н. Поспелову. Москва в лице отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС отметила, что это «не совсем удачные выражения, которые могли быть неправильно истолкованы, если их рассматривать вне связи с содержанием всего выступления», и «нет оснований квалифицировать выступление националистическим по своему характеру», с чем согласился П. Н. Поспелов⁴⁴¹.

Критика Вершигоры, а конкретно его авторского примечания к статье в журнале «Октябрь» «Братья по оружию. (О народных формах вооруженной борьбы русского и украинского народов)», была уже 18 апреля 1954 г. разгромлена в рамках рецензии на первый том «Истории Украинской ССР», напечатанной в газете «Правда». Статья была подписана именами только российских историков (без «украинской части» авторов критикуемой книги): академиком М. Тихомировым, профессорами В. Ялунским, Е. Черменским и кандидатом исторических наук С. Дмитриевым. В этой части рецензии, по сведениям Дмитриева, «пилоле» от редакции газеты, в которой «из авторов... никто не повинен», выпад Вершигоры характеризовался как «политически ошибочный и грубо бестактный»; он был назван «попыткой очернить работу многочисленного коллектива историков»; по отношению к обращению Вершигоры употребляли такие слова как «облыжно», «охаять»!⁴⁴².

На этом дело не закончилось. Было принято решение Секретариата ЦК КПСС «О политической ошибке журнала „Октябрь“» от 22 мая 1954 г., по которому выступали, как свидетельствует протокол, в том числе П. Поспелов, М. Суслов и сам Н. Хрущёв. В нем было сказано: «В высших партийных формулировках Вершигора «огульно порочит научный труд „История Украинской ССР“, делая недостойный выпад против целого коллектива ученых»⁴⁴³. На основании решения ЦК не только был снят с поста заместитель главного редактора журнала, член редколлегии писатель И. Г. Падерин, единоличным решением напечатавший примечание Вершигоры, но и, более того, был освобожден от занимаемой должности главный редактор журнала «Октябрь» (на данной должности с 1931 г.!), один из столпов соцреализма, писатель Ф. И. Панфёров — проводник консервативной линии в литературе. (Для понимания высокого общественного положения Панфёрова важно помнить и то, что он был также депутатом Верховного Совета СССР.) Секретариату правления Союза советских писателей СССР было указано на «неудовлетворительное руководство журналом... и слабый контроль за деятельностью редколлегии»⁴⁴⁴.

Материалы по Вершигоре, поведение которого было названо «недостойным», обязывали рассмотреть Комитету партийного контроля при ЦК КПСС⁴⁴⁵, а также рекомендовали «проработать» в

ЦК в присутствии украинских историков: К. Г. Пусенского, И. Д. Бойко и В. А. Дядиченко⁴⁴⁶.

Степень резкости реакции на выпад П. П. Вершигоры на уровне Секретариата ЦК КПСС (и характер реакций на сообщение о высказывании лектора) свидетельствовали о том, что высшее партийное руководство страны не желало терпеть никаких выпадов против Киева перед юбилеем и пыталось заигрывать с украинской интеллигенцией, выказывая особое расположение к ней в данный период.

* * *

Говоря об украинских общественных настроениях вокруг празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией, следует упомянуть реакцию украинских националистов среди эмиграции; материалы (обращения, статьи) печатных изданий, прежде всего газеты «Украинского национального объединения» (УНО) «Новий шлях», издающейся в канадском Торонто, образуют солидную подборку в фонде Славянского комитета СССР в Государственном архиве Российской Федерации⁴⁴⁷.

Признавая то, что они, безусловно, требуют предметного исследования в контексте истории украинской эмиграции, все же отметим характерные черты взгляда авторов материалов на предстоящий юбилей:

- Переяславская Рада — не «вечный договор», а ситуативное решение Богдана Хмельницкого как руководителя «украинского государства», вероломно нарушенное Россией, которая «никогда заключенных договоров не придерживалась»⁴⁴⁸.
- Богдан Хмельницкий — это «великая фигура», которая допустила заключением Переяславского договора «тяжелую ошибку»⁴⁴⁹, в то время как украинский народ вел «непрерывную борьбу с московским завоевателем»⁴⁵⁰. Интересно, что украинская националистическая пресса апеллировала к тем словам Шевченко о Богдане Хмельницком в форме обращения матери-Украины, которые были выгодны националистам и, разумеется, не цитировались в СССР на публике: «Ой Богдане! Богданчику! Если б знала, в колыбели б задушила, под сердцем задавила...»⁴⁵¹

- Московские большевики — наследники царской имперской политики — «стараятся убить национальный дух украинского народа»⁴⁵².
- Юбилей 300-летия воссоединения Украины с Россией, долженствующий, по мнению власти, представить все в выгодном для Москвы свете, — это еще попытка «утешить буйных хохлов»⁴⁵³ (через издание документальных материалов, книг украинских классиков: Тараса Шевченко, Ивана Франко, Леси Украинки, через исторические выставки, через завершение восстановления и благоустройства, улучшения снабжения товарами Киева, Харькова и Одессы и разрешение приезда на Украину иностранных делегаций⁴⁵⁴ и даже... через перестановку упоминания Киева в сообщениях прессы на второе место после Москвы вместо Ленинграда, сделанное первоначально «неизвестным наборщиком киевской типографии»⁴⁵⁵. Интересно то, каким при анализе политики по отношению Москвы в данных материалах преподносится образ Маленкова. Он представал человеком, пересматривающим политику Берии (в свое время заменившего «москалей и москвофилов» на «людей, которые не были враждебны национальному течению»), и покровителем «москвофилов» на Украине (например, нового Председателя Совета Министров УССР Н. Т. Кальченко)⁴⁵⁶. О Хрущёве и его политике в украинской националистической прессе по поводу 300-летия воссоединения Украины с Россией умалчивается, хотя, как мы отмечали, именно Хрущёв фактически поддерживал украиноцентричные инициативы. Возможно, данная фигура умолчания была пропагандистски выгодной для того, чтобы создать большее сгущение красок, расписывая «московский гнет», под которым находится Украина.
- Настоящий праздник для Украины — это провозглашение «украинской государственности и соборности» 22 января 1918 г. (принятие Украинской народной республикой универсала о независимости от Советской России)⁴⁵⁷

Таким образом, юбилей рассматривался украинскими националистами не только как попытка «уродования украинской исторической памяти», но и то событие, которое, как никакое другое, «так не содействовало среди украинского населения идеи самостоятельности Украины»⁴⁵⁸.

Безусловно, мы должны учитывать при анализе данных материалов то обстоятельство, что их авторы делают масштабные выводы на основе единичных, называемых лишь общими словами, а потому по определению исключающих проверку со стороны, источников (например, «в Париже мне довелось иметь интересный разговор с лицом, которое несколько недель назад было на Украине»⁴⁵⁹). К тому же пропаганде в условиях информационной войны свойственны особая заостренность и категоричность высказываний (например, «лозунги культурной и экономической независимости охватили *все слои украинского общества* [курсив мой. — Прим. авт.], но эта деятельность проводится... индивидуально и тайно от вражьих глаз»⁴⁶⁰). Однако при всех данных оговорках, сопоставляя с теми же тревожными фактами, изложенными в письме П. Вершигоры, мы должны признать наличие в украинском обществе подчас острой реакции при пробуждении национальных чувств, на фоне проводимой Москвой политики украиноцентризма.

* * *

Некоторое раздражение и даже фрондирование, связанное с юбилеем, присутствовало в записи дневника историка профессора МГУ С.С. Дмитриева от 27 мая 1954 г. («Свистопляска с воссоединением Украины с Россией приняла такой разухабистый характер, что просто противно»)⁴⁶¹, а также письмо поэта А. Т. Твардовского писателю В. В. Овечкину. В нем Твардовский был обрадован его «солидарностью в вопросе о 300-летию воссоединения», т.е. тем, что Овечкин, как и сам поэт, не поехал на Декаду русской литературы и искусства в Киев. Твардовский писал о том, что не желает ехать на «модные» у литераторов целинные земли, а поедет на тяжелый хозяйственный «фронт» — родную Смоленщину, противопоставляя «парадные» края (в том числе представившую таковой в юбилейной пропаганде Украину) и русский, «ничем не примечательный край»⁴⁶². При этом скепсис в интеллигенции приватно выражали отнюдь не во всём: так академик М. Н. Тихомиров, профессор МГУ, как и С.С. Дмитриев, оставил дневниковые записи об опере «Богдан Хмельницкий»: «очень постановочно, но... нет арий и масса длиннот»; о «юбилейном спортивном празднике 23 мая на стадионе «Динамо»: «...любовался прекрасным зрелищем. В этой массовости есть что-то радостное и увлекательное, сознание песчинки, но живой песчинки, в море людей»; после сессии Верховного Совета РСФСР — «Торжество воссоединения Украины с Россией стало истинным торжеством»⁴⁶³.

* * *

Таким образом, общественные настроения по поводу 300-летия воссоединения Украины с Россией соответствовали началу перемен в общественно-политической жизни страны: в них сохранялись как присутствовавшие ранее черты, так и изменения, связанные с политико-идеологическим контекстом начала «оттепели».

С одной стороны, в них находили отклик установки еще послевоенного периода, что выразилось в подчеркивании уважения и благодарности к «великому русскому народу». С другой стороны, в них были и некоторые изменения. Заметно снижение упоминания имени Сталина в связи с начавшейся борьбой с культом личности. Начавшаяся «оттепель» оживляла проявление национальных чувств украинцев, их исторического самосознания. Непродуманные изменения в национальной политике союзных республик, связанные с недовольством кадровой политикой, подпитывали националистические настроения на Украине. Вместе с тем выражались и опасения о недостаточном противодействии украинскому национализму на идеологическом фронте. Стремление союзного руководства оказывать особые знаки расположения в сторону Украины вызывало настроения некоторого недовольства и раздражения в РСФСР. Аналогичные настроения среди русского населения Крыма были вызваны и актом передачи полуострова из РСФСР в состав УССР.

§ 5. Проблемы увековечивания памяти о юбилее

300-летие воссоединения Украины с Россией как крупный юбилей собирались увековечить как в столице СССР и РСФСР Москве, так и на Украине.

* * *

Сооружение обелиска в Москве в память 300-летия воссоединения Украины с Россией предполагалось еще Постановлением ЦК от 21 сентября 1953 г.⁴⁶⁴ и Постановлением Совета Министров СССР от 14 января 1954 г. Закладку обелиска в честь юбилея в Москве на площади Киевского вокзала у Бережковской набережной торжественно произвели 29 мая 1954 г. (вначале это планировалось на 18 января⁴⁶⁵) с митингом общественности Москвы и Украины и выступлениями председателей Советов Министров РСФСР А. М. Пузанова и УССР Н. Т. Кальченко⁴⁶⁶.

По условиям Всесоюзного конкурса (с подачей работ до 20 октября 1954 г., завершением сооружения обелиска в октябре 1955 г.⁴⁶⁷),

в монументе должны были быть отражены «братский союз и нерушимая дружба украинского и русского народов»⁴⁶⁸. В Государственном архиве РФ сохранились варианты проектов данного обелиска: на некоторых из них, кроме общей надписи о 300-летию воссоединения Украины с Россией, есть даты: «1654 январь», «1917 октябрь», «1945 май», «1954 январь»; медальоны с каноническими лицами (Богдан Хмельницкий) и событиями истории: «залп «Авроры», Великая Отечественная война», а также иные различия в оформлении: барельефы, фонари и т. п.⁴⁶⁹ Проекты свидетельствуют нам о том, что обелиск должен был выражать идеологическую концепцию «Тезисов» к юбилею.

Однако работа по проектированию монумента растянулась на годы. Так, 23 марта 1956 г. председателю правления Московского отдела Союза архитекторов СССР, обратившемуся к первому секретарю МГК Е. А. Фурцевой узнать от имени «волнующихся коллег» о судьбе в том числе и этого «широко объявленного конкурса», заведующий отделом строительства пообещал: «В Министерстве культуры скоро раздадут премии, а результаты объявят». Однако это так и не было осуществлено⁴⁷⁰.

Обратимся к стенограммам общественных обсуждений проектов памятника 300-летию воссоединения Украины с Россией от 12 марта 1957 г., творческого обсуждения проектов 12 марта 1958 г. и 7 апреля 1960 г. Высказывающиеся хотели видеть памятник, который бы не имел «погребально-мемориальный характер»⁴⁷¹, чтобы в нем бы отсутствовала «угрюмость, не соответствующая торжественности этого момента»⁴⁷², т. е. воссоединения Украины с Россией (претензии к премированному в рамках открытого конкурса 1954 г. проекту «Бандурист» или «Сказитель» студента-дипломника Э. Неизвестного), а «стрелы с крыльями» (в проекте Г. И. Мотовилова) не вызывали «нехорошие вкусовые ассоциации» с эпохой немецкого и итальянского фашизма⁴⁷³. Монумент должен был раскрывать «что такое 300 лет» данного события для советских людей, а не «250 лет» для Российской империи⁴⁷⁴, не отображать «вчерашний день нашей страны»⁴⁷⁵. Такая затянутость закрытого конкурса (после провала открытого конкурса, так и не определившего победителя) приводила к снижению активности выдвижений проектов: от 760 проектов на первый тур, к 8 — на второй, 4 — на третий и 2 — на четвертый⁴⁷⁶.

При подготовке в ЦК КПСС и Совете Министров СССР Постановления «Об устранении излишеств в расходовании государ-

ственных и общественных средств на сооружение памятников» от 28 сентября 1961 г. в записке от Министерства культуры СССР предлагалось «временно приостановить» проектирование монумента «в память 300-летия воссоединения Украины с Россией» в Москве⁴⁷⁷. Однако в окончательном варианте Постановления памятник «русско-украинской» темы, близкой руководителю Партии и Правительства Хрущёву, вошел в список 21-го монумента, «проектирование и сооружение которых целесообразно продолжить». (Заметим, это произошло на фоне временной приостановки проектирования 38 памятников и отказа от проектирования 42 памятников, порой находившихся уже не на стадии проектирования, а на стадии существования рабочей модели⁴⁷⁸.)

14 августа 1962 г. Министерство культуры СССР представило наконец в отдел культуры ЦК КПСС проект обелиска с сидящей перед ним фигурой Богдана Хмельницкого (скульптор Г. И. Мотовилов и архитектор Л. М. Поляков). Он был отклонен. (До этого проект был отклонен Градостроительным Советом Москвы 31 января 1962 г., т. к. в нем не было «выразительности, цельности», и он носил «мемориальный характер», что не отвечало «идее монумента».)⁴⁷⁹ 10 октября, после знакомства секретарей ЦК — партийных идеологов М. А. Суслова, Л. Ф. Ильичёва и О. В. Куусинена, ЦК дал ответ с формулировками: «авторы не смогли найти оригинального... решения»; проект «не отличается новизной»; традиционен; схож с Александровской колонной в Ленинграде, памятником Хмельницкому в Киеве⁴⁸⁰.

В период «оттепели» шли поиски новых художественных решений и проектирование монумента попало на время эстетического «перелома»: классический стиль ассоциировался со сталинским наследием, «временами культа личности». Повлияла и фамилия победителя конкурса (1954), архитектора Полякова, который был лишен на основании Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. из-за «архитектурных излишеств» Сталинской премии 1949 г., присужденной ему за проект гостиницы «Ленинградская». («Я спросила, — пишет его дочь Анна, — когда же его [памятник — *Прим. авт.*] поставят, он сказал: „Никогда!“»)⁴⁸¹

15 февраля 1964 г. Градостроительный Совет Москвы и Министерство культуры СССР на большом совещании отметили как «безобразие» то, что за 10 лет Всесоюзный открытый и четыре тура

закрытого конкурса не дали результата. Кроме художественных недочетов в проектах (для сложной в градостроительном отношении площади Киевского вокзала), авторы через изображение фигур русской и украинской девушек, барельефы на исторические и советские сюжеты на обелиске и др. все-таки не могли идейно связать прошлое и современность, о чем говорил архитектор Б. И. Тхор: «...советский народ увековечивает не потому, что оно 300-летие, а потому, что оно прошло испытание в Октябре» и он «дал новое качество этой идее». Скульптор Н. Б. Никогосян возмущался: «Подумаешь, 300-летие воссоединения Украины с Россией! А Армения и Грузия? Задача состоит в воссоединении вообще народов!»⁴⁸² Так возникала опасность растворить в интернациональном порыве национальное содержание события. Тогда решили, соединяя четыре проекта (в т.ч. Н. Никогосяна, Г. Мотовилова, Э. Неизвестного, В. Вахромеева), продолжить работу, что подтверждают фотопроекты 1960-х гг. хранящихся в РГАЛИ⁴⁸³. Э. Неизвестный по поводу своего проекта «Бандурист» рассказывал С. Хрущёву: «Твой отец видел фотографии макета. Он ему понравился... ни слова против... не сказал... И тем не менее его не поставили и никогда не поставят. Предлоги... самые объективные: то средства не выделили... то камня»⁴⁸⁴ (Заметим, сведения в документах о принятии данного проекта к установке нами не выявлены).

Уже через год после снятия Хрущёва, 24 ноября 1965 г. в решении объединенного заседания градостроительного совета при Главном архитекторе Москвы и художественного экспертного совета по монументальной скульптуре Москвы указывалось скульптору Н. Б. Никогосяну и архитектору П. П. Зиновьеву на необходимость предложения ими элементов, способных придать сооружению «не скульптурный, а оформительский характер». Проект же скульптура В. А. Вахрамеева и архитектора С. М. Молчанова был отвергнут, т.к. не соответствовал «условиям размещения на городской площади»⁴⁸⁵.

Нереализованность проекта главного юбилейного монумента была связана при Хрущёве с отвлечением внимания, сил и ресурсов на другие монументы (прежде всего сложный по своему техническому решению и дорогостоящий памятник «Покорителям космоса» у ВДНХ), а затем, несмотря на обсуждения его реализации в различных инстанциях и ведомствах вплоть до рубежа 1980-90-х гг. (в т.ч. см. документы по проекту скульптора Н. В. Томского, В. С. Климачёва и архитектора В. П. Соколова в Ф. 2329 Министерства культуры СССР в собрании РГАЛИ) — с отсутствием настоящей заинтересованности в «московском» воплощении воспоминаний о юбилее, отпразднованного в хрущевский период. По факту увековечивание юбилея было «отдано» Украине (см. про установку Арки дружбы ниже). Однако если подытожить само приведенное выше содержание обсуждения конкурсных проектов данного памятника, то главная причина его неосуществления крылась, пожалуй, в неопределенности ответа на вопрос о соотношении дореволюционной истории и советской современности, который нужно было четко дать в столичном монументе.

Так до сих пор в сквере у Киевского вокзала и стоит с поистертой надписью закладной камень...

* * *

В ознаменование юбилея ЦК КПУ и Совет Министров УССР приняли решение о сооружении двух величественных монументов в Переяславе-Хмельницком и триумфальной арки в Киеве на магистрали Москва—Киев, поддержанное Постановлением ЦК КПСС от 21 сентября 1953 г.⁴⁸⁶ Они были торжественно заложены 24 мая 1954 г. руководством Украины (во главе с Первым секретарем ЦК КПУ А. И. Кириченко и Председателем Совета Министров УССР Н. Т. Кальченко) в присутствии правительственной делегации от РСФСР⁴⁸⁷. Еще в начале 1954 г. Киевгорисполком, Управление по делам архитектуры при Совмине УССР и Союз советских архитекторов Украины объявили открытый конкурс на проект триумфальной арки⁴⁸⁸. По его итогам объединенные первая и вторая премии были присуждены за проекты, значащиеся под девизами «Колос со звездой» (авторский коллектив из Москвы: архитектор Ю. Арндт, кандидаты архитектуры А. Бархина, Б. Бархина, архитекторы Ю. Дряшин, М. Чирков, при участии Н. Александровой), «Народам-богатырям» (из Академии архитектуры УССР в Киеве: профессор В. Заболотный, архитекторы В. Георгиева, В. Ежов, В. Зарецкий, В. Савченко, В. Скугарев; скульпторы Н. Гаркуша, И. Коломиец, И. Першудчев). Критиками вносились концептуальные замечания о том, что «триумфальные арки древнего Рима... сооружались... в честь завоеваний...», «не могли быть образцами для воплощения идеи братской дружбы народов» и их не следует копировать, т. к. в стилистике «сталинского ампира» было множество подражаний древнеримским аркам⁴⁸⁹. Влияние украиноцентризма проявлялось в том, что в проектах восхвалялись «национальные черты», «украинское» (при этом ни слова не говорилось о «русских чертах», хотя арка посвящалась воссоединению двух народов). Добавим также, что 7 проектов были отмечены поощрительными премиями I и II степеней. Жюри конкурса также отметило поощрительными денежными премиями предложения трудящихся, которые прислали на конкурс в самостоятельном порядке свои творческие предложения. 25 проектов были отмечены почетными грамотами. Полного удовлетворения не вызвала ни одна из работ, проект так и не был осуществлен. Однако от идеи воздвигнуть памятник власти Советской Украины не отказывались. Так, в записях за 11–12 августа 1969 г. первый секретарь ЦК КПУ П. Е. Шелест

отмечал, что обсуждал в числе прочих вопросов о городском хозяйстве и внешнем облике Киева «сооружение монумента в ознаменование воссоединения Украины с Россией»⁴⁹⁰.

Памятником, отражающим сюжет Переяславской рады с Богданом Хмельницком и Василием Бутурлиным, с надписью «В ознаменование воссоединения Украины с Россией» (на русском и украинском языках) в Киеве все же стала Арка дружбы (скульптор А. Скобликов, архитекторы И. Иванов, С. Миргородский и К. Сидоров) в Крещатом парке на днепровском берегу. Он был открыт 3 ноября 1981 г., накануне года празднования двух значимых для страны юбилеев: 60-летия образования СССР и не менее масштабно отмеченного 1500-летия Киева.

В городе исторического воссоединения народов Переяславе-Хмельницком на основании Постановления ЦК КПСС от 21 сентября 1953 г.⁴⁹¹ на главной площади города 8 октября 1961 г. был установлен памятник работы киевских авторов (скульптор В. П. Винайкин и архитектор В. Г. Гнездилов). «Митинг, посвященный этому событию, прошел хорошо»⁴⁹², — отметил в своем дневнике первый секретарь Киевского обкома КПУ П. Е. Шелест.

Работа Винайкина и Гнездилова под девизом «Слава» получила первую премию на конкурсе 1954 г., куда были поданы проекты из Киева, Харькова, Чернигова, Москвы, Московской области, Ленинграда⁴⁹³. На монументе представлены русская и украинская девушки в национальных костюмах. Русская девушка жестом указывает путь украинке, образно отражая руководящую и направляющую роль русского народа в их братском союзе.

Была увековечена память и самого Б. Хмельницкого. В бывшей гетманской столице Чигирине открыли надгробие с надписью, где он назывался «великим сыном украинского народа, выдающимся государственным деятелем и полководцем»⁴⁹⁴.

* * *

300-летие воссоединения Украины с Россией не получило в Москве монументального увековечивания, но оно было в значительной мере компенсировано архитектурной формой — станцией метро «Киевская» Кольцевой линии.

Необходимо отметить, что еще 5 апреля 1953 г. открыли станцию метро «Киевская» Арбатско-Покровской линии (архитекто-

ры Л. В. Лиле, В. А. Литвинов, И. Г. Таранов и др.) с оформлением, посвященным Советской Украине. На 24 фресках (художники В. А. Коновалов, В. Н. Аракелов и др.) рассказывалось о ее сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, строительстве, культуре и т. п. Однако оформление данной станции метро не отражало темы совместного исторического пути русского и украинского народов. В торце станции находилось панно «Народные гуляния в Киеве» (воссоздано после осыпания в 2013 г.), часто интерпретируемое как изображение торжеств в честь будущего юбилея (1954), но указаний в самом панно на этот факт нет.

В 1952 г., в бытность Н. С. Хрущёва первым секретарем МГК, был проведен большой конкурс Архитектурно-Строительного совета совместно с Правлением Московского отделения Союза Советских Архитекторов на проект станции «Киевская-кольцевая» (конкурсы проводились тогда на проектирование далеко не каждой станции метро, а такие масштабные — случай достаточно редкий!). Первым условием конкурса явилось отражение «традиций архитектуры Советского метрополитена и украинского национального зодчества». Тем самым сразу был заявлен акцент на украинскую историческую тему. Решением жюри от 28 апреля 1952 г. из 72 конкурсных работ — «московских» (41) и «украинских» (31) — было выбрано 10 проектов, среди них проект группы действительного члена Академии архитектуры УССР Е. И. Катонина⁴⁹⁵, победивший в 1953 г. С приходом к власти Хрущёва было продемонстрировано, что Москва принимает проект в честь столицы Украины, выполненный «национальными» зодчими.

Художественное оформление станции в стилистике украинской барочной архитектуры XVII в. посвящено истории дружбы русского и украинского народов в дореволюционный и советский период. Данная тема была раскрыта, как писала еще 1 июля 1953 г. «Правда Украины», в «мозаичных панно для подземного дворца» (художник А. В. Мызин)⁴⁹⁶. Приведем названия всех 18 панно на станции «Киевская--кольцевая»: «Переяславская рада. 8/18 января 1654 года», «Полтавская битва. 1709 год», «Пушкин на Украине», «Чернышевский, Добролюбов, Некрасов и Шевченко в Петербурге», «Ленинская „Искра“», «1905 год в Донбассе»,

«Провозглашение Советской власти В. И. Лениным в Смольном», «Октябрь 1917 года», «Борьба за Советскую власть на Украине», «Тракторная бригада первой МТС» «М. И. Калинин и Г. К. Орджоникидзе на открытии ДнепроГЭСа. 1932 г.», «Народное гуляние в Киеве», «Воссоединение всего украинского народа в едином украинском советском государстве», «Освобождение Киева Советской Армией. 1943 год», «Салют Победы в Москве. 9 мая 1945 года», «Социалистическое соревнование металлургов Урала и Донбасса», «Дружба русских и украинских колхозников», «Цветет орденоносная Украина, республика рабочих и крестьян», «Содружество народов — источник расцвета социалистической родины». В этой «летописи» проведена еще сталинская линия исторической преемственности, уважения к «великим предкам» — полководцам и государственным деятелям (Богдан Хмельницкий, Петр I), а также «демократическим» и «революционным» деятелям культуры двух народов (А. С. Пушкин, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов, Т. Г. Шевченко).

В торце станции находился мраморный барельеф с портретами Ленина и Сталина (тогда еще говорили о «ленинско-сталинской дружбе народов»). Сталина убрали после 1956 г. и разместили мозаичный портрет Ленина. Под ним выбито концептуальное положение: «Нерушимая вечная дружба украинского и русского народов является залогом национальной независимости и свободы, расцвета национальной культуры и процветания украинского народа, как и других народов Советского Союза», из «юбилейного» Постановления в сообщении от 9 декабря 1953 г.⁴⁹⁷ По кромке стены — формула братства и единства народов из гимна СССР: «Славься, Отечество наше свободное, / Дружбы народов надежный оплот!»

Станция была открыта 14 марта 1954 г. в период активной подготовки к торжествам и стала архитектурной иллюстрацией юбилейной концепции.

* * *

Замечательным памятником, архитектурно увековечивающим юбилей, стал пышно убранный национальными орнаментами новый павильон Украины (архитектор А. Таций), построен-

ный на месте менее величественного павильона довоенной ВСХВ. По бокам от входа в новый павильон стояли две памятные стелы «1654» и «1954», а над самим дверьми красовался витраж «Переяславская рада» (художники Г. В. Боня, В. В. Давыдов и др.) на вновь открывшейся 1 августа 1954 г. Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ). Важно отметить, что работа над витражом была закончена за два месяца до открытия выставки. Новый витраж вместо прежнего, орнаментального, был заказан в последний момент изготавливался на Рижском художественном комбинате «Максла». Такие дополнительные оформительские работы по украинскому павильону были пролоббированы Советом Министров УССР (Н. Кальченко) и Министерством сельского хозяйства СССР И. Бенедиктовым в Совете Министров СССР в записке от 15 июня 1954 г., где Москву просили выделить «до 300 тысяч рублей, в том числе на окончание работ по изготовлению витража „Переяславская Рада“ к 300-летию воссоединения Украины с Россией и работ по частичной перделке центральной части монументального панно „Советская Украина“ и изготовлению люстр»⁴⁹⁸. Причем, несмотря на обращение в Совет Министров СССР, возглавляемый Г. М. Маленковым, не со стороны премьера, а Н. С. Хрущёвым была наложена резолюция «министерству финансов (т. Гарбузов) рассмотреть и представить предложение»⁴⁹⁹. После полной поддержки дополнительных затрат в Министерстве финансов СССР вышло распоряжение Совета Министров СССР от 6 июля 1954 г. за подписью Г. М. Маленкова, утверждавшее выделение по линии Министерства сельского хозяйства СССР запрашиваемых украинским руководством ассигнований⁵⁰⁰ (т. е. в данном случае общесоюзных, а не республиканских средств, на которые в целом строились павильоны). Заметим, что все данные траты производились уже после того, как по обращению от Н. Кальченко на имя Хрущёва распоряжением Совета Министров СССР от 13 марта 1954 г. было решено ассигновать средства Советам Министров РСФСР и УССР «с учетом расходов, связанных с отражением на Выставке трехсотлетия воссоединения Украины с Россией»⁵⁰¹. А 13 апреля 1954 г. Главный комитет ВСХВ уже утверждал «перечень и объем дополнительных ремонтно-восстановительных работ и работ по повторной покраске павильона Украинской ССР» в 11 пунктов на 160 тыс. руб., где

в том числе значились «демонтаж витража главного входа» и «монтаж архитектурных колонн-флагштоков»⁵⁰². При этом подчеркнем, что сам павильон УССР, как рапортовал министр внутренних дел СССР С. Круглов, «был закончен и сдан технической комиссии 17 октября 1953 г. с оценкой на отлично»⁵⁰³ (по графику павильон должен был быть окончательно готов к 20 мая 1954 г.)⁵⁰⁴, а «наружные отделочные работы, включая дополнительные работы», Совет Министров СССР требовал завершить к 1 июня 1954 г.⁵⁰⁵ Павильон был, казалось бы, окончательно принят «с 25 по 30 июня... Главным выставочным комитетом от строителей МВД»⁵⁰⁶. Однако, как мы видим по документам, доделки масштаба монтажа нового витража производились и в июле месяце...

Безусловно, всеми вышесказанными реверансами демонстрировалось расположение Москвы во главе с Хрущёвым к украинскому руководству. Как отмечает историк Выставки А. Н. Зиновьев в своей фундаментальной монографии «Ансамбль ВСХВ: Архитектура и строительство», еще в бытность главой Советской Украины «при посещении строительства павильона Украины Н. С. Хрущёвым было предложено улучшить отделку здания, добавив мраморную облицовку стен залов. Выполнение данного указания еще больше увеличило стоимость строительства. Этот небольшой штрих представляет Хрущёва в новом свете, не как борца с „излишествами“»⁵⁰⁷.

Расположенный на оси Главной аллеи выставки, павильон Украинской ССР своей особенной пышностью подчеркивал «украиноцентричный» характер юбилея. Заметим, что павильон РСФСР, стоящий сбоку площади Колхозов, у фонтана «Дружба народов», внешне выглядит явно скромнее. Более того, павильон РСФСР мог вообще не появиться. На довоенной ВСХВ у РСФСР было только множество зональных павильонов для демонстрации достижения сельского хозяйства отдельных регионов республики. И только когда в начале 1954 г. на выставку с инспекцией приехали Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов и министр культуры П. К. Пономаренко, на Генплане ВСХВ появился павильон РСФСР. По воспоминаниям художника Б. Ф. Уитца, одного из создателей фрески над главным входом в этот павильон, после осмотра выставки высокими гостями у них произошел сле-

дующий диалог с представителями выставкома: «Очень хорошо, русский павильон есть?» — «Нет». — «Надо сделать»⁵⁰⁸. Под павильон РСФСР по распоряжению Совета Министров от 9 марта 1954 г. за подписью Г. М. Маленкова (Хрущёв, что, пожалуй, симптоматично, в этой истории не фигурировал!) был отдан павильон Центральных черноземных областей на площади Колхозов. Экспозиция же этих областей, в свою очередь, была после рассмотрения различных вариантов перенесена в здание «Тула — Калуга — Рязань — Брянск», «вытеснив» первоначальное содержание павильона в павильон Москвы и Московской области⁵⁰⁹. Причем такая значительная перемена за считанные месяцы до открытия выставки не могла не сказаться на сроках сдачи павильона и не вызвать проблем с его оформлением. Так, комиссия отмечала, что в павильоне «только в одном месте учтены образцы русской художественной резьбы, а в основном все слишком упрощено», «на последнем месте по оформлению павильон РСФСР»⁵¹⁰.

Получившийся павильон РСФСР получился монументальным и достаточно пышным, но совершенно не «русским» в отличие от национальных черт павильонов других союзных республик. При этом 300-летие воссоединения Украины с Россией нашло отражение в интерьерах павильона: по бокам от картины, посвященной юбилею, были установлены две большие «художественные вазы» из кавказского ангидрида (такие же были подарены ЦК КПУ от лица Совета Министров РСФСР⁵¹¹). Приведем выдержки из паспорта на художественные камнерезные вазы: «...изготовлены из поделочного камня Шушунского месторождения на Хаджохском ангидритовых изделий треста „Русские самоцветы“ [Министерства местной и топливной промышленности РСФСР. — *Прим. авт.*] <...> На верхней трети вазы методом резьбы по камню нарезан орнамент — не полированный. Ваза изготовлена из двух частей, постамент из трех. На вазах имеются бронзовые литые патинированные пояса. Верхний пояс на одной из ваз изображает момент воссоединения (XVII в.), на другой (парной) вазе — пояс выполнен на тему дружбы народов (XX в.) Нижние пояса на ножках ваз имеют растительный орнамент. <...> Вазы изготовлены по проекту архитектора — художника Эйсмонт Н. Г. ис кульптора т. Литовченко М. Т. <...> Бронзовое литье выполнено заводом „Монумент-скульптура“

Министерства культуры СССР»⁵¹². В настоящее время вазы перенесены в павильон Сибири, который сейчас называется «Армения». Так павильон РСФСР стал в конечном итоге не руссоцентричным, а даже в какой-то степени украиноцентричным. Руссоцентризм и украиноцентризм в ансамбле Главной аллеи ВСХВ в некотором смысле уравнивались фонтаном «Дружба народов» (архитектор К. Т. Топуридзе) с фигурами девушек — представительниц 16 (на 1954 г.) союзных республик. В проекте фонтан разрабатывался как «Главный фонтан», на этапе строительства его называли «Золотой сноп» и только перед самым открытием ВСХВ он получил имя, ставшее известным всем, хотя бы слышавшим о выставке⁵¹³. Так фонтан пропагандировал уже не только (и не столько!) советские достижения в сельском хозяйстве, а идею дружбы народов СССР, обращение к которой в пропаганде набирало силу в первые послесталинские годы. Отметим также, что если идти со стороны Главного входа выставки, то на посетителя «смотрят» именно статуи русской и украинской девушек — «виновниц» юбилея воссоединения Украины с Россией, как отражение дружбы народов.

* * *

300-летие воссоединения Украины не было отмечено массовым выпуском наградных медалей. Возможно, это было связано со сложностью определения круга награждаемых в статуте в честь праздника больших республик РСФСР и УССР. При этом Президиум ЦК 21 сентября 1953 г. поручал Министерству культуры СССР «разработать тематическое задание... мемориальной бронзовой медали на украинском и русском языках... для исторических музеев Москвы и Киева и для участников юбилейной сессии Верховного Совета РСФСР и... УССР»⁵¹⁴. Непросто происходило обсуждение внешнего вида медали. В Российском государственном архиве литературы и искусства сохранилась стенограмма обсуждения проекта медали от 13 января 1954 г., которое осуществлялось широким художественно-экспертным советом (в том числе с участием представителя Государственного исторического музея, как хранителя большой коллекции исторических медалей). В рамках

обсуждения встал вопрос о соотношении исторических личностей, «предводителей» и народных масс. Высказывались следующие мнения на этот счет: воссоединение — «дело не одного лица, а всей Переяславской рады»; «фигуры, подразумевающие представителей двух народов, — это одно, а когда мы даем предводителей — это неправильно. Если бы была медаль Богдана Хмельницкого — нормально, а здесь это будет неприемлемо»; «Богдана Хмельницкого нельзя [размещать. — *Прим. авт.*] на лицевой стороне медали»⁵¹⁵. Как мы видим, уже в 1954 г. проявлялась борьба с культом личности в историческом прошлом. Медаль юбилея, отмечаемого в постсталинское время, не должна была повторять принцип медали предыдущего масштабного исторического юбилея — 800-летия Москвы, на лицевой стороне которой красовался профиль князя Юрия Долгорукого. (Заметим, что при этом Совет Министров СССР распорядился назвать медаль «по аналогии с названием медали „В память 800-летия Москвы“»⁵¹⁶.) Усиление классовых оценок прошлого нашло отражение в сомнениях, «ставить ли в одно положение» Богдана Хмельницкого и Бутурлина, т. к. «роль Бутурлина ограничивалась поручением, которое ему дал Алексей Михайлович»⁵¹⁷, и предлагали изобразить вместо этого «Богдана Хмельницкого и народ»⁵¹⁸. Атмосфера преддверия новой атеистической кампании обусловила уже другие сомнения: «Нужно ли церкви изображать?»⁵¹⁹ (В сцене Переяславской рады на утвержденной медали их не стали изображать.)

Решение Секретариата ЦК о мемориальной медали по проекту художников В. М. Акимовской, А. И. Резниченко, И. П. Хотиника, внесенное Министерством культуры СССР, отделом науки и культуры ЦК, было принято 8 апреля 1954 г.⁵²⁰ 13 апреля 1954 г. оно было оформлено Постановлением Совета Министров СССР «Об изготовлении медали в память 300-летия воссоединения Украины с Россией»⁵²¹.

Символика изображений утвержденной и изготовленной на Ленинградском монетном дворе медали (рукопожатие на фоне Кремля (рука русского на плече украинца), слова гимна: «Союз нерушимый республик свободных / Сплотила навеки Великая Русь» и др.) подчеркивала, что в дружбе России и Украины при всей важности последней ведущая роль исторически принадлежит русскому

народу как «старшему брату». За «советскими» русским и украинцем — «дореволюционные» русский пахарь с сохой и украинский казак с косой, как обозначение преемственности дружбы. (На плакате киевского издания «Навіки з великим російським народом» (т. е. «Навеки с великим русским народом») работы одного из создателей медали, художника А. Резниченко, за фактически идентичными «медальными» главными героями — представители разных народов СССР в национальных костюмах, смотрящие на русского и украинца как образец в дружбе.) Обратная сторона медали — изображение Переяславской рады, в центре которого стоят Б. Хмельницкий и В. Бутурлин, и дата «1654–1954» с надписью по краю «В память 300-летия воссоединения Украины с Россией». Наличие надписей на украинском языке подчеркивало отсутствие у РСФСР «имперских амбиций» и уравнивало украиноцентризм и руссоцентризм.

Возобладал ограниченный номенклатурный состав награждаемых (по решению ЦК КПСС, без особо принимаемого положения). Награждались члены ЦК и кандидаты ЦК, первые и вторые секретари обкомов, первые секретари горкомов и председатели горисполкомов областных центров, все министры, некоторые первые заместители министров, депутаты Верховных Советов РСФСР и УССР, члены юбилейных комитетов и делегаций от союзных республик. Списки расширялись, пересогласовывались. Вручили около 1000⁵²² позолоченных медных медалей в футлярах из карельской березы с серебряной накладкой с указанием названия медали или с надписью «Участнику Юбилейной сессии Верховного Совета РСФСР/УССР, посвященной 300-летию воссоединения Украины с Россией». Так проявлялась тенденция роста влияния политически близкого для Хрущёва партаппарата (в том числе в регионах).

* * *

Юбилей также был увековечен в топонимике.

Еще 19 августа 1953 г. «украинские товарищи» предложили в Москве «присвоить одной из улиц имя Богдана Хмельницкого»⁵²³, с чем согласился и Президиум ЦК⁵²⁴. Мосгорисполком своим решением от 6 января 1954 г. (в преддверии 8 января — исторического

дня Переяславской рады по старому стилю) старинную Маросейку переименовал в улицу Богдана Хмельницкого «в ознаменование 300-летия воссоединения Украины с Россией и отмечая заслуги перед русским и украинским народами выдающегося государственного деятеля и полководца»⁵²⁵. Выбор был неслучаен: в XVII в. на ней располагалось Малороссийское подворье, что актуализировало исторические связи Москвы с Украиной. (Кстати, об архитектурных связях Первопрестольной и Малороссии, в том числе выраженных в Меншиковой башне И. Зарудного и других зданиях, писал в статье «Творческая близость» знаменитый искусствовед и реставратор И. Грабарь, обращая внимание Моссовета на то, чтобы «принять меры к приведению их [памятников архитектуры. — *Прим. авт.*] в соответствующее их историческому значению состояние»⁵²⁶.) В 1990 г. улице было возвращено историческое название.

В честь юбилея, как праздника всех народов СССР, произвели и другие переименования. В Москве по решению Мосгорисполкома гостиницей «Украина» (архитектор А. Г. Мордвинов, В. К. Олтаржевский) стало высотное гостиничное здание на Дорогомиловской набережной⁵²⁷ (с 1964 г. — набережная Тараса Шевченко, названная, кстати, в честь отмеченного с размахом 150-летия поэта). Московвед А. А. Васькин справедливо отмечает тот факт, что гостиница «Россия» тогда еще построена не была⁵²⁸. На наш взгляд, в данном случае мы встречаемся с еще одним проявлением украиноцентризма. Не забыли в некоторых союзных республиках топонимически увековечить и знаковых для украинской истории героев. Так, по решению Президиума Верховного Совета Узбекской ССР в Ташкенте школе № 76 и Театральной улице было присвоено имя Богдана Хмельницкого, а одной из площадей — Тараса Шевченко⁵²⁹. Особое значение имело топонимическое увековечивание памяти о юбилее на Украине. В нем превалировали наименования в честь народного героя воссоединения — гетмана Богдана Хмельницкого. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1954 г. (на основании Постановления Президиума ЦК КПСС от 21 сентября 1953 г.⁵³⁰) г. Проскуров был переименован в г. Хмельницкий, а Каменец-Подольская область — в Хмельницкую область⁵³¹. Имя Богдана Хмельницкого было присвоено Винницкому военно-техническому училищу⁵³².

Имя «300-летия воссоединения Украины с Россией» присвоили Днепропетровскому университету. (В 2008 г. университету дали имя советского и украинского писателя Олеса Гончара.) Украинское руководство пошло в юбилейный год в обход Верховного Совета СССР, незаконно присвоив имя Указом от 28 апреля 1954 г. Верховного Совета УССР учреждению общесоюзного значения (ВС СССР заставил войти в него с представлением и утвердил переименование.)⁵³³ Данный конфликт показал стремление к своеволию со стороны республиканской номенклатуры, воодушевленной покровительством Хрущёва.

В честь 300-летия воссоединения Украины с Россией была названа даже бензопила «Дружба», разработанная в ноябре 1953 г. в Запорожье и массово производимая в Молотове (ныне Пермь)⁵³⁴, а также в Бийске Алатайского края с 1955 г.

* * *

Юбилей был библиографически отмечен выпуском в самом конце 1953 г. как плода совместной работы Института истории Академии наук СССР и УССР историко-архивного издания «Воссоединение Украины с Россией в 1654 году» в трех томах⁵³⁵. Вступительная статья «была подвергнута обсуждению в Институте истории с участием украинских историков», а затем согласована с секретарем ЦК КПСС П. Н. Поспеловым⁵³⁶. I том сборника содержал документы, касающиеся 1620–1647 гг., II и III тома были посвящены уже национально-освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг.⁵³⁷ Уровень подготовки издания свидетельствовал о внимании союзного центра к национальной истории, но в ключе лозунга «Навеки с Москвой!». Подтверждением данной линии, проводимой в трехтомном сборнике, явились как оформление лицевой стороны обложки годом «1654», так и полные названия II тома «1648–1651 гг. Освободительная война Украинского народа и борьба за воссоединение с Россией» и III тома «1651–1654 гг. Завершение борьбы украинского народа за воссоединение с Россией. Переяславская Рада»⁵³⁸, а также оценочные формулировки в оглавлении при названии документов: «желание объединения с русским народом», «дружественные чувства»⁵³⁹.

Вместе с тем Академия наук УССР подготовила к юбилейному 1954 г. два тома собственно «национальной» (разумеется, в общесоветском контексте) «Истории Украинской ССР» под редакцией директора Института истории АН УССР А. К. Касименко. В I томе прослеживалась история украинских земель в дооктябрьский период, начиная с первобытных времен. В издании I тома в 1951 г. еще присутствовала формулировка «присоединение Украины с Россией»⁵⁴⁰, превратившаяся в связи с новыми установками в издании 1953 г. (переизданный том вышел в свет на украинском и русском языках в начале 1954 г.⁵⁴¹) в «воссоединение»⁵⁴². Во II томе рассматривался период от Великой Октябрьской социалистической революции до 1954 г. — времени расцвета Советской Украины, ознаменованного празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией⁵⁴¹.

Данное издание будет продолжено, расширено в 1950—1980-е гг. и выльется в 10-томную «Историю Украинской ССР».

* * *

На основании Постановления Совета Министров СССР от 12 апреля 1954 г. (с разрешения ЦК, его отдела науки и культуры, а затем Секретариата от 27 марта 1954 г.⁵⁴⁴) к торжествам Московским монетным двором был организован выпуск 400 тыс. юбилейных значков, продаваемых по всему СССР⁵⁴⁵, что отчасти компенсировало отсутствие нагрудных юбилейных медалей. Флаги РСФСР и УССР и два вида значков (с надписью по-русски или по-украински) подчеркивали национальное содержание юбилея, а Спасская башня — роль Москвы — политического центра. Она же была главным символом на значках к 800-летию Москвы⁵⁴⁶. Эмблема с юбилейного значка в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией встречалась повсеместно: от оформления демонстраций до программ праздничных постановок и сувениров.

Секретариат ЦК 8 апреля 1954 г. поручал «Министерству промышленных товаров широкого потребления и Министерству промышленности продовольственных товаров СССР изготовить на предприятиях товары народного потребления

и художественные изделия, специально оформленные к юбилею, для массовой продажи населению»⁵⁴⁷.

Среди сувенирной продукции были представлены марки с преобладанием национальных украинских сюжетов (таких как памятники Т. Г. Шевченко в Киеве и на могиле в Каневе, здания театра оперы и балета, а также университет им. Шевченко, Академия наук УССР), но были и марки «объединительного» характера: изображения памятника Богдану Хмельницкому, юбилейного значка, зданий Верховных Советов РСФСР и УССР, Переяславской рады.

Особо хочется отметить прекрасные тематические статуэтки: «Украина», популярные к юбилейной дате «Богдан Хмельницкий» и «Тарас Бульба», изготовленные из глазурованного фарфора на Дулёвском государственном фарфоровом заводе им. газеты «Правда»⁵⁴⁸, или прочная, как мамонтовая кость, из которой она была вырезана, статуэтка Богдана Хмельницкого под названием «Навеки с Москвой, навеки с русским народом» работы скульптора Н. С. Алексеева из Кисловодска.

Среди сувенирной продукции были и типичные для юбилейных дат образцы тематически оформленных товаров широкого потребления (например, наборы конфет с изображением Богдана Хмельницкого, популярной картины М. Хмелько «Навеки с Москвой, навеки с русским народом», написанной еще в 1951 г.).

* * *

Подготовке подарков к 300-летию воссоединения Украины с Россией для делегаций Юбилейных сессий Верховных Советов РСФСР и УССР, Декад литературы и искусства, учреждениям и коллективам уделяли пристальное внимание различные инстанции: как Совет Министров РСФСР, так и ЦК КПСС во главе с Н. С. Хрущёвым, который 14 мая по записке заместителя Председателя Совета министров РСФСР Д. И. Алёхина ознакомился с тем, что было сделано в плане изготовления подарков⁵⁴⁹.

Еще 12 декабря 1953 г. заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Л. М. Сафронов заявлял на совещании: «Вначале представьте нам эскизы [подарков. — *Прим. авт.*], мы их сами

посмотрим, пригласим художников, выясним их мнение. Изготовление подарков — дело очень сложное, к нему надо отнестись всем нам со всей серьезностью»⁵⁵⁰. Производители сами просили им «помочь, главным образом в тематике... подсказать»⁵⁵¹. О важности, которая придавалась изготовлению подарков, свидетельствует тот факт, что плетение кружевного занавеса 28 вологодскими мастерицами по эскизу художницы А. А. Кораблёвой с видом Кремля и гербами РСФСР и УССР, изготовление ларца и гербов двух республик из самоцветов на ленинградском заводе «Русские самоцветы» нашло отражение в киножурнале «Новости дня» (сюжет «В честь знаменательной даты»)⁵⁵².

Украинская тематика выражалась в исторических и литературных сюжетах подарков, напоминавших о братстве двух народов: скульптуры «Богдан Хмельницкий» (была вручена А. И. Кириченко), «Тарас Бульба», шкатулка «Утро Переяславской рады»⁵⁵³. На совещаниях у заместителей Председателя Совета Министров РСФСР Л. Сафронова 12 декабря 1953 г. и Н. Беспалова 8 марта и 10 апреля 1954 г. обсуждали вопросы о «тематике художественных изделий... отображающих жизнь народов РСФСР», «о готовности... подарков... УССР и юбилейных товаров»⁵⁵⁴. При обсуждении их художественного оформления делались замечания как украиноцентричного, так и руссоцентричного характера. Одни участники обсуждений предлагали на гобелене «ярче сделать украинский костюм», на ларце «показать представителей всех национальностей»; другие — изготовить полотенца со «смоленским, рязанским... орнаментами», «организовать выставку народного творчества, показать историю русского народа, вологодское кружево, лаки, хрусталь»⁵⁵⁵. Председатель Госплана РСФСР Я. Е. Чадаев, занимавший пост управделами Совета Министров СССР при Сталине, вообще призвал «давать во всем оформлении в сувенирных... и массовых изделиях русские изображения»⁵⁵⁶. Такая позиция не была поддержана: русский и украинский компоненты пытались сбалансировать, хотя в подарках для Украины встречалась русская тематика (скульптуры «Жар-птица», «Конек-горбунок», шкатулка «Волго-Дон»)⁵⁵⁷. В подарках от других республик (среди них были вазы, скульптуры, шкатулки, блюда, ковры, фотоальбомы, наборы книг и др.)

отражались либо национальные мотивы, либо тема дружбы народов. Отметим, что на напольных вазах присутствовали образы Переяславской рады (например, от Грузинской ССР) а также современной советской жизни: демонстрации у памятника Богдана Хмельницкого в Киеве, Московского Кремля, виды Риги (от Латвийской ССР).

Повторяется на одной из напольных ваз от Украинской ССР на вазе от Латвийской ССР (обе в дар русскому народу)⁵⁵⁸ образ шествующей многонациональной советской молодежи на фоне широко тиражируемого в советском искусстве нового здания Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова на Ленинских горах (открыто 1 сентября 1953 г.) как символ движения вперед на основе дружбы народов.

К изготовлению подарков были привлечены и выдающиеся мастера. Так, скульптор С. Т. Конёнков создал деревянную скульптуру «В дар Великому Русскому народу в день 300-летия воссоединения Украины с Россией от Карело-финского народа», изображающую гармониста и поющих детей.

Как оригинальный подарок, демонстрировавший общесоюзное значение празднуемого юбилея, можно выделить преподнесенные русскому народу от Армянской ССР настольные часы с устройством, воспроизводящим Государственный гимн СССР.

В подарках для польской делегации на Юбилейной сессии Верховного Совета РСФСР присутствовали сюжеты, часто встречавшиеся и во взаимных подарках делегаций РСФСР и УССР, которые прославляли советскую государственность, Москву как столицу социализма и Великую Победу: федоскинский ларец «Мо-сква», шкатулка на перламутре «Кремль», золотые часы «Звезда», шкатулка «Орден Победы», золотые часы «Победа»⁵⁵⁹.

Подарки для РСФСР, в том числе знамя «Навеки вместе», врученное украинской делегацией на Юбилейной сессии Верховного Совета РСФСР, успешно экспонировались на большой выставке «300-летие воссоединения Украины с Россией» в пяти залах Государственного исторического музея до 1955 г.⁵⁶⁰ Предлагалось после закрытия выставки распределить их между музеями: Революции СССР, этнографии народов СССР; самим ГИМом и Литературным музеем. Заместитель Председателя Совета Мини-

стров РСФСР Н. Беспалов возмутился отсутствием указания места хранения ряда реликвий. По распоряжению Совета Министров РСФСР от 20 мая 1955 г. в Государственном музее Революции СССР была организована их экспозиция⁵⁶¹, что свидетельствовало об отношении руководства РСФСР к юбилею как к особо знаменательной дате. Государственный центральный музей современной истории России сохранил подаренные РСФСР в характерной еще для сталинских времен стилистике напольные фарфоровые вазы работы Коростенского и Барановского фарфоровых заводов (от Украинской ССР), Ленинградского фарфорового завода (исполнение заказа от Грузинской ССР), Рижского фаянсово-фарфорового завода (от Латвийской ССР). Данные произведения искусства были представлены публике в рамках замечательной выставки «История под глазурию», проходившей в стенах Государственного центрального музея современной истории России 26 апреля — 31 июля 2012 г.⁵⁶²

Особым подарком для России от Украины, который мы и сегодня можем видеть в Москве на Поварской улице (тогда — улице Воровского) стал памятник Л. Н. Толстому (скульптор Г. Н. Новокрещенова, архитектор В. Н. Васнецов, 1956 г.) перед зданием правления Союза писателей СССР (так называемый «дом Ростовых»). Как свидетельствует табличка на пьедестале с надписью, сделанной на украинском языке, памятник является даром писателей Украины московским писателям в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией⁵⁶³. Памятник был торжественно передан делегации во главе с первым секретарем Союза писателей СССР А. А. Сурковым на Юбилейном пленуме Союза советских писателей Украины. Так, через уважение к фигуре великого русского классика показывалась сопричастность Украины русской культуре.

* * *

Таким образом, проблемы в процессе увековечивания памяти о 300-летию воссоединения Украины с Россией были обусловлены кризисом в понимании политико-идеологического содержания монументов, соотношения в них историзма и современности.

Москве так и не был воздвигнут памятник юбилею. Знаменательная дата была, прежде всего, масштабно увековечена в еще сохранившейся идейно-художественной традиции сталинского периода

в архитектуре станций московского метро и разнообразных подарках и сувенирах, посвященных темам Переяславской рады, русско-украинского братства и дружбы народов СССР, а также в идейно выдержанных на основании программных текстов книжных изданиях.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗЕРКАЛО ВТОРОЕ.

ПРАЗДНОВАНИЕ 150-ЛЕТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

§ 1. Процесс организации торжеств политический контекст

В отличие от случая с юбилеями Переяславской рады опыт празднования круглых годовщин Отечественной войны 1812 г. имелся немалый: начиная еще с 5-летия войны (1817), особенно пышно — со времен Николая I, с 25-летия Бородинского сражения (1837). Однако самым масштабным стало общественно-государственное празднование 100-летия Отечественной войны 1812 г. (1912). Кульминацией празднования юбилея стали торжества с присутствием Императорской фамилии, Двора и частей армии на Бородинском поле. Обширная издательская деятельность (от научных до лубочных изданий), работы по устройству Музея 1812 г., написание панорамы «Бородино» Ф. Рубо, создание памятников русским полкам на Бородинском поле, поиск живых свидетелей войны 1812 г. и прочие подготовительные мероприятия разворачивались задолго до 1912 г., в некоторых случаях относились к первым годам XX в. и даже к концу прошедшего столетия. (Необходимо отметить, что «Справка о праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 года» была составлена в мае 1962 г. в Секретариате ЦК КПСС. В ней подчеркивалось: «Столетие Отечественной войны 1812 года в России отмечалось широко и торжественно». Перечислялись праздничные мероприятия на Бородинском поле, в Москве, в Петербурге, в городах страны, мероприятия по популяризации и увековечиванию памяти юбилея⁵⁶⁴.)

В сталинское время заметно, хотя и не так уж широко, были отмечены 125-, 130-, 135- и 140-летние годовщины Бородинской битвы (в годы войны в печати по почину Главного политуправления Рабоче-крестьянской Красной армии⁵⁶⁵). К ним издавалась научная и пропагандистская литература, публиковались статьи в

газетах и журналах, проводились научные мероприятия, организовывались выставки в Бородинском музее, его филиале — «Кутузовской избе» в Филях и др.

* * *

Подготовка празднования 150-летия Отечественной войны 1812 г., в отличие от юбилея-предшественника 50-летней давности, проходила не за более чем десятилетие, а в короткие сроки (2–3 месяца). Важную роль в продвижении идеи празднования юбилея и закладке фундамента подготовки в течение нескольких предыдущих лет сыграли как Министерство культуры СССР, так и военные круги.

Еще 12 февраля 1961 г. видные военные деятели, а также «ряд писателей и художников», предлагая министру культуры СССР Е. А. Фурцевой экранизировать роман Л. Н. Толстого «Война и мир», писали о предстоящем 150-летию Бородинского сражения. Министерство культуры одобрило предъюбилейную инициативу. Согласился со съемками фильма и ЦК КПСС⁵⁶⁶ (см. подробнее о фильме в § 3 настоящей главы).

Маршал К. Е. Ворошилов сыграл активную роль в выборе места для строительства здания Музея-панорамы «Бородинская битва» к юбилею (см. § 5 настоящей главы).

12 февраля 1962 г. в ЦК КПСС поступает записка от двух человек: академика-секретаря Отделения истории АН СССР, заведующего кафедрой Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС, главного редактора таких изданий как «Всемирная история» и «Советская историческая энциклопедия», доктора исторических наук, профессора Евгения Михайловича Жукова (кстати, научного руководителя в будущем известного партийного деятеля, «архитектора перестройки» А. Н. Яковлева, уже работавшего в те годы в агитпропе ЦК) и генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза, участника Великой Отечественной войны Григория Андреевича Белова. Совместное обращение историка и военного деятеля сразу определяло «военно-исторический» характер лоббирования празднования юбилея. Кроме идеологических положений (см. § 2 настоящей главы), они приложили «План мероприятий по проведению юбилея Отечественной войны 1812 года», в котором особенно заметно подробно

была расписана важная для историка издательская деятельность к юбилею. В данный план вошли как готовящиеся, так и предлагаемые к изданию научные и научно-популярные книги и брошюры (монография и брошюра «Отечественная война 1812 года», сборник статей «150 лет Отечественной войны 1812 года»), сборники документов «Народное ополчение 1812 года», «Бородино», «Внешняя политика России», том VI (1811–1812 гг.) – труды Института истории АН СССР, Общества по распространению научных политических и научных знаний и Министерства иностранных дел СССР⁵⁶⁷. Позднее в разработанное в ЦК КПСС постановление (см. ниже) на основе документа с названием «Справка о состоянии подготовленности предполагаемых мероприятий по юбилею Отечественной войны 1812 г. и некоторые конкретные предложения по их реализации» войдут мероприятия, указанные в данном письме: по печати, по радиопередачам, по документальной выставке (иногда измененного характера: уже не выставка «Панорама Рубо»⁵⁶⁸, как предполагали авторы письма, а открытие музея-панорамы).

* * *

В дореволюционной практике главные торжества 100-летия Отечественной войны происходили 25–26 августа 1912 г. и были приурочены к дате Бородинского сражения (по старому стилю). В записке в ЦК КПСС фактических инициаторов празднования — историков Е. М. Жукова и военного деятеля Г. А. Белова — предлагалось «провести торжественное заседание, посвященное 150-летию Отечественной войны 1812 г. в сентябре 1962 г.»⁵⁶⁹. На основании Постановления Президиума ЦК «О праздновании 150-летия Отечественной войны 1812 г.» от 1 июня 1962 г. предполагалось провести главные юбилейные торжества 7 сентября (в день Бородинского сражения по новому стилю)⁵⁷⁰, были приняты соответствующие одноименные постановления региональными партийными комитетами. (Так, в 15 августа Московский горком распоряжался провести «7 сентября, в день Бородинского сражения... собрание в Кремлевском дворце съездов».)⁵⁷¹ Однако на основании предложения заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС В. Снастина и заместителя заведующего отдела

административных органов ЦК Н. Савинкина от 25 августа 1962 г., по представлению Секретариата ЦК, Президиум ЦК КПСС, голосованием Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, Ф. Р. Козлова, А. Н. Косыгина и Н. В. Подгорного 28 августа⁵⁷², принял 29 августа без вынесения на само заседание Президиума (фраза «внести на Президиум» в Постановлении ЦК зачеркнута⁵⁷³) следующее решение: «во изменение постановления ЦК КПСС от 1 июня 1962 г... перенести проведение мероприятий в связи с юбилеем Отечественной войны с 7 сентября на 18 октября 1962 г.»⁵⁷⁴ — «дату начала изгнания войск Наполеона из Москвы»⁵⁷⁵.

Если обратиться к освещению торжеств в СМИ, в них отсутствовало широкое разъяснение новой хронологической связи юбилейных торжеств к этой дате. Об этой связи упомянул лишь в докладе на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов «Великий подвиг народа» историк Владимир Михайлович Хвостов: «18 октября, ровно 150 лет тому назад, русская армия нанесла под Тарутиным... удар по авангарду Мюрата... наполеоновская армия покинула Москву»⁵⁷⁶. Несмотря на перенос главных торжеств, 7 сентября также не было обойдено вниманием: в СМИ вышли материалы, посвященные 150-летию Бородинской битвы.

Любопытным является тот факт, что Министерство культуры СССР, по записке Е. А. Фурцевой от 18 июля 1962 г., получив поддержку в отделе культуры ЦК КПСС, просило перенести место торжественного собрания из Кремлевского дворца съездов в Большой театр «в связи с необходимостью завершения строительно-монтажных работ в Кремлевском дворце съездов [т. е. в нынешнем Государственном Кремлевском дворце. — *Прим. авт.*] для приемки здания комиссией»⁵⁶⁶. Однако после не вполне ясной формулировки от 17 августа: «На заседании Президиума ЦК КПСС дано согласие на проведение указанного мероприятия. Без записи в протокол. Министерству культуры сообщено»⁵⁷⁷, так и не было перенесено место проведения данного мероприятия. (Заявленная Фурцевой и поддержанная в отделе культуры ЦК аргументация не фигурировала в обосновании переноса главных торжеств с 7 сентября на 18 октября 1962 г.) И также заметим, что в Кремлевском театре, располагавшемся в Кремлевском Дворце съездов, 7 сентября проходило мероприя-

тие: концерт артистов Монгольской Народной Республики⁵⁷⁸, т. е. строительные работы были, видимо, завершены, и зал мог бы принять в этот день и участников торжественного собрания.

Обратимся к материалам Президиума ЦК от 20 августа 1962 г., в которых речь идет о торжественном собрании в честь юбилея войны 1812 г. (в беловом экземпляре протокол, подписанный Н. С. Хрущёвым, датирован 23 августа⁵⁷⁹). На заседании, на котором присутствовали члены Президиума ЦК Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. И. Микоян и секретарь ЦК КПСС А. Н. Шелепин, председательствовал член Президиума и секретарь ЦК Ф. Р. Козлов⁵⁷³. В черновых протокольных записях рассматриваемого заседания есть интересная запись, возможно, проливающая свет на причину переноса торжеств: «Заседание по [Отеч]войне» [так в тексте. — *Прим. авт.*]. Козлов. Хрущёв. Перенести, когда все съедутся»⁵⁸⁰. («Постановление подготовили и представили Ф. Р. Козлов, Н. С. Хрущёв. Вопрос был снят»⁵⁸¹.)

Перенос торжеств всесоюзного масштаба был связан, по нашему мнению, с тем, что в начале сентября еще продолжался сезон отпусков партийной номенклатуры, а также ее «сельскохозяйственных» поездок в связи с ответственностью по выполнению плана урожая для местных партийных руководителей. Сам Хрущёв по своей должности Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР также не мог отсутствовать в президиуме такого важного собрания, и он будет там. Он же был в те дни в отпуске. Приведем следующий фрагмент из написанной об отце книги Сергея Хрущёва «Реформатор. На закате власти»: «22 августа он, по возвращении в Ливадию, принимает делегацию бизнесменов из Японии. Утром 28 августа к отцу приезжает Вальтер Ульбрихт поторговаться о цене на советские рыболовецкие суда, строящиеся на верфях Восточной Германии. <...> Вечером того же дня отец принимает Генерального секретаря ООН У Тана. 30 августа 1962 года к отцу в Ливадию приезжают кубинцы Эрнесто Че Гевара и Эмилио Наварро, они утрясают последние детали установки советских ракет на Кубе. Распрощавшись с гостями, отец и сам засобиравшись из Крыма в Абхазию, в резиденцию на мысе Пицунда. Поехал он на машине, по пути останавливался на полях, расспрашивал крестьян об урожае, уборка уже шла вовсю. Из Керчи отец перебрался паромом на Таманский полуостров. Проехал

по полям Кубани, естественно, с остановками, и 4 сентября прибыл в Пицунду. 7 сентября отец принимает американского поэта Роберта Фроста, они проводят вместе почти целый день, гуляют, беседуют, купаются в уже прохладном море, обедают. 11 сентября у отца гостит посол ФРГ Кроль, а 12 сентября — министр из Саудовской Аравии Ахмед Шукейри. „Отпуск“ заканчивается, отец улетает в Москву, где 17 сентября намечена встреча с вице-канцлером Австрии Бруно Питтерманом»⁵⁸².

С 29 сентября по 5 октября Хрущёв совершил «сельхозпоездку» по югу России и Средней Азии⁵⁸³. Исходя из вышесказанного, мы считаем, что это и имеется в виду под формулировкой «перенести, когда все съедутся», а вопрос сочли достаточным решить голосованием, не тратя время на заседании Президиума ЦК, поэтому он и был снят 20 августа 1962 г.

В свете вышесказанного утверждение историков Т. А. Сабуровой и Н. И. Родигиной об идеологическом характере привязки торжеств в 1962 г. не к дате Бородинского сражения, как в имперской России, а к дате «начала изгнания агрессора», «коренного перелома в войне», с целью конструирования параллели с Великой Отечественной войной, чтобы сделать «триумфальный военный нарратив более победоносным»,⁵⁸⁴ представляется нам интересной точкой зрения, но ее нельзя считать подтвержденной документально. Если бы присутствовала именно идеологическая мотивация данного решения, то в вышеупомянутой записке от 25 августа, один из авторов которой был идеологом, не просто присутствовала бы попытка исторической привязки новой даты (18 октября), а, безусловно, имелась бы характерная для документов того времени, пусть и краткая, «идеологическая» преамбула, разъясняющая для внутреннего пользования голосующим членам Президиума ЦК необходимость изменения даты.

Косвенным подтверждением конъюнктурно-организационной, а не идейной подоплеки выбора даты празднования 150-летия Отечественной войны 1812 г. 18 октября служит то, что в последующие годы (и особенно ярко, если говорить о советской эпохе, в 1987 г.) юбилей данной войны олицетворяло, прежде всего, Бородинское сражение и основные торжества проводились в «день Бородина», 7 сентября.

* * *

В год празднования 150-летия Отечественной войны (1962) так и не было создано Правительственного комитета по подготовке и проведению юбилея. Хотя уже в вышеупомянутом письме Е. М. Жукова и Г. А. Белова прозвучала идея создания Комитета с членством в нем представителей от Министерства обороны СССР, от Историко-дипломатического управления МИД СССР, от министерств культуры СССР и РСФСР, от Академии наук СССР, от Главного архивного управления при Совете Министров СССР, от Государственного комитета по радио и телевидению, от Моссовета, от Мособлисполкома, от Бородинского музея⁵⁸⁵.

В недрах отдела пропаганды и агитации ЦК по РСФСР и такого же отдела по союзным республикам, отдела административных органов и отдела науки, высших учебных заведений и школ к 12 мая 1962 г. было сформулировано предложение образовать Комитет из 18 человек с вакантным местом председателя, его заместителем предлагался член Бюро ЦК КПСС по РСФСР А. В. Романов, секретарем — доктор исторических наук, профессор П. А. Жилин (фактически главный «официальный» историк Отечественной войны 1812 г.), остальными членами — руководители тех государственных структур⁵⁸⁶, которые будут задействованы только в исполнении партийных решений (см. ниже). Показательным в том смысле, что проведение торжеств соотносили не только с территорией РСФСР, являлся и тот факт, что, помимо особого упоминания роли русского, украинского и белорусского народа в событиях 1812 г., в проекте состава Комитета фигурировали чиновники как от РСФСР, так и от УССР и БССР — председатели Советов министров этих республик — В. В. Щербицкий и Т. Я. Киселёв⁵⁸⁷. В том, что не был создан юбилейный Комитет, сказались стремление самого ЦК партии напрямую руководить подготовкой к юбилею и не такой масштабный объем работы подготовки к юбилею, прежде всего самих юбилейных торжеств (по сравнению с празднованиями 800-летия Москвы, 300-летия воссоединения Украины с Россией). Сыграло свою роль и отношение власти к юбилею: на него руководством страны не возлагались столь масштабные политические задачи, как на вышеуказанные юбилеи.

Составлять же профессиональный «исторический» и «культурный» по составу комитет было для власти обременительным (см. аргументацию в § 1 главы 1).

22 мая 1962 г. два проекта Постановления «О 150-летию Отечественной войны 1812 года» были приняты Секретариатом ЦК (секретари ЦК: П. Демичев, Л. Ильичёв, Ф. Козлов, О. Куусинен, Б. Пономарёв, М. Суслов, А. Шелепин), а 1 июня окончательный текст Постановления был утвержден в более полном варианте Президиумом ЦК⁵⁸⁸. Данное Постановление не только формулировало идеологическую концепцию торжеств (см. § 2 настоящей главы), но и определяло:

- во-первых, круг юбилейных мероприятий (главных — торжественное собрание трудящихся совместно с представителями Советской армии и Военно-Морского Флота в Кремлевском Дворце съездов (в первоначально разосланном членом Президиума ЦК 24 мая варианте постановления, но замененном 30 мая, предполагалось собрание трудящихся Москвы с представителями СА и ВМФ в Колонном зале Дома Союзов⁵⁸⁹), митинг на Бородинском поле, открытие панорамы «Бородинское сражение» и памятника М. И. Кутузову и героям Отечественной войны 1812 г.) и региональных мероприятий (в «республиканских, в крупных краевых и областных центрах, а также в городах, подвергшихся наполеоновскому нашествию», торжественные собрания трудящихся совместно с представителями воинских частей, а также «массовые народные гулянья»⁵⁹⁰; последний пункт — в утвержденном втором варианте постановления);
- формы популяризации юбилейного содержания (см. § 3 настоящей главы);
- увековечивание памяти юбилея (см. § 5 настоящей главы). Сам факт наличия двух вариантов Постановления показывал колебания партийного руководства относительно масштабов отмечания этой знаменательной даты из дореволюционной истории.

В Постановлении в качестве исполнителей фигурировали как партийные органы различных рангов, так и государственные ведомства: Министерство культуры СССР, Главное политическое управление Советской армии и Военно-Морского Флота, Главное

архивное управление при Совете Министров СССР, Историко-дипломатическое управление Министерства иностранных дел СССР, Государственный комитет по радиовещанию и телевидению, Академия наук СССР, Институт истории АН СССР, издательства «Соцэкгиз» и «Воениздат», Московский, Ленинградский, Киевский, Минский и Вильнюсский университеты, военные академии⁵⁹³.

Важно отметить, что Постановление от 1 июня 1962 г. вышло только от имени ЦК КПСС: не от имени Совета Министров СССР (как о 800-летию Москвы⁵⁹⁴) и не как совместное обращение от ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР (см. § 1 главы 1 — в случае с 300-летием воссоединения Украины с Россией). ЦК КПСС демонстрировал тем самым то, что не нуждался в «подпорках» со стороны госаппарата в своем «юбилейном» решении.

ЦК КПСС, в лицах «идеологических» секретарей ЦК М. А. Суслова, Л. Ф. Ильичёва и самого фаворита Хрущёва, возможного его преемника в руководстве партией, «второго секретаря ЦК» Ф. Р. Козлова, а также отделов пропаганды и агитации ЦК по РСФСР и по союзным республикам контролировали подготовку доклада директора Института истории АН СССР, члена-корреспондента АН СССР В. М. Хвостова на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов и вопросы, связанные с идеологическим содержанием юбилея. По решению Президиума ЦК КПСС докладчиком становился не партийный руководитель или идеолог, не военный деятель, а видный ученый-историк (хотя в прошлом и сотрудник аппарата ЦК). Тем самым подчеркивался в большей мере исторический, чем политический характер юбилея, придаваемый ему властями (Любопытный факт: что The Washington Post в своей заметке в контексте молчания Хрущёва по Карибскому кризису о праздничном заседании писала о том, что ожидалось, но не состоялось выступление самого Хрущёва, который выглядел скучающим. Однако о планах такого выступления не выявлено никаких документальных подтверждений)⁵⁹⁵.

Разработку главных юбилейных мероприятий брали на себя Министерство культуры СССР (во главе с отправленной туда из-за конфликта с Н. С. Хрущёвым с высот Президиума ЦК в 1960 г. Е. А. Фурцевой), и Московский горком (секретари МГК КПСС Н. Г. Егорычев, и В. В. Гришин) и, соответственно, Мосгорисполком (председатель Н. А. Дыгай) и Мособлисполком (председатель В. И. Конотоп).

В Постановлении бюро МГК от 5 сентября 1962 г. «О 150-летию Отечественной войны 1812 года» проведение юбилейных мероприятий возлагалось на Мосгорисполком, райкомы партии, а

также на местные партийные организации⁵⁹⁶. Но план и организация мероприятий согласовывались по партийной линии с ЦК КПСС. Так, в докладной записке В. В. Гришина в ЦК «О порядке открытия музея-панорамы „Бородинская битва“» предлагалось «пригласить от имени Исполкома Моссовета и Министерства культуры СССР представителей партийных, советских и общественных организаций, деятелей науки и культуры до 500 человек», а церемонию «транслировать по радио и телевидению»⁵⁹⁷.

ЦК КПСС, как видно из докладной записки от 9 октября первого секретаря МК КПСС Г. Абрамова, секретаря МГК Н. Егорычева, сотрудника отдела культуры ЦК Д. Поликарпова и заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам В. Снастина, вносились предложения о порядке проведения уже утвержденных решениями ЦК «массового митинга трудящихся на Бородинском поле, открытия панорамы „Бородинское сражение“, торжественного собрания трудящихся в Кремлевском Дворце съездов»⁵⁹⁸. Эти предложения касались следующих вопросов:

- времени начала мероприятий (в упомянутом выше порядке по мероприятиям: в 11, 16:30 и 18 часов);
- численности приглашенных (на митинг — 10–12 тыс. человек, в том числе до 3 тыс. представителей воинских частей);
- детализации мероприятий (после митинга на Бородинском поле предлагались возложение венков и цветов у памятников Отечественной войны 1812 г. и Великой Отечественной войны, организация народного гулянья, концерта на открытом воздухе, программу которого рассмотрят «отдел науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР и МК КПСС», а после торжественного собрания в Кремле — концерт, подготовленный Министерством культуры СССР, с рассмотрением его программы в отделах культуры и пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам»⁵⁹⁹);
- регламента открытия мероприятий (митинг на Бородинском поле предлагали открыть председателю Мособлисполкома В. И. Конотопу; при открытии панорамы «с кратким вступительным словом следовало бы поручить выступить зам. председателя исполкома Моссовета т. Калашникову», а открыть панораму — министру культуры СССР т. Фурцевой»⁶⁰⁰; открыть

торжественное собрание трудящихся г. Москвы в Кремле с докладом В. М. Хвостова совместно с представителями Советской армии и Военно-Морского Флота» предлагали уже упомянутому Калашникову).

На данный план мероприятий было получено согласие «идеологического» секретаря ЦК КПСС Л. Ильичёва⁶⁰¹.

Рассматривая утвержденный план, важно отметить, что одно из главных мероприятий дня торжеств — открытие Бородинской панорамы вопреки первоначальной установке о его проведении «с участием руководителей Коммунистической партии и Советского правительства»⁶⁰² (вместе с открытием памятника М. И. Кутузову, отмена которого рассмотрена в § 5 настоящей главы) фактически было «дано на откуп» министру культуры Е. А. Фурцевой, которая и перерезала алую ленту у входа в здание нового музея⁶⁰³.

Сами члены Президиума ЦК (что видно из материалов заседаний) ближайшие месяцы и дни перед празднованием юбилея были заняты, помимо текущих хозяйственных вопросов (например, о натуральном каучуке, о развитии производства шин), подготовкой Пленума ЦК, такими важнейшими делами, как урегулирование кризисов в международных отношениях: Карибского — СССР с США (вопросы по ситуации на Кубе присутствовали в повестке дня Президиума ЦК в день главных юбилейных торжеств — 18 октября 1962 г.⁶⁰⁴), а также индо-китайского пограничного конфликта⁶⁰⁵. При этом в организационном процессе подготовки торжеств была налицо тенденция усиления власти партаппарата ЦК КПСС.

* * *

Говоря об организации и проведении главных торжеств, имевших повод военного события из прошлого, важно также отметить, что в них значительную роль играло Министерство обороны СССР (во главе с маршалом Р. Я. Малиновским), курируемое отделом административных органов ЦК КПСС, которым заведовал очень влиятельный в те годы человек — генерал-майор Н. Р. Миронов.

В главных торжествах активно участвовали, кроме министра обороны СССР маршала Р. Я. Малиновского, маршалы К. К. Рокоссовский, К. Е. Ворошилов,

С. М. Будённый, И. Х. Баграмян, С. А. Красовский, Н. И. Крылов, П. А. Ротмистров, В. И. Чуйков, а также ряд генералов.

Разработанный еще к 8 августа 1962 г. «проект приказа министра обороны СССР, посвященного 150-летию Отечественной войны 1812 года», как «вопрос Министерства обороны СССР и Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского флота» был утвержден на заседании Президиума ЦК от 14 октября 1962 г. (проект принят 9 октября секретарями ЦК Л. Ф. Ильичёвым, Ф. Р. Козловым, М. А. Сусловым и А. Н. Шелепиным по представлению заведующего отделом административных органов ЦК КПСС Н. Миронова и заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам В. Снастина)⁶⁰⁶.

Военные деятели во главе с Р. Я. Малиновским выступали на митинге на Бородинском поле; несколько маршалов, в т.ч. К. К. Рокоссовский, хотя и без министра обороны, участвовал в торжественном открытии Музея-панорамы «Бородинская битва», для церемонии был выделен почетный караул Московского военного округа. Так мы видим, что юбилейные мероприятия носили не просто культурно-исторический, но и военно-патриотический характер.

Празднование военно-исторического юбилея оказалось проведено в дни активной фазы Карибского кризиса (хотя сообщение о нем в советской прессе последует только 23 октября)⁶⁰⁷, что послужило усиливающим фактором возрастания патриотических настроений в обществе и особенно в Вооруженных Силах.

Однако излишней милитаризации юбилея советское руководство не допустило. Несмотря на то, что в документе «Справка о состоянии подготовленности предполагаемых мероприятий по юбилею Отечественной войны 1812 г. и некоторые конкретные предложения по их реализации» «представлялось целесообразным» на главном юбилейном мероприятии — торжественном заседании — выступление с докладом «Историческое значение Отечественной войны 1812 г.» «представителя Министерства обороны СССР»⁶⁰⁸, он был заменен в Постановлении ЦК от 1 июня 1962 г. историком дипломатии В. М. Хвостовым. Несмотря на напряженную международную обстановку, необходимо было продемонстрировать миролюбие СССР.

* * *

Вопрос об участии в формате официальных делегаций на торжествах Франции — страны, входящей во враждебный капиталистический блок, в НАТО, даже не поднимался. Тем более в СССР был воспринят как потенциальное покушение на систему социализма в Восточной Европе визит президента Франции Ш. де Голля в ФРГ в начале сентября 1962 г.: Президиум ЦК утвердил резкое заявление ТАСС по этому поводу⁶⁰⁹ (см. также § 3 настоящей главы). (Отметим тот факт, что в 1912 г. «в интересах поддержания наших сердечных отношений с Францией», союзником России по Антанте, французские делегации — официальная от Военного министерства и общественная от исторических обществ — принимали участие в юбилейных мероприятиях⁶¹⁰.)

Вместе с тем, 2 сентября 1962 г. поле Бородинской битвы посетили находившиеся на отдыхе в Советском Союзе генеральный секретарь Французской коммунистической партии Морис Торез и член ее Политбюро Жаннетта Вермерш. Они ознакомились с монументами российским полкам и памятником павшим воинам «Великой армии» на командном пункте Наполеона. В знак нерушимой дружбы народов двух стран гости из Франции посадили у здания Бородинского музея два серебристых тополя. В деревне Горки у памятника Кутузову гостей встречали руководители партийных и советских организаций Можайского района, а также колхозники сельскохозяйственной артели «Бородино». На Шевардинском редуте и батарее Раевского М. Тореза и Ж. Вермерш приветствовали многочисленные экскурсанты. В книге почетных посетителей музея Морис Торез сделал запись: «Волнующим было посещение поля Бородинского сражения, где так ярко проявился героизм русского народа и где была нанесена рана тому, который, не будучи уже Бонапартом, а лишь императором Наполеоном, больше не мог от нее оправиться. Единственный вывод, который можно сделать из этого посещения: пусть крепнет дружба между народами Франции и Советского Союза, пусть навсегда будет покончено с войнами! Морис Торез, Жаннетта Вермерш. Бородино, 2 сентября 1962 г.»⁶¹¹.

Необходимо отметить, что СССР предпринимал усилия по продолжению и улучшению качества советско-французского

общественного культурного диалога, несмотря на то что Ш. де Голль в 1961 г. приказал аннулировать приглашение Ю. А. Гагарина во Францию, а в период проведения советской выставки в Париже было запрещено распространение «обращения Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущёва к французским посетителям советской выставки»⁶¹². 1 июня 1962 г., в день рассмотренного нами «юбилейного» решения, Президиумом ЦК было принято приветствие Н. С. Хрущёва 10-му Национальному Конгрессу Общества «Франция-СССР» (Ницца, 9–11 июня 1962 г.). Причем в его окончательный текст была вставлена поправка секретаря ЦК О. В. Куусинена: в том месте, где шла речь о «благородной цели» Конгресса, был зачеркнут оборот «оздоровления и улучшения франко-советских отношений» и вписана вместо него более оптимистическая формулировка: «расширения и упрочения дружбы и взаимопонимания между советским и французским народами»⁶¹³. 9 июня 1962 г. приветствие было опубликовано в «Правде».

Таким образом, СССР подчеркивал принципиально иной вектор политики правительства Франции и антиимпериалистических сил, стремление опереться на «прогрессивную общественность» даже при непонимании между странами на правительственном уровне.

* * *

Организацию празднования рассматриваемого юбилея на местах можно проследить на примере Постановления ЦК КП Белоруссии «О 150-летию Отечественной войны 1812 года». Партийное руководство обязывало «обкомы, горкомы и райкомы КПБ, Республиканское общество по распространению политических и научных знаний провести в июне — октябре 1962 г. на предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях, учебных заведениях и воинских частях доклады, лекции и беседы об Отечественной войне 1812 года...»; провести в г. Минске в театре оперы и балета торжественное собрание трудящихся совместно с представителями Советской Армии и утвердить докладчиком академика АН БССР Горбунова Т. С.; провести в областных центрах и ряде городов «торжественные собрания трудящихся совместно с представителями

воинских частей»⁶¹⁴. Распоряжения отдавались органам печати, Государственному комитету Совета министров БССР по радиовещанию и телевидению, Академии наук БССР, Белорусскому государственному университету имени В.И. Ленина, Министерству культуры БССР по публикации статей в газетах и журналах, проведению радио- и телепередач, научной конференции, концертных и кинопрограмм, выставки документов и материалов, посвященных юбилею, соответственно⁶¹⁵.

Происходила и музейная подготовка к юбилею. Как свидетельствует, например, отчет о работе Малоярославецкого военно-исторического музея (Калужская область) для Научно-исследовательского института культуры Министерства культуры РСФСР за 1962 г., здание музея было реконструировано, расширена экспозиционная площадь (при этом по-прежнему ощущалась острая нехватка в подсобном помещении)⁶¹⁶.

* * *

Таким образом, в целом внутренний политический контекст не играл большой роли в организационном процессе празднования 150-летия Отечественной войны 1812 г.

Партийное руководство страны во главе с Хрущёвым, «подогнав» под свой режим дату празднования юбилея, не придавало ему особо большого внутриполитического значения по сравнению с другими рассматриваемыми в наших предыдущих книгах юбилеями, а также с 300-летием воссоединения Украины с Россией. При этом можно говорить о том, что подготовка юбилея оказалась фактически монополизирована возросшим в своем политическом значении партаппаратом ЦК КПСС, которому важна была военно-мобилизующая функция юбилейного содержания Отечественной войны 1812 г. в связи с внешнеполитическим контекстом: новым обострением холодной войны.

Вместе с тем, главными организаторами непосредственно юбилейных мероприятий стали представители Вооруженных Сил и госаппарата (прежде всего Министерства культуры СССР).

§ 2. Формирование юбилейной идеологической концепции в программных текстах

Первый по времени появления программный текст к юбилею — Постановление ЦК КПСС от 1 июня 1962 г. «О 150-летию Отечественной войны 1812 года». Однако уже авторы письма от 12 февраля 1962 г. в ЦК КПСС, историк Е. М. Жуков и генерал-лейтенант Г. А. Белов (см. § 1 настоящей главы), влияли на идеологическое оформление празднования юбилея. Они писали о западной империалистической политике, отразившейся в походах на Россию, от Наполеона до Гитлера, которую поддерживала «буржуазная историография», оправдывавшая «русский поход» Наполеона идеей защиты границ Франции, а его неудачу — «стечением обстоятельств и влиянием стихийных [слякоть, затем мороз в России — *Прим. авт.*] факторов»⁶¹⁷. Историк и генерал говорили в своем письме об «исторических уроках» и «политическом звучании» юбилея, связанных с «планом создания мировой империи под эгидой США» и провозглашением «необходимости похода на Восток»⁶¹⁸. Эти мысли, как и роль победы в 1812 г. для национально-освободительного движения в Европе против Наполеона (однако уже без неоднократных упоминаний, как в письме Е. Жукова и Г. Белова, именно «русского народа», а не «народов России»⁶¹⁹), будут так или иначе активно восприняты и в программном докладе В. М. Хвостова 18 октября 1962 г., и во всем политико-идеологическом содержании празднования юбилея.

Интересно, что идеологическая часть проекта Постановления ЦК от 1 июня 1962 г. была урезана до минимума: так, из нее был исключен текст с развернутыми оценками самой Отечественной войны 1812 г., об империалистической реакции XX в. (гитлеровской, определенных кругов в элитах США и Западной Германии), о возрастании мощи советского народа, социалистическом патриотизме и др.⁶²⁰ Эти фрагменты текста в своих основных формулировках «переключают» в доклад на торжественном собрании, а также в статьи газет и журналов. Такой характер редактирования текста постановления был связан с тем, что юбилей не входил в ряд приоритетов для собственно партийной пропаганды, когда необходимо было сроч-

но создавать развернутые программные тезисы, и Постановление о нем носило, прежде всего, организационный характер для чиновников (сам текст Постановления от 1 июня 1962 г. не был опубликован в печати).

В преамбуле Постановления говорилось о «бессмертной эпопее героической борьбы» народов России. Примечательно, что дважды настоятельно — после вышеуказанных слов и слов о «великом патриотическом подвиге» — дается перечисление «русского, украинского, белорусского и других народов»⁶²¹. Это свидетельствует о стремлении избежать упоминания о руководящей роли русского народа и в то же время стремлении сохранить некоторую «иерархичность» роли народов в истории с помощью выдвижения на первые позиции трех славянских народов. Сам «патриотический подвиг» именно в окончательном варианте текста постановления был «усилен» добавлением эпитета «великий», отсутствующего в первоначальном варианте текста⁶²², чтобы подчеркнуть значимость для советской власти и общества подвига 1812 г., его соразмерность великому подвигу в 1941–1945 гг.

Присутствовал и международный план в освещении войны 1812 г.: писалось, что она «показала всему миру, на какие великие подвиги способны народы нашей страны, отстаивая свою национальную свободу и независимость». Понятие «дух свободомыслия» народов России можно трактовать не только как «гнев и ненависть к чужеземным поработителям», но и как стремление внести в концепцию «внутренний» национально-освободительный аспект, связанный с зарождением движения декабристов.

Выделялись следующие аспекты идеологической концепции для проведения пропагандистской работы: «о героических традициях народов в их совместной борьбе против захватчиков, о дружбе народов СССР, о социалистическом патриотизме, об укреплении экономического, политического и военного могущества нашей Родины»⁶²³. Юбилей войны 1812 г. стремились актуализировать для идейной поддержки не просто традиционных тем пропаганды с целью сплочения народов СССР и связи времен, но и через появившуюся в окончательной редакции формулировку «об укреплении экономического, политического и военного могущества нашей великой Родины»⁶²⁴, необходимая для власти:

- во внутривластном плане (чего только стоили для подрыва авторитета власти одни события в Новочеркасске и беспорядки в ряде других городах в начале июня 1962 г.);
- во внешнеполитическом плане, на новом витке «разогрева» в ходе холодной войны.

Понятие «патриотизм» употреблено как «социалистический», а не как «советский». Надо заметить, что уже в первые послевоенные годы в партийной, педагогической и иной печати громко раздавались заметные (хотя и не преобладавшие) голоса, противящиеся полной аналогии между событиями Отечественной войны 1812 г. и Великой Отечественной войны 1941–1941 гг. и подразумевавшие то, что «подлинный патриотизм мог проявиться только в социалистической стране, где нет классовой разобщенности»⁶²⁵. В новых общественно-политических условиях такое определение соответствовало «Моральному кодексу строителя коммунизма» (1961), где в первом же пункте вместе были заявлены: «Преданность делу коммунизма, любовь к *социалистической* Родине [курсив мой. — *Прим. авт.*], к странам социализма»⁶²⁶. (Вспоминается, что Сталин в 1947 г. вычеркнул в проекте «Призывов» к 30-летию Великого Октября в призыве к учителям «Воспитывайте молодое поколение в духе беззаветной любви к советской Родине!» слово «советской», чем обозначил историческую преемственность понятия «Родина»⁶²⁷.) В начале 1960-х гг. патриотизм мыслился властью уже в неразрывной связи с социалистическим строем, коммунистической идеологией, а не Родиной как таковой.

* * *

Главным программным текстом рассматриваемого нами юбилея, безусловно, являлся доклад В. М. Хвостова на торжественном собрании 18 октября 1962 г. в Кремлевском Дворце съездов «Великий подвиг народа»⁶²⁸. Текст доклада к 9 октября был «переработан в отделе пропаганды и агитации по союзным республикам с участием автора», затем с ним накануне праздника по распоряжению набравшего вес фаворита Хрущёва председателя Идеологической комиссии, секретаря ЦК Л. Ф. Ильичёва был ознакомлен Секретариат ЦК КПСС, а «замечания тов. Ф. Р. Козлова»

передавались заведующему отделом пропаганды и агитации по союзным республикам В. И. Снастину⁶²⁹.

Перед тем как анализировать данный программный документ юбилея, необходимо рассмотреть политико-идеологический контекст, в котором появился текст доклада. С XXII съезда КПСС (17–31 октября 1961 г.) была вновь усилена борьба с культом личности Сталина. Причем порой она уже во время самого съезда приобретала экзальтированные (конечно, частично срежиссированные) проявления. Так, даже в опубликованный в печати стенографический отчет съезда вошли те, мягко говоря, странные слова, которые, поддерживая вынос тела Сталина из Мавзолея, произнесла в своем выступлении с трибуны делегатка съезда, член партии с почти шестидесятилетним стажем, лично знавшая Ленина, прошедшая без малого двадцать лет в сталинских лагерях и ссылках, 77-летняя Д. А. Лазуркина. Дора Абрамовна под гром аплодисментов заявила о том... что накануне советовалась во сне с Ильичом, который будто бы «стоял перед ней как живой» и говорил, что ему «неприятно лежать в гробу рядом со Сталиным, принесшим столько бед партии»⁶³⁰.

Влиятельный, имевший покровительство А. И. Микояна, так называемый «хрущевский зек», реабилитированный в 1956 г. после 17 лет заключения по обвинению в троцкизме старый большевик А. В. Снегов, в 1956–1960 гг. начальник Политического отдела ГУЛАГа МВД СССР, а затем заместитель главного редактора журнала для заключенных, издания Министерства внутренних дел РСФСР «К новой жизни»⁶³¹, встречаясь с делегатами XXII съезда, на котором он, как и на XX съезде, был гостем, высказывал свою тревогу о том, что «есть такие, которые берегут его [И. В. Сталина. — *Прим. авт.*] реноме как теоретика»⁶³². Сам он называл покойного вождя «шарлатаном» — в том числе и в «вопросах теории», т. к. «всю теорию он ставил на службу своим мелким, непартийным, антиленинским задачам и целям»⁶³³. После таких заключительных слов последовали «аплодисменты»⁶³⁴. На заседании Секретариата ЦК 26 марта 1962 г. Хрущёв, как записывает идеолог М. А. Суслов, высказывается о победе в Великой Отечественной войне: «Нельзя это приписывать Сталину. Народ. Партия. А не герой»⁶³⁵ [*подчеркнуто М. А. Сусловым. — Прим. авт.*]. (Такой подход, как мы увидим ниже, будет применен и к Отечественной войне

1812 г.) С одобрения лично Хрущёва, с его словами о Е. Евтушенко, что тот «говорит с принципиальных позиций», по пущенному им 12 октября «вкруговую» для голосования членов и кандидатов в члены Президиума ЦК письму поэта Евгения Евтушенко к вождю⁶³⁶, в газете ЦК КПСС «Правда» 21 октября 1962 г. было опубликовано его резкое антисталинское стихотворение «Наследники Сталина». В нем автор, обращаясь к правительству с просьбой «удвоить, утроить у этой стены караул, / чтоб Сталин не встал и со Сталиным — прошлое», нарисовал образ вождя, боявшегося своего честно трудившегося и воевавшего народа⁶³⁷. Также, считается, что именно 12 октября 1962 г. под давлением Хрущёва Президиум ЦК КПСС принимает решение о публикации в журнале «Новый мир» А. Твардовского рассказа Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (опубликован 18 ноября), в котором впервые была публично представлена в советской литературе лагерная тема⁶³⁸.

Еще в июле 1962 г., используя новую, «расширительную» в своем содержании по сравнению с XX съездом волну десталинизации, член КПСС с июня 1918 г., старший научный сотрудник Института истории Академии наук СССР, доктор исторических наук, профессор Сергей Митрофанович Дубровский, член КПСС с 1911 г., генерал-майор в отставке Сергей Иванович Петриковский (в тексте письма — Петровский) и член КПСС с 1919 г., инженер-полковник в отставке Иван Михайлович Данишевский пишут, как старые партийцы, «Первому секретарю Центрального Комитета КПСС, Председателю Совета министров СССР, товарищу Никите Сергеевичу Хрущёву»⁶³⁹ письмо. Адресат письма, как считают авторы цитируемой нами публикации документа, был надписан рукой С. М. Дубровского. Добавим от себя, что, возможно, и само письмо полностью составлено историком, учеником ортодоксального марксиста в исторической науке М. Н. Покровского. (Сам же Дубровский, отметим, был специалистом вовсе не по Отечественной войне 1812 г., а по аграрной истории и крестьянским движениям России). Присутствие среди авторов партийца с дооктябрьским партийным стажем С. И. Петриковского было важным, т. к. к письмам старых большевиков, как старой партийной гвардии, в годы десталинизации старались относиться в ЦК КПСС с подчеркнутым вниманием.

В данном письме авторы, прежде всего, обрушились с резкой критикой на М. И. Кутузова как полководца (используя как повод проект памятника ему работы Н. В. Томского, о чем см. в § 5 настоящей главы). Они использовали характерную для периода

«оттепели» апелляцию к «ленинским принципам», тем более что один из подписавших письмо — С. И. Петриковский — выполнял еще партийные задания самого Ленина до 1917 г. и активно вспоминал о вожде на радио и телевидении в 1950–60-е гг. В данном случае авторы обратились к декрету Совнаркома РСФСР от 12 апреля 1918 г. «О памятниках Республики» (декрету о «монументальной пропаганде», в том числе предусматривавшему снятие памятников «царям и их слугам»). Положения этого декрета, по мнению авторов письма, «грубо нарушались в период расцвета культа личности И. В. Сталина», и поэтому достоин жесткой критики проект памятника Кутузову в «крайне помпезном стиле»⁶⁴⁰.

Кутузов, исходя из положения декрета о «монументальной пропаганде» и в духе советской историографии 1920-х — начала 30-х гг., назывался в рассматриваемом письме «царским слугой», заявлялось, что он «принадлежал к реакционному крылу дворянства», был губернатором (авторы тут же замечают: «...а роль губернаторов при царском режиме хорошо известна»). Он обвинялся в том, что «сдал Москву со всеми удобствами», «после бегства Наполеона из Москвы... действовал далеко не энергично», а также в других ошибках⁶⁴¹. При этом поднятие на щит пропагандой образа Кутузова в период Великой Отечественной войны авторы интерпретировали, явно соглашаясь с хрущевской критикой Сталина на XX съезде за 1941 г., следующим образом: «Имя Кутузова казалось И. В. Сталину историческим оправданием этого отступления». Учли авторы и развернувшуюся при Хрущёве ожесточенную антирелигиозную кампанию. Они писали: «Показательно, что Л. Н. Толстой рассматривал Кутузова как полководца, надеявшегося в основном на „промысел божий“ — по-нашему, на самотек»⁶⁴². Такая яркая критика Кутузова была запоздалым ответом в русле десталинизации на фактически созданный культ Кутузова. Этот культ выражался в годы войны в причислении Кутузова к «великим предкам» в речи Сталина 7 ноября 1941 г., в пропагандистских материалах и произведениях искусства (см. о художественном фильме «Кутузов» в § 3 настоящей главы), учреждении в Красной армии ордена Кутузова (1943) и наконец в организации масштабного праздновании 200-летия со дня его рождения (1945). Сталин дал бескомпромиссную оценку полководца в опубликованном

в главном партийном журнале «Большевик» в 1947 г. в ответе полковнику Е. А. Разину при критике военной доктрины Клаузевица, споря с самим классиком марксизма: «Энгельс, конечно, ошибался, ибо Кутузов как полководец был, бесспорно, двумя головами выше Барклая-де-Толли»⁶⁴³.

Слова вождя стали руководством при оценке Кутузова для историков тех лет. В «дискуссии» в Институте истории АН СССР (1951) состоялось бичевание Е. В. Тарле со стороны Л. Г. Бескровного за то, что он «искажил и принизил образ великого русского полководца и не показал величия и глубины стратегии Кутузова»⁶⁴⁴. (Как известно, в упоминаемом выше письме Сталина она заключалась в том, что «наш гениальный полководец Кутузов... загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрастступления».⁶⁴⁵) Можно согласиться с мнением историка В. В. Лапина по поводу того, что образ Кутузова был важным для сталинского пантеона «великих предков» и после войны с Германией как «истинно русский человек» в антитезе с «немцами» (иностранцами с Запада), представителем которых был и М. Б. Барклай-де-Толли⁶⁴⁶.

Встав на ортодоксально классовые позиции, авторы анализируемого нами письма призывали подчеркивать в пропаганде юбилея «реакционность политики царизма в Европе после войны» и существование внутри России двух наций «угнетателей и угнетенных»: «царское правительство и крепостники разгромили наполеоновскую армию, чтобы укрепить реакцию и внутри страны и во всей Европе», но «была довольно сильная борьба крестьянства против помещиков-крепостников, а «среди тогдашних прогрессивных людей зрели предпосылки будущего восстания декабристов»⁶⁴⁷.

Авторы обращения к Хрущёву требовали, чтобы «150 годовщина [так в тексте. — *Прим. авт.*] разгрома наполеоновского нашествия в корне отличалась от 100-летия этой годовщины...», и поэтому «надо показать ленинскую оценку царской армии и ленинское отношение к царскому прошлому»⁶⁴⁸, т. е. негативное по отношению к деятелям «господствовавших классов». Авторы желали масштабной ревизии сформированных в сталинский период оценок прошлого: в письме досталось и А. В. Суворову за дела, связанные с

подавлением им пугачевщины и восстания Т. Костюшко, а также А. П. Ермолову за жестокость его экспедиций против горцев⁶⁴⁹. Здесь хочется вспомнить характеристику взглядов Дубровского, данную им его коллегой по Институту истории, видным историком, академиком М. В. Нечкиной в записях ее дневника за 1963 г.: «...тянет к Пролеткульту, к РАППу. Александр Невский, Минин и Пож[арский] — дворяне, [неразб.], Суворова за борт из-за Пугачёва...» [авторская орфография и пунктуация сохранены. — *Прим. авт.*]. В этих словах Нечкиной, которую волновало ослабление воспитания советского патриотизма при тенденции роста «нигилизма» по отношению к деятелям дореволюционного прошлого, идет речь о классовой ортодоксии во взглядах Дубровского, почему и упомянуты ликвидированные по указанию Сталина РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей 1925–1932 гг.) и Пролеткульт (Пролетарские культурно-просветительские организации при Наркомате просвещения в 1917–1932 гг.). За такую непримиримую позицию, выраженную по сути в кляузной записке в ЦК на коллег (Л. Г. Бескровного, М. Г. Брагина и др.), которых он называл «культистами» (приписывал им симпатию к «культу личности») и «антимарксистами», Дубровский сам подвергся «проработке» 18 января 1963 г. на совещании в отделе науки Московского горкома с участием директора Института истории АН СССР В. М. Хвостова, представителей парткома Института и ряда видных историков (кроме критикуемых им, Н. М. Дружинина, М. В. Нечкиной и др.) и тактически «отступил от ранее занятых позиций»⁶⁵⁰.

В рассматриваемом нами письме прозвучало предложение убрать с Советской (ныне Тверской) площади памятник Юрию Долгорукому как любителю «грабительских... походов» и «пьянок» и восстановить там разрушенный при Сталине памятник Свободе (первой Советской Конституции 1918 г.), но уже с текстами из программы построения коммунизма, принятой на XXII съезде КПСС⁶⁵¹.

Хрущёв испытывал большую симпатию к ортодоксально-революционной риторике 1920-х гг. Он даже признавал в своих мемуарах тот факт, что в «1923 году, когда учился на рабочем факультете [еще в Юзовке, нынешнем Донецке. — *Прим. авт.*], допускал колебания троцкистского характера», его «увлек тогда» Трофим Харечко, «довольно известный троцкист»⁶⁵². Не исключено, что именно поэтому Хрущёв обратил особое внимание (см. о нем ниже) на письмо, где среди авторов был С. М. Дубровский. Дело в том, что этот человек подвергался при Сталине, начиная с 1936 г., репрессиям как троцкист и был реабилитирован в 1954 г.⁶⁵³ Почти 15 лет сталинских лагерей по обвинению во вредительстве имел в своем прошлом и публицист И. М. Данишевский, бывший чекист и авиастроитель, реабилитированный в 1955 г.⁶⁵⁴ Думается, о лагерном прошлом в биографии авторов было непременно доложено первому лицу (если вообще появление такого рода письма с «удобными» для антисталинской политики авторами не было инспирировано

самим Хрущёвым или кем-то из идеологов в ЦК?). После того как «тов. Хрущёв Н. С. читал» письмо, он дал «указание» его «разослать членам Президиума ЦК, кандидатам в члены Президиума ЦК и секретарям ЦК 15.09.62»⁶⁵⁵. Тем самым Хрущёв дал не просто ход данному радикальному письму, а велел ознакомить с ним всю верхушку ЦК (что делалось только с документами важнейшего значения, по которым планировались решения Президиума ЦК!). Партийные идеологи М. А. Суслов, Л. Ф. Ильичёв (в автографе у его фамилии подписано «согласен»⁶⁵⁶) и П. Н. Демичев подтвердили в докладной записке от 4 октября 1962 г. тот факт, что «в период культа личности в области монументальной пропаганды складывалась неверная практика» и «вместо того, чтобы при сооружении памятников и обелисков, посвященных историческим событиям, прославлять героические подвиги народа, популяризировать решающую роль в борьбе за свободу и прогресс народных масс, нередко сооружались памятники <...> отдельным историческим личностям, при этом роль некоторых из них явно преувеличивалась и идеализировалась»⁶⁵⁷. В данной записке предлагалось (за две недели до санкционированного Постановлением ЦК от 1 июня 1962 г. открытия!) «отказаться от запроектированного ранее сооружения памятника М. Кутузову, поскольку неправильным является сам замысел олицетворять в его фигуре героизм русского народа и, кроме того, чрезмерно отвлеченно-парадной является трактовка образа полководца, данная в проекте памятника». Это предложение будет утверждено на заседании Президиума ЦК 12 октября 1962 г. под председательством самого Хрущёва. (См. подробнее о судьбе памятника М. И. Кутузову в § 5 настоящей главы.)

В согласии с пафосом рассмотренного выше письма в защиту «ленинских принципов... монументальной пропаганды»⁶⁵⁸ в записке секретарей ЦК от 4 октября 1962 г., а затем и в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 октября 1962 г. «О сооружении монумента в ознаменование победы народов нашей страны в Отечественной войне 1812 года и о восстановлении Монумента Свободы», относительно Монумента Свободы подчеркивалось, что это памятник «установленный при Ленине»⁶⁵⁹, тем самым идеологически «освящалось» решение о необходимости его восстановить.

Президиум ЦК своим решением от 12 октября 1962 г. (в этот же день, как считает цитируемый нами выше историк Л. В. Максименков, что были приняты и такие антисталинские решения, как напечатать евтушенковских «Наследников Сталина» и солженицынский «Один день Ивана Денисовича») распорядился восстановить стоявший на Советской площади в 1919–1941 гг. Монумент Свободы, убрав оттуда памятник Юрию Долгорукому. (Напомним, что памятник основателю Москвы был сооружен на основании Постановления Совета Министров СССР от 13 августа 1947 г., подписанного И. В. Сталиным, заложен в день масштабного празднования 800-летия Москвы 7 сентября 1947 г., был открыт 6 июня 1954 г.)

Рассматриваемое нами Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 октября 1962 г. показывало настроенность высшей партийно-государственной власти пойти на отход в идеологии от подчеркивания линии преемственности традиций в армии и внешней политике России дореволюционной и советской.

Заметим, что один из авторов записки от 4 октября 1962 г. — первый секретарь МГК КПСС П. Н. Демичев, ставший 31 октября 1961 г., в последний день XXII съезда КПСС, еще и секретарем ЦК, относился к десталинизаторскому крылу в партийном руководстве. Он активно продвигал и поддерживал в 1961 г. идею выноса И. В. Сталина из Мавзолея, заявив о его теле рядом с самим В. И. Лениным в своем выступлении на XXII съезде КПСС следующее: «Оставлять его там дальше было бы кощунством»⁶⁶⁰. И съезд КПСС принял резолюцию по поводу того, что является «нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В. И. Ленина»⁶⁶¹.

Итак, мы показали, что текст доклада историка В. М. Хвостова для выступления на торжественном собрании в честь 150-летия Отечественной войны 1812 г. создавался в дни и месяцы форсированного антисталинского идеолого-политического наступления по широкому фронту.

* * *

В концептуальном докладе В. М. Хвостова «Великий подвиг народа», как уже следовало из самого его названия (ср. сюжет в киножурнале «Новости дня» «Бессмертный подвиг народа»⁶⁶²), основное внимание уделялось роли народных масс в войне 1812 г.: прежде всего партизанским отрядам, создаваемым «по инициативе самих народных масс» (со ссылкой на цитаты о них «идейно близкого» исторического лица — декабриста И. Д. Якушкнина), а также народному ополчению. (Ведущая роль народа в войне в окончательном варианте доклада была усилена. В Секретариат ЦК был направлен текст со словами: «Весь народ всюду поднимался на священную Отечественную войну»⁶⁶³; затем данная фраза была переработана в следующем образом: «Весь народ, действительно весь народ, поднялся на священную Отечественную войну»⁶⁶⁴.) При этом подчеркивалось стремление масс, «многострадального крепостного крестьянина» к «скорейшему освобождению от крепостнического гнета». «Царское правительство» представлялось только в том свете, что оно боялось вооруженного народа⁶⁶⁵. М. И. Кутузов лишь один раз в докладе был назван «выдающимся полководцем». Несколько раз его имя озвучивалось первым в ряду «талантливых военачальников русской армии»⁶⁶⁶. Мощь народа, как заявляли в докладе, в полной мере раскрылась в советский период. Показательно то, что в посланном в Секретариат ЦК варианте доклада о советских людях подчеркнуты слова о том, что они «еще больше возмужали, окрепли, закалились и покрыли себя вечной славой»⁶⁶⁷, а уже в окончательной редакции место, показывающее качественное отличие советского народа от «дореволюционного», было усилено: «могучий советский народ» «еще больше закалился в борьбе с жестокими и сильными врагами, одержал блестящие победы, покрыл себя вечной славой»⁶⁶⁸. При этом в «родословную» народа, но именно «трудового [! — Прим. авт.] народа» («Мы не Иваны, не помнящие родства») вписывалась «родословная тех, кто сделал возможным весь последующий прогресс нашей страны, грудью отстояв ее независимость в борьбе против чужеземных захватчиков»⁶⁶⁹. Так и здесь при выстраивании героической преемственности была акцентированы, во-первых, роль масс, а не «великих

предков» (того же Кутузова и других военачальников), а во-вторых, классовый подход к прошлому.

В. М. Хвостовым особо отмечалась связь национально-освободительного характера войны 1812 г. и пробуждения «революционных сил» как в народе, так и в дворянстве (в движении декабристов) и даже актуальный в начале 1960-х гг. интернациональный аспект влияния данного события через «восхищение и гордость» всех, «кто ныне борется за свободу и независимость народов — в Азии, Африке, Латинской Америке, повсюду на нашей планете»⁶⁷⁰.

Ленинскими цитатами провозглашалась классовая сущность войны «как прямое продолжение политики господствующих классов» (притом, что Ленин ни строки не написал собственно о войне 1812 г.⁶⁷¹). Не был забыт классик марксизма Ф. Энгельс: в докладе звучали слова об «уничтожении великой наполеоновской армии при отступлении из Москвы» как о «сигнале ко всеобщему восстанию против французского владычества на Западе». Цитаты из Сталина, культ личности которого был осужден, отсутствовали. Вместе с тем завершался доклад фрагментом-здравицей «мудрому организатору и вдохновителю всех наших побед — Коммунистической партии и ее ленинскому Центральному Комитету во главе с Н. С. Хрущёвым», слова которого о печальной перспективе войны, а также — дважды — о мощи Вооруженных Сил СССР также цитировали⁶⁷². (Култ самого «разоблачителя» сталинского культа в начале 1960-х гг. уже набирал силу: так, в 1961 г. был снят панегирический документальный фильм «Наш Никита Сергеевич».)

Заметно, что в докладе в большей степени подчеркивается вклад «народов России», а не, прежде всего, русского народа (как обычно было в сталинскую эпоху и, например, в «Тезисах» к 300-летию воссоединения Украины с Россией, где формулировка «русский народ» встречалась 29 раз!⁶⁷³). В рассматриваемом нами докладе «русский народ» упоминался только три раза⁶⁷⁴. Об употреблении в таком выступлении формулировки «великий русский народ» (напомним, встречалась шесть раз в «Тезисах» 1954 г.⁶⁷⁵) в годы усиления пропаганды пролетарского интернационализма уже, конечно, не было и речи.

Международная обстановка нового витка обострения холодной войны накануне Карибского кризиса (в докладе говорилось о

«военной истерии против свободолюбивого народа Кубы») позволила особо отметить докладчику, что «идеологи современного западного империализма» «гальванизируют» культ Наполеона, а также разоблачить миф «фальсификаторов истории» на Западе о «боящихся войн русских» вопреки той реальности, что «наш народ неизменно ломал хребет любому захватчику» (приводились «примеры походов Карла XII, Наполеона, интервентов 14 государств против молодой Советской республики в годы гражданской войны, наконец, фашистской Германии»)⁶⁷⁶. В этих словах, с одной стороны, звучал тезис о преемственности подвига народа в Отечественную войну 1812 г. (до революции ее называли Великой) и в Великую Отечественную войну, а, с другой стороны, было указано на милитаризм оси «Париж — Бонн». Образ Наполеона был выгоден Ш. де Голлю и как олицетворение великой Франции, и своей ролью «объединителя» Европы (ср.: идея Ш. де Голля о «Европе от Атлантики до Урала», см. подробнее в § 3 настоящей главы). Подчеркнем еще раз: к 100-летию Отечественной войны 1812 г. такую риторику в отношении Франции официально не могли себе позволить ввиду того, что Франция была союзницей России по Антанте.

Хотя в докладе и подчеркивалось, что «в канун 45-й годовщины Великого Октября» «все помыслы советских людей, их дела, направлены на то, чтобы добиться мира на земле, навсегда уничтожить войны»⁶⁷⁷, тему подвига 1812 г. планировали использовать как мобилизующую силу в возможном военном противостоянии империалистическому Западу. (См. подробнее об этом в § 3 настоящей главы.)

* * *

В целом партийные идеологи (сам Н. С. Хрущёв, как известно, слабо разбирался в идеологии и не любил ею заниматься) в идеологической концепции юбилея трансформировали сталинскую трактовку Отечественной войны 1812 г. в сторону усиления классовых, а также интернационалистских оценок и снижения внимания к роли русского народа в войне, но при этом не осуществили полный пересмотр патриотического характера трактовки.

Поэтому не случайна, как и вышеуказанная «проработка» в МК КПСС С. М. Дубровского, гневная реакция «сверху», когда в 1963 г. историком Н.А. Троицким, занимавшимся в то время вопросами революционного (!) движения в России второй половины XIX в., была подготовлена для журнала «Вопросы истории» большая (на 88 страниц) статья с пересмотром сложившихся в дворянской и советской историографии стереотипов в изучении войны 1812 г., где он вполне аргументированно критиковал явно предвзятую схему войны, идеализацию Кутузова, подтасовку с цифрами русских потерь при Бородино и в ходе военных действий, многие другие устаревшие тезисы «генералов от науки» П. А. Жилина, Л. Г. Бескровного. Редакция журнала испугалась статьи, которую автор переслал затем в Отделение истории АН СССР и в Идеологическую комиссию при ЦК КПСС. Вместо обсуждения и возможной дискуссии Троицкий получил отзыв, в котором все его суждения назывались «односторонними», «бездоказательными», хотя именно авторы отзыва <...> не утруждали себя доказательствами, ограничившись ритуальными ссылками на «классиков»⁶⁷⁸.

Радикальная трансформация взгляда на историю, надо полагать, в какой-то степени могла импонировать экспрессивному Хрущёву (подтверждение этому — его реакция, серьезные выводы и политические решения по «письму С.М. Дубровского»), однако грозила неприятием позиции власти со стороны большинства в обществе, воспитанном на сталинских оценках прошлого.

§ 3. Политико-идеологическое содержание юбилейных мероприятий

Уже Постановление ЦК КПСС от 1 июня 1962 г. «О 150-летию Отечественной войны 1812 года» определяло формы коммеморации, в том числе популяризации юбилейного содержания, начиная с июня 1962 г.: доклады, лекции и беседы на предприятиях, в колхозах и совхозах, учреждениях и воинских частях, серия статей в центральных газетах и журналах, радио- и телевизионные передачи, «посвященные бессмертному подвигу народов нашей страны в 1812 году», научная и массово-политическая литература (о подготовке и издании работ Л. Г. Бескровного «Отечественная война 1812 года», В. И. Бабкина «Народное ополчение в войне 1812 года» и Н. П. Мунькова «Кутузов-дипломат» уже 11 августа

1962 г. докладывали в ЦК КПСС⁶⁷⁹), а также юбилейные научные сессии, выставка русских и советских художников, концертные и кинопрограммы, выставка документов и материалов по войне 1812 г.⁶⁸⁰. Весь объем пропагандистской и популяризационной работы к 150-летию Отечественной войны 1812 г. проходил в достаточно сжатые сроки — фактически за два с половиной месяца до главных торжеств. Пропагандистская работа к юбилею в значительной степени была сосредоточена в учреждениях культуры, прежде всего в исторических музеях. Музейная пропаганда в какой-то мере восполняла недостаток внимания к юбилею других просветительских организаций. (Например, в обществе «Знание» еще в июне 1962 г. при обсуждении тематики лекций звучали реплики: «150 лет Отечественной войны 1812 года: Разве это актуальная тема?»⁶⁸¹) Поэтому, хотя здание Музея-панорамы «Бородинская битва» с полотном Ф. Рубо открылось только 18 октября, за несколько месяцев до этого его сотрудники вели популяризационную работу среди населения Киевского района Москвы. К юбилею заработала и новая, увеличенная вдвое (до 500 кв. м.) экспозиция Бородинского военно-исторического музея на основе коллекции, которую дополнили мемориальными предметами и документами из музеев и от частных лиц⁶⁸². Посещению Бородинского музея способствовала и работа туристической базы, существовавшей с 1939 г. на территории Спасо-Бородинского монастыря. В 1962 г. на ней отдохнули более двух тыс. человек⁶⁸³. Государственный исторический музей вел не только активную экскурсионную работу в своих стенах на масштабной юбилейной выставке, но и выступал организатором пропаганды к юбилею: проводил передвижные выставки для лекторов, докладчиков на предприятиях, в учреждениях, воинских частях. Выступления директора Малоярославецкого военно-исторического музея дважды «записывались на пленку ТАСС и передавались по Центральному радиовещанию из Москвы»⁶⁸⁴.

* * *

Переходя к анализу различных аспектов политико-идеологического содержания пропагандистской и популяризационной работы к 150-летию войны 1812 г., отметим: ведущее место

занимал вопрос о соотношении в войне роли народных масс и полководцев — и прежде всего М. И. Кутузова.

Напомним, что в июле 1962 г. (период начала подготовки к юбилею) появилось письмо к Н. С. Хрущёву с развернутой критикой Кутузова и призывом пересмотра Отечественной войны 1812 г. с точки зрения классовых оценок от С. М. Дубровского, И. М. Данишевского и С. И. Петриковского (см. подробнее о содержании данного письма и реакцию на него в ЦК в § 2 настоящей главы).

Позиция, заявленная в письме, была во многом созвучна официальной. Неслучайно печатный орган ЦК КПСС «Правда» напечатал концептуальную, на наш взгляд, статью о войне 1812 г. академика М. В. Нечкиной «"Вся Россия в поход пошла..."» (как историк отметила в своем дневнике, статья «пошла» в печать под таким названием, т. е., видимо, так была озаглавлена уже в редакции)⁶⁸⁵. Основной пафос данной статьи заключался в словах: «Крепостной крестьянин защищал не «царя батюшку»... помещики боролись «за сохранность старой крепостной России, мужики — за Россию, освобожденную и от Наполеона, и от помещичьего угнетения»⁶⁸⁶. Тем самым, как мы видим, война рассматривалась здесь преимущественно в ракурсе классовых оценок, а также как предпосылка зарождения движения декабристов. Возможно, в ней сама Нечкина, в 1920-е гг. в значительной степени находившаяся в молодости под влиянием научной школы «историка-марксиста» М. Н. Покровского (научная школа которого подверглась разгромной критике в 1930-е гг., а ее реабилитация началась после XX съезда КПСС 1956 г.), пыталась осуществить в определенном смысле идеологический реванш в духе исторических оценок периода 1920-х гг. (Заметим, сама Нечкина на разных этапах своего непростого пути ученого участвовала и в осуждении, и в реабилитации научной школы Покровского.) Однако мы не можем исключать влияние на акценты в конечном тексте статьи и конъюнктурной редакционной правки в самой «Правде». (См. подробнее о ситуации с написанием данной статьи в выдержках из дневника Нечкиной в § 4 настоящей главы.)

Нечкина в своих оценках не была одинока. Писатель Л. Н. Никитин отмечал, что в 1812 г. Родину защищали люди из народа, хотя она была «не столь к ним милостива», в сравнении с Великой

Отечественной войной, когда защищали «самый справедливый строй, свое счастливое будущее»⁶⁸⁷. В тексте радиопередачи «Пламя народного гнева» от 18 сентября 1962 г., говоря о партизанах двух Отечественных войн, подчеркивали, что в годы Великой Отечественной войны «снова, как в 1812 году, только еще с большим мужеством, в больших масштабах, народ встал на защиту Отечества»⁶⁸⁸. Тезис о революции 1917 г. как изменившей Россию и мир и тем самым повлиявшей на другой характер патриотизма в 1941–1945 гг., в год 150-летия Отечественной войны, как полагают в своей статье Т. А. Сабурова и Н. И. Родигина, «создавал основу подготовку к другому юбилею» — празднованию 45-летия Великого Октября⁶⁸⁹. Действительно, такая связка не так часто, но иногда присутствовала, например, в только что упомянутой радиопередаче в словах о народе: «разгромивший на своем веку всех поработителей», и «создавший за 45 лет свободной жизни новое, мощное социалистическое государство, покоривший и льды, и атом, пустыни и космос»⁶⁹⁰. Однако сделаем в связи с этим положением следующее уточнение. И в сталинские послевоенные годы, например, в таких изданиях, как журналы «Большевик», «Преподавание истории в школе», отмечалось, что нельзя полностью проводить аналогии между патриотизмом времен войны 1812 г. и Великой Отечественной войны и что подлинный патриотизм мог появиться только в социалистической стране, где нет классовой разобщенности⁶⁹¹. Вместе с тем, надо признать, что акцент на такое противопоставление «до 1917-го» и «после 1917-го» в связи с десталинизацией и возвратом «ленинских принципов» усилился.

Журнал «Агитатор» подчеркивал принципиальное политическое различие между 100-летием и 150-летием Отечественной войны 1812 г. Юбилей при царском режиме характеризовался так: «Торжества получились сугубо официальные, народ не принимал в них участие». Автор утверждал, что старцы-участники войны 1812 г., с которыми беседовал Николай II, были «ненастоящие»⁶⁹².

При оценке роли Кутузова в народной войне 1812 г. некоторые военные авторы критиковали возвеличивание Кутузова Сталиным, созданный вождем культ полководца (особенно при праздновании его 200-летия со дня рождения в 1945 г.). В связи с этим, как указывали историки, происходило «принижение народных

масс»⁶⁹³. Особо отмечалась, в том числе П. А. Жилиным в журнале «Вопросы истории», ошибочность (что, отметим, с научной точки зрения совершенно обоснованно!) утвердившейся в историографии с подачи Сталина к началу 1950-х гг. исторической оценки Тарутинского маневра как «хорошо подготовленного контрнаступления Кутузова»⁶⁹⁴ после сознательного использования им стратегии «активной обороны»⁶⁹⁵ (по аналогии с контрнаступлением под Москвой в Великой Отечественной войне). При этом пересмотр сталинской исторической оценки в журнале уровня «Вопросы истории» — и не кем-нибудь, а историком генералом П. А. Жилиным, автором книги «Контрнаступление Кутузова в 1812 году» 1950 г., удостоенной в 1952 г. Сталинской премии, переизданной с целью показа ведущей роли народных масс в истории под названием «Контрнаступление русской армии в 1812 г.» [мой курсив – *Прим. авт.*] — не мог избежать влияния изменившийся политико-идеологической конъюнктуры, т. е. активизировавшейся после XXII съезда КПСС (1961) с подачи Хрущёва десталинизации. Однако отход от данной концепции был не повсеместным: так, в тематико-экспозиционном плане создаваемого к юбилею Музея-панорамы «Бородинская битва» неоднократно можно встретить формулировки: «Ход контрнаступления русской армии»⁶⁹⁶.

Отражением борьбы с культом Кутузова можно считать не только статьи, пересматривавшие сталинские положения о Кутузове, но и факт вычеркивания цензором Главлита слов о качествах главнокомандующего в войне 1812 г. в передаче «Письма полководца» от 6 октября 1962 г.: «...ясный ум, мужество, военное искусство и твердая вера в силы русского народа спасли Родину от иноземных захватчиков»⁶⁹⁷.

Не всегда деятельность Кутузова показывалась во всем масштабе. Так, при обсуждении на редколлегии журнала «Коммунист» статьи специалиста по декабристам и общественному движению XIX в. М. В. Нечкиной (совместно с историком генералом П. А. Жилиным) «Бессмертная эпопея народного героизма. (К 150-летию Отечественной войны 1812 года)» Мелице Васильевне рекомендовали отметить, что Кутузов «не только командующий, но и политический деятель», который увидел в партизанском движении могучую силу. Рекомендовалось Нечкиной также писать и о заслугах других генералов (М. Б. Барклая-де-Толли, Н. Н. Раевского,

Д. С. Дохтурова)⁶⁹⁸, о которых она забыла, акцентируя свое внимание на роли народных масс в войне. (См. подробнее о реакции Нечкиной на замечания со стороны редколлегии «Коммуниста» в выдержках из ее дневника в § 4 настоящей главы.)

Вместе с тем в большинстве печатных материалов встречались очень высокие оценки М. И. Кутузова. Так, историк Л. Г. Бескровный писал о нем: «Великий фельдмаршал предстает перед нами как стратег высшего класса. Его военный гений превзошел мастерство Наполеона»⁶⁹¹. Высказывания Кутузова цитировались в главном печатном органе Министерства обороны СССР — газете «Красная звезда» — как «мысли патриота». Авторы старались соблюсти баланс между выделением фигуры М. И. Кутузова как «прославленного полководца» и другими военачальниками 1812 г., «воспитанниками суворовской школы»: П. И. Багратионом, А. П. Ермоловым, Н. Н. Раевским, Д. С. Дохтуровым. Кстати, на юбилейной марке Кутузов изображался вместе с П. И. Багратионом и М. Б. Барклай-де-Толли. В документальном фильме «Год 1812» (см. о нем ниже) были показаны портреты из Военной галереи Зимнего дворца, на которых представляли П. Багратион, Д. Дохтуров, Н. Раевский, А. Ермолов, а также М. Барклай-де-Толли (добавлен в первоначальную подборку по рекомендации ленинградского искусствоведа и историка А. В. Помарницкого)⁷⁰⁰.

В редакционной статье журнала «Календарь знаменательных дат» за сентябрь 1962 г., выпускаемом Государственной публичной исторической библиотекой, тон задавала распространенная в юбилейной пропаганде цитата В. И. Ленина: «Вся история освободительных войн показывает нам, что если... войны захватывали народные массы, что освобождение наступало быстро», и Л. Н. Толстого из романа «Война и мир» о «дубине народной войны». В статье на первое место выдвинуты «патриотизм русских воинов, их мужество и героизм». Интернациональное значение подвига «русского народа» заключалось в том, что его победа «расширила размах национально-освободительной войны народов Западной Европы, помогла им сбросить с себя наполеоновское владычество»⁷⁰¹. Однако вывод сделан о «непреодолимом стремлении» к «свободе и независимости» народных масс как главной движущей силе, противостоящей захватчикам. Авторы не стесняются писать именно о победе

русского народа. Это, возможно, связано с республиканским уровнем издания (РСФСР). При этом в данном материале, как и вообще в текстах к юбилею, не встречалось уже словосочетание «великий русский народ» (как еще в текстах, связанных с празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией). Из текстов партитур радиопередач отдела пропаганды Гостелерадио СССР цензорами Главлита вычеркивалось слово «Руси» (в словосочетании «решалась судьба Родины, Руси»), убиралось слово «русский» перед сочетанием «главнокомандующий Кутузов», слово «русского» (в словосочетании «русского народа») заменялось на «нашего»⁷⁰². Таким образом, в юбилейном нарративе почти не подчеркивалась выдающаяся руководящая роль русского народа в войне. Акцент переносился на равный вклад народов России в победу, что через демонстрацию примеров «интернационализма» в историческом прошлом соотносилось с заявлением Н. С. Хрущёва на XXII съезде КПСС по поводу того, что при социализме в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, — советский народ», среди общих черт которого было названо «общее мировоззрение — марксизм-ленинизм»⁷⁰³. Список литературы к статье начинался с сочинений В. И. Ленина. При этом отсутствовала статья И. В. Сталина (ответ на письмо полковника Е. А. Разина от 1947 г.) с его оценкой Кутузова, которую в связи с новой волной десталинизации с XXII съезда было уже не принято упоминать к юбилею. Среди книг классиков темы войны 1812 г. — историков Е. В. Тарле, Л. Г. Бескровного, П. А. Жилина, в том числе новые работы последних в 1962 г. (например, «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года» под редакцией Л. Г. Бескровного, статья П. А. Жилина «Некоторые вопросы изучения истории Отечественной войны 1812 года» и др.) — приводились и публикации, критикующие некоторые положения прежних исследований в историографии Отечественной войны 1812 г. (например, статья И. И. Ростунова «Народные массы России в Отечественной войне 1812 года»). Больше внимание уделялось истории партизанского движения (в том числе работа командира партизанского отряда Великой Отечественной войны П. П. Вершигоры «Военное творчество народных масс»)⁷⁰⁴. Образы партизан (Д. Давыдова, В. Кожинной) были запечатлены и на юбилейных марках. При этом стоит отметить, что о

Василисе Кожиной, реальная партизанская деятельность которой вызывала и вызывает сомнение ряда историков, в некоторых научных изданиях, например в статье А. Кочеткова «Партизанская война» в сборнике «1812 год. К столетию Отечественной войны», уже умалчивалось⁷⁰⁵.

В юбилейных монографиях А. Фадеева «Отечественная война 1812 года», И. Ростунова «На Старой Смоленской дороге», К. Кудряшова «Москва в 1812 году», В. Бабкина «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года», а также в одноименном сборнике документов под редакцией Л. Бескровного главной темой стал подвиг народа в войне. В то же время вышел в свет исторический роман Л. Раковского «Кутузов».

Радиопередачи отдела пропаганды Гостелерадио были посвящены в основном роли народа в войне («Партизанское движение 1812 года», «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.», «Пламя народного гнева» и др.⁷⁰⁶). В радиопередаче для детской и юношеской аудитории в духе борьбы с культом личности представлял образ скромного Кутузова, «который никогда не считал, что все заслуги принадлежат ему», и в ответ на восклицание: «Ура спасителю России!», говорил: «Не мне эта честь, а слава русскому солдату»⁷⁰⁷. (Как известно, примеры о том, как Сталин одергивал пытавшихся создать его культ, были характерны для начального периода борьбы с культом личности в 1953–1956 гг.)

В радиопередачах жестко противопоставляли «народного» Кутузова и царя Александра I, который «морщился», назначая не любимого им «старика» главнокомандующим⁷⁰⁸, а не заявлял спокойным голосом, как в фильме «Кутузов» 1943 г.: «Воля России — моя воля»⁷⁰⁹. В сценарии рассматриваемого нами ниже документального фильма «Год 1812» при показе портретов Александра I работы Д. Доу, С. Карделли отмечалось: «...для народа уже создавалась легенда о творце этой победы, императоре Александре Первом. Как далеки эти портреты, созданные придворными живописцами, от справедливо убийственных строк Пушкина об этом „герое“: „Под Австерлицем он бежал, в двенадцатом году дрожал“»⁷¹⁰. В радиопередаче «Пламя народного гнева» приводились слова Кутузова: «Можно без преувеличения сказать, что многие тысячи врагов истреблены крестьянами»⁷¹¹. Про царя же в радиопередаче «Пар-

тизанское движение 1812 года» заявлялось: «...в то время, когда... лилась кровь патриотов в последних боях с захватчиками, Александр I 23 ноября 1812 года издал указ об отобрании оружия у народа, оставив ему в „награду“ ярмо крепостного права»⁷¹². Тем самым в теме 1812 г. демонстрировалась антинародность самодержавия. Так, в тематико-экспозиционном плане Музея-панорамы «Бородинская битва» значился тезис: «...отрицательная роль в войне самодержавия и царя Александра, его приближенных и Правительства»⁷¹³. Деятельность царя по организации сопротивления агрессору замалчивалась. Так советская пропаганда противопоставляла свой подход дореволюционному имевшему месту возвеличиванию императора Александра I за победу.

В музейной популяризации более корректно, чем в печати и радиопропаганде, стремились совместить в тематике своих лекций и выставках роль полководцев и народных масс. Сотрудники Бородинской панорамы читали лекции на темы: «Героический подвиг русского народа в Отечественной войне 1812 года», «Отечественная война 1812 г. и партизанское движение Дениса Давыдова», «Василиса Кожина», «Михаил Илларионович Кутузов — выдающийся полководец — герой войны»⁷¹⁴. Состоялась большая выставка в Государственном историческом музее, на которой были представлены знамена, оружие, обмундирование русской армии, а также личные вещи М. Кутузова, Наполеона Бонапарта, Д. Давыдова и др. Как правило, в тематике лекций акцент делался на иллюстрацию роли в войне партизанских отрядов⁷¹⁵ В. Кожиной, Г. Курина и др. (См. о топонимическом увековечивании памяти партизан в § 5 настоящей главы.)

Сотрудники музеев выступали и на страницах печати. Так, Малоярославецкий военно-исторический музей разместил в 1962 г. статьи о событиях в г. Малоярославце на страницах «Военно-исторического журнала», журнала «Советский воин», в газете «Крылья Советов» (г. Комсомольск-на-Амуре), «Фрунзовец» (Туркестанский военный округ), «Днепропетровская правда» (г. Днепропетровск, ныне Днепр)⁷¹⁶.

В трактовке народного характера войны 1812 г. и образа Кутузова как народного полководца средствами пропаганды часто присутствовали обращения к роману «Война и мир» Л. Н. Толстого. Еще 12 февраля 1962 г. министр культуры СССР Е. А. Фурцева обратилась в ЦК КПСС с

просьбой принять решение о съемках фильма по роману «Война и мир» к грядущему 150-летию Бородинского сражения, ссылаясь на письмо к ней в 1961 г. видных военных деятелей, писателей и художников. Министр просила выделить средства на съемки и войска Министерства обороны для многочисленных батальных сцен⁷¹⁷. Настойчивую Фурцеву не остановила проектная стоимость картины «Война и мир» — 4 млн руб., т.е. в четыре раза дороже самого дорогого фильма, снятого к тому времени (не считая «бесплатной» шефской помощи Министерства обороны). Именно Фурцева в обход художественного совета киностудии «Мосфильм» дала добро режиссеру С. Бондарчуку и поручила ему и В. Соловьеву подготовить сценарий (над ним шла работа с 1961 г.), участвовала в подборе актеров на главные роли, в том числе предложила режиссеру на роль князя Андрея Болконского Вячеслава Тихонова после отказа Олега Стриженова⁷¹⁸. После актерских кинопроб весны-лета 1962 г. 7 сентября (символически, непосредственно в день Бородинского сражения) были начаты съемки этого знаменитого, получившего впоследствии «Оскар» фильма С. Ф. Бондарчука⁷¹⁹. Его четыре серии выйдут на экраны в 1965–1967 гг.

Образ М. И. Кутузова к юбилею был представлен в документальных и художественных фильмах. К юбилею киностудией «Моснаучфильм» был снят документальный фильм «Год 1812» (автор сценария Л. Белоусов, режиссер Ф. Блажевич). В своем заявлении на начало работы по созданию фильма на Московскую киностудию научно-популярных фильмов автор сценария писал: «В 1962 году исполняется 150 лет победы России над Наполеоном в Отечественной войне. События того времени нашли обширное и превосходное отражение в изобразительном искусстве»⁷²⁰. Рассказ о войне «от вторжения и до Березины» проходил на фоне изобразительного ряда картин и гравюр Верещагина, Мазыровского и др. За кадром звучали отрывки из произведений Пушкина и Толстого⁷²¹.

В кинотеатрах страны в 1962 г. показывался уже несколько подзабытый к тому времени художественный фильм «Кутузов» режиссера В. М. Петрова (1943)⁷²². Он был задуман еще в 1939 г. как картина на тему «Народная война 1812 года» с показом «высокого уровня патриотизма русского народа» и «огромного подъема крестьянского партизанского движения», где, «помимо народных фигур рядовых

солдат и партизан», также «могут быть выведены фигуры Дениса Давыдова, Кутузова, Багратиона»⁷²³. Фильм был снят по указанию Сталина уже в годы войны. В нем герой-полководец показан монументально, что было характерно для исторических кинокартин сталинского времени. Кутузов в этом фильме — тот, кто, как объяснял вождем председателю Комитета по делам кинематографии при Совете Народных Комиссаров СССР И. Г. Большакову, был не «набожным и плаксивым», а «спас Россию от поражения... не считался с царем и его окружением [при царском дворе «после Екатерины Второй сильное влияние имели немцы». — *Прим. авт.*], действовал на свой страх и риск», тот, кого «любили солдаты» и в кого «верил русский народ»⁷²⁴. На наш взгляд, верно замечает при разборе данного фильма историк В. В. Тихонов: «Героически представлен Багратион. Барклай де Толли [так в тексте. — *Прим. авт.*], в целом благородный (отказывается интриговать против Кутузова) неглупый военачальник, показан меланхолическим, чопорным и угрюмым. Главный его порок в том, что он не понимает русскую душу, оставаясь чужим для простых солдат»⁷²⁵. (См. оценки Сталиным М. Б. Барклай-де-Толли, данные в письме полковнику Е. А. Разину в § 2 настоящей главы.)

«Маршал идеологического фронта» А. А. Жданов, выступая 26 апреля 1946 г. на совещании в ЦК ВКП(б) по вопросам кино, подчеркивал, что неправильно думать будто бы «в агитации и пропаганде дали указание о том, что долой исторические фильмы»⁷²⁶. Более того, в 1952 г. «по указанию Правительства» начиналась работа по подготовке сценариев «ряда новых исторических и историко-биографических фильмов» для их производства в 1953 г., причем явно военно-патриотической направленности. Среди них, наряду с картинами со следующими названиями (в сталинской правке) — «Александр Невский — победитель тевтонских рыцарей», «Дмитрий Донской — победитель Золотой Орды», «Иван Грозный — собиратель России», «Петр Первый — преобразователь России»⁷²⁷, значился и новый фильм «Кутузов» (вариант названия — «Кутузов и Наполеон») ⁷²⁸. Его сценарий (сценарист А. Первенцев, режиссер М. Чиаурели) должен был быть подготовлен к апрелю 1953 г. ⁷²⁹ У запланированного фильма был заменен режиссер: им стал М. И. Ромм, «который был занят работой по окончанию картины об адмирале Ушакове» ⁷³⁰.

Сталин, согласился на поручение съемок фильма о войне 1812 г. Ромму, поставленному первоначально режиссером новой картины «Александр Невский». Вождь передал М. Ромму через министра кинематографии И. Г. Большакова следующие слова: «Если он знает русскую историю начиная с XVIII века, пусть ставит „Кутузова и Наполеона“»⁷³¹.

Исследователь данного вопроса М. М. Гершзон отмечает: «Упоминаний о работе над фильмом „Кутузов“ в документах начала 1953 года не содержится»⁷³². Смена приоритета «сверху» после смерти Сталина в тематике кинофильмов — с историко-биографических картин (а они составляли большинство в последние сталинские годы малокартинья!) на фильмы, посвященные современным темам, — повлияла на то, что работа над указанной выше серией фильмов была закрыта. ЦК КПСС в 1962 г. озаботилось «повновлением» «изъятых из действующего фильмофонда» фильма «Кутузов» (1943) в феврале 1953 г. (без решений ЦК или других документов по данному поводу)⁷³³. Президиум ЦК ориентировался на позицию, изложенную в докладной записке отдела культуры, а также отдела науки, школ и культуры по РСФСР ЦК КПСС. В данной записке за фильмом признавались хорошее освещение Отечественной войны 1812 г., битвы на Бородинском поле, разгрома наполеоновской армии (среди консультантов фильма в свое время был сам историк Е. Тарле), дух патриотизма, присутствие в актерском составе картины «выдающихся мастеров... кинематографа». В то же время в 1962 г. отмечалось, что «отдельные эпизоды несколько растянуты», а «в ряде кадров фильм излишне осовременен»⁷³⁴. Фильм, в котором события наполеоновского нашествия рассматривались сквозь призму еще незавершенной Великой Отечественной войны, не мог, по мнению ЦК, показываться в изначальном виде «с призывом Наполеона к новой войне»⁷³⁵ в стране-победительнице, и было решено его подредактировать. Исходя из вышесказанного, на основе решения Секретариата ЦК, 10 августа 1962 г. Президиум ЦК постановил «организовать в связи со 150-летием Отечественной войны 1812 года прокат на экранах страны» фильма «Кутузов» с «внесением необходимых правок»⁷³⁶.

150-летию юбилею войны Отечественной 1812 г. был снят фильм совсем иного плана — «Гусарская баллада» Э. А. Рязано-

ва по мотивам известной пьесы Гладкова «Давным-давно» (1940), премьера которой на сцене театра состоялась в годы войны. По нашему мнению, показательно, что к «серьезному» юбилею, 7 сентября 1962 г., был приурочен выпуск с премьерой в новом кинотеатре «Россия» на Пушкинской площади не исторического фильма, а героико-романтической комедии, водевиля на историческую тему, справедливо названного «значительным произведением советской кинематографии»⁷³⁷. (Юбилейный характер выпуска фильма был прямо указан в финальном кадре «Конец фильма»: на композиции из военной арматуры значились даты «1812» и «1962»⁷³⁸.)

Показателен был представленный в «Гусарской балладе» образ Кутузова. Прежде всего, заметим, что Кутузов в данном фильме — персонаж не главный (как Шурочка Азарова и Дмитрий Ржевский), а второстепенный, что было революционным для образов великих, «канонизированных» исторических деятелей в советском кино. Еще на первом художественном совете по фильму на киностудии «Мосфильм» 16 сентября 1961 г. режиссер Э. А. Рязанов признается в том, что возьмет на роль М. И. Кутузова комедийного актера И. В. Ильинского, т. к. в кино «будет Кутузов — человек, абсолютно бытовой и живой, а не полководец. Он не будет играть, что он — мудрый, народный, великий полководец»⁷³⁹, т. е. Кутузов, который, по меткому замечанию И. А. Пырьева, «не воюет»⁷⁴⁰. Трактовка Рязанова находила в своем подходе к образу Кутузова поддержку членов худсовета (но по кандидатуре актера — не сразу, т. к. там хвалили и кинопробы Льва Свердлина). На заседаниях худсовета отмечалось, что «тип хитрого, умного, почти с заспанными глазами... комедийно решенного... такой тип надо искать»⁷⁴¹. Про актера же Алексея Дикого, исполнявшего роль полководца в одноименном сталинском фильме, прозвучало, что, когда он «выходил, это был Сталин»⁷⁴². Новизной было и комедийное прочтение образов главных героев — участников войны: роль Шурочки Азаровой, игриво встречавшей зрителя в изображении художником Я. Манухиным на афише (под ней имеется герой войны 1812 г., кавалерист-девица Надежда Дурова), что было нехарактерно для эстетики советских фильмов на историческую тему. По настоянию Рязанова, главную роль сыграла юная дебютантка, еще учащаяся в ГИТИСе, Лариса Голубкина (предлагались и пробовались на эту роль известные актрисы: Л. Гурченко, С. Немоляева,

А. Фрейндлих, Ю. Борисова и др.), а гусарского поручика Дмитрия Ржевского — Юрий Яковлев (Рязанов же заявлял на худсовете, что «надо брать Юрского»⁷⁴³, на что режиссер Пырьев заявил, что такой актер для создания образа «национального героя Первой Отечественной войны — это даже немного оскорбление национальных чувств»⁷⁴⁴). Идеологически бдительные члены худсовета, конечно, напоминали режиссеру на обсуждении, что в фильме, посвященном Отечественной войне и приуроченном к ее юбилею, нужно представить «меньший процент „князьев“ и „графьев“» а показать прежде всего «рядовой народ», «простой воюющий народ», иначе «основной тезис... о народности всей этой войны может оказаться в опасности»⁷⁴⁵. Данное замечание было учтено режиссером путем увеличения количества персонажей — людей из народа — в фильме. (Как и в сценарии документального фильма «Год 1812», отмечалось, что «главному лицу в истории — народу... принадлежит эта победа, безвестным, но храбрым солдатам, безвестным, но непокоренным крестьянам и крестьянкам», героям партизанских отрядов, таким как Герасим Курин, Василиса Кожина.)⁷⁴⁶ Не случайно, что в заключительной сцене, в общей песне отряда русских героев, именно мужику Ивану, слуге Азаровых, ставшему партизаном (актер Н. Крючков), «доверено» исполнить идеологически важные слова: «Пройдут года, но вот из стари, / Минувших лет, минувших лет мелькнет одно, / Как наши деды воевали — / Давным-давно, давным-давно, давным-давно»⁷⁴⁷.

Новизна трактовки образа Кутузова в фильме вызвала гнев министра культуры Е. А. Фурцевой. Она заявляла режиссеру Рязанову, как он вспоминал, следующее: «Как вы смогли совершить такой просчет! Надо было додуматься — взять на роль Кутузова Игоря Ильинского! Вы же исказили, можно сказать, оклеветали великого русского полководца <...> В таком виде картину мы не выпустим»⁷⁴⁸. (Заметим, что в образе Кутузова в фильме оказалось тонко обыграно даже женолюбие полководца. Так, он вопрошает Шурочку Азарову: «Вы потащились в армию, конечно, / Чай, за любовником? / Не верю я в безгрешных. / Сам грешен». В другом эпизоде он тихим голосом отпускает реплику по отношению ко мнимому «корнету Азарову»: «А девкой был бы краше»⁷⁴⁹.) Министр требовала перед уже готовящейся на 7 сентября 1962 г. пре-

мьерой немедленно переснять все сцены с Кутузовым, не разрешая фильм к показу. Однако «Гусарскую балладу» посмотрел influential зять Хрущёва, главный редактор «Известий» А. И. Аджубей, и в приложении к газете вышла положительная рецензия на кинокартину (заметка Нателлы Лордкипанидзе), в которой отмечалась работа Ильинского над ролью Кутузова. Фурцева моментально сняла свои претензии⁷⁵⁰. А уже 19 октября в 1962 г. в статье самой «Правды» о фильме утверждалось то, что «зрители увидели Кутузова именно таким, каким хотели бы, каким сохранила его история, великая русская литература», т. е. человеком «высокого ума и великой простоты»⁷⁵¹. (См. реакцию зрителей на фильм § 4 настоящей главы.) И это было, конечно, не случайное заявление главной газеты СССР. В той же «Правде» 13 октября в статье родственницы знаменитого фельдмаршала Натальи Хитрово «Полководец и человек» М. И. Кутузов предстал едящим с солдатами из одного котелка, лично осматривающим лазареты с ранеными, волнующимся за каждого своего подчиненного и не забывающим и в военную годину о своей семье⁷⁵². Так Кутузов фактически по манере подачи становился едва ли не «самым человеческим человеком», гениальным «добрым дедушкой», как и Ленин в годы хрущевской «оттепели».

Таким образом, влияние смягчения рамок для искусства в «оттепель» давало возможность совершенно по-иному, не как в прошедшую сталинскую эпоху (а даже вопреки ей!), преподнести зрителю образ героев 1812 г. в художественном кинематографе. Вместе с тем в той же кинохронике М. И. Кутузов в сюжете о возложении венков в честь юбилея Отечественной войны к его могиле в Казанском соборе назван канонично, вполне в духе сталинских времен — «великим полководцем земли Русской»⁷⁵³.

Тема народного подвига в Отечественной войне 1812 г. отразилась в тексте приказа министра обороны СССР маршала Р. Я. Малиновского от 18 октября 1962 г. В нем подчеркивалось интернациональное содержание сопротивления захватчикам как борьбы «русского, украинского, белорусского и других народов нашей страны». В таком перечислении особо выделялась в войне роль трех славянских народов. В то же время, чтобы не акцентировать внимание на дореволюционной России, вместо слова «Россия»

употреблено сочетание «нашей страны». Слово «Россия» употреблялось в следующем контексте: «российские воины» и «в ознаменование великого патриотического подвига народов России»⁷⁵⁴. Последняя формулировка была более характерна для провозглашенного в 1961 г. курса построения коммунизма (а значит, стирания национальных различий) в отличие от употреблявшейся в сталинский период формулы — «подвиг русского народа».

В целом образ Кутузова как ведущий в трактовке победы в Отечественной войне 1812 г. был в данном юбилее отодвинут, и еще с большей силой, чем в сталинские годы (1940-е — начало 1950-х гг.), народ был назван главным ее творцом.

* * *

Особо следует выделить, что при освещении темы народной войны в текстах к юбилею присутствовала мысль о том, что народный дух позволил одержать победу в 1812 г. более отсталой крепостнической России даже над более прогрессивной в социально-экономическом отношении буржуазной Францией. Такая апелляция к духовным истокам победы ограничивалась только словами о патриотизме, что, конечно, было правильным, но не полным объяснением (и, прежде всего, относительно содержания того же патриотизма в 1812 г.).

Во время масштабной хрущевской антирелигиозной кампании (1958–1964), когда, например, общее число православных приходов в СССР к 1963 г. по сравнению с 1953 г. было сокращено более чем вдвое⁷⁵⁵, тема защиты православной веры в 1812 г., а также участия Церкви в войне была табуирована в юбилейном содержании. (На усиление борьбы с Церковью повлияло смещение 6 февраля 1960 г. с поста Председателя Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР Г. Г. Карпова, находившегося на нем с 1943 г. Он был обвинен в том, что, «...занимая защитнические позиции по отношению к церкви, совет вел линию не на борьбу с нарушениями духовенством законодательства о культах, а на ограждение церковных интересов»⁷⁵⁶.)

Сама Церковь до революции в день Рождества Христова (день публикации Манифеста императора Александра I «О принесе-

нии Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского» — 25 декабря 1812 г. — Рождество Христово по старому стилю) совершала по царскому повелению с 1814 г. благодарственные молебны и производила колокольный звон.

В новых для нее условиях церковь проигнорировала юбилей. 150-летие Отечественной войны 1812 г. не было никак отмечено и церковными публикациями, притом, что в сентябре 1947 г. (к 135-летию Бородинской битвы — к «некруглой» дате) в «Журнале Московской Патриархии» была напечатана статья протоиерея Николая Харью-зова «Не нам, не нам, а имени твоему») ⁷⁵⁷. В условиях господства в СССР материалистического и атеистического понимания исторического процесса, только в эмигрантских изданиях (таких как, например, «Юбилейный сборник, посвященный 150-летию Великой Отечественной войны. 1812–1962 гг.» в Каракасе ⁷⁵⁸) могли освещаться такие вопросы, как роль православия, православного мировоззрения русского человека — фактор победы над врагом, а также осмысливаться Отечественная война 1812 г. в ее духовном измерении.

* * *

Национальный и региональный аспекты войны 1812 г. нашли отражение в музейной работе.

В Государственном историческом музее в Риге (Латвийская ССР) открылась экспозиция, «посвященная борьбе латышских крестьян и ремесленников против наполеоновской армии»; в Чебоксарах (Чувашская АССР) — выставка об участии «чувашского народа в борьбе с наполеоновскими захватчиками» ⁷⁵⁹.

Мероприятия по популяризации исторического юбилея распространялись на различные регионы СССР. Так, в Ленинграде Государственный Эрмитаж подготовил несколько изданий к юбилею: альбом «Война 1812 года в художественных и исторических памятниках из собраний Эрмитажа» (вышел в 1963 г.), а также 24 очерка о портретах героев 1812 г. «Военная галерея в Зимнем дворце» ⁷⁶⁰. В Якутском музее работала выставка о личности декабриста Н. Бестужева — участника войны 1812 г. ⁷⁶¹ Материалы к 150-летию Бородинской битвы показывались и в форме передвижных

выставок по селам Харьковской области на Украине⁷⁶². В союзных республиках проходили научные сессии, приуроченные к юбилею (как в Минске в Академии наук БССР и Университете им. В. И. Ленина)⁷⁶³. Среди читаемых сотрудниками Малоярославецкого военно-исторического музея лекций значилась тема «Малоярославец в 1812 году»⁷⁶⁴.

Как пример отражения регионального аспекта народного подвига в войне 1812 г. на страницах печати, перечислим статьи в изданиях Поволжья: «Ополченцы из Гурьевки (к 150-летию Бородинского сражения)», Волжане в Отечественной войне 1812 года» в «Приволжской правде» от 17 октября 1962 г. и «Симбирцы под Дрезденом (1813–1815) в «Ульяновской правде» от 18 октября М. Сударева; «Ополченцы из Симбирска» в «Ульяновском комсомольце» за 12 октября 1962 г., «Симбирские ополченцы (К 150-летию Отечественной войны 1812 года)» в газете «За коммунистический труд» за 20 октября 1962 г., а также «Очерки истории Куйбышевской области — бывшей Самарской губернии» Б. Когана.

Таким образом, учреждения культуры, органы печати, используя опыт популяризационной работы прошлых исторических юбилеев, стремились охватить ей широкие массы и «приблизить» юбилей географически, а также тематически к регионам СССР.

Главные мероприятия также проходили по всему Советскому Союзу. Во многих городах — Киеве, Кишиневе, Ташкенте, Смоленске, Уфе, Риге, Душанбе, Ровно, Минске, Ашхабаде и др. — состоялись торжественные собрания и концерты⁷⁶⁵. В Ленинграде возложили цветы к могиле М. И. Кутузова. В селе Спас-Загор под Малоярославцем Калужской области был проведен митинг по случаю открытия памятника в честь подвига спас-загорских крестьян, снятый в телехронике⁷⁶⁶.

По приказу министра обороны провели салюты не только «в столице нашей Родины», «в столицах союзных республик», но также «в Ленинграде, Смоленске, Вязьме, Можайске, Наро-Фоминске, Малоярославце, Калуге и Борисове»⁷⁶⁷.

Можно сделать вывод, что власти стремились придать празднику всесоюзный масштаб, включив в него и союзные республики (народы большинства которых не участвовали в самой войне 1812 г.), и историческую топографию войны 1812 г., даже малые го-

рода, в которых, либо рядом с которыми состоялись ключевые сражения Отечественной войны. Все это происходило в контексте, когда на уровне ЦК КПСС, провозгласившего строительство коммунизма, говорилось о том, что «границы между союзными республиками теряют свое бывшее значение»⁷⁶⁸.

* * *

Важной темой в пропагандистской работе к юбилею была историческая преемственность побед армии и народов России над завоевателями.

Так, в тематико-экспозиционном плане Музея-панорамы «Бородинская битва» вторгшаяся в Россию армия характеризовалась бескомпромиссно как «армия грабителей и захватчиков»⁷⁶⁹. Справедливо аналитическое замечание Т. А. Сабуровой и Н. И. Родигиной, сделанное по поводу сообщения в «Правде» о выставке в стенах Государственного исторического музея: о том, что на ней создавался «явно приниженный образ врага» через личные вещи Наполеона — сани, в которых он ехал, убегая из России, его походную кухню, саблю, а также маршалский жезл Даву, потерянный в бою под Красным, и наоборот, показ распоряжений Кутузова дать бой и трофеев прославлял русскую армию⁷⁷⁰.

О роли России в разгроме Наполеона в печати, лекциях, на экскурсиях часто говорили, цитируя В. И. Ленина: «С 1812 г. начинается упадок военного могущества Наполеона I», и Ф. Энгельса: «Уничтожение великой наполеоновской армии при отступлении из Москвы послужило сигналом ко всеобщему восстанию против французского владычества на Западе»⁷⁷¹. (Пункт «Двенадцатый год в оценке классиков марксизма-ленинизма»⁷⁷² присутствовал и в тематико-экспозиционном плане Музея-панорамы «Бородинская битва».) О заграничном походе русской армии в статье М. В. Нечкиной в «Правде» говорилось, что «надо было оказать военную помощь народам западноевропейских стран в их национально-освободительной борьбе»⁷⁷³.

В материалах главного печатного органа Министерства обороны — газеты «Красная звезда», например, в статье полковника в запасе А. Пашкова, заявлялось, что Гитлер и немецкие

генералы изучали опыт похода Наполеона на Россию перед войной, но не учли его в должной мере, считая, что им принесет победу их лучшая техническая оснащенность⁷⁷⁴.

Журнал «Крокодил», публикуя русские карикатуры на Наполеона (1812), советовал всем, кому «мерещатся лавры мирового господства», не забывать истории⁷⁷⁵. К юбилею выпустили серию из 20 плакатов «Боевой карандаш»: на одном из них изобразили «восставших» из могил: гитлеровский немец говорил наполеоновскому французу, что фюрер, который «нам обещал победный блиц», «бит на русском поле», «как твой хвостун — Наполеон»⁷⁷⁶. Такие карикатуры продолжали традицию плакатов времен Великой Отечественной войны. Их суть хорошо передают слова: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет»⁷⁷⁷.

Стихотворение Л. Вышеславского «Таков судьбы закон», напечатанное в «Правде», завершалось словами, обращенными к тем, «кто о господстве помышляет»: «Неумолимо путь пересекает / Глубокой бороздой Бородино»⁷⁷⁸. Плакат Г. Ковенчука «Бородино 150 лет» с пушкой, развернутой назад (символ миролюбия!), но все же стреляющей (!), сопровождался еще более идейно заостренными стихами М. Романова:

Тем, кто войною бредит новой,
Урок истории суровой
Припомнить было б не грешно:
Мы победили в битве правой —
Как символ доблести и славы
В веках живет Бородино!

В киножурнале «Наш край» памятники Смоленска в честь подвигов 1812 г. и картины В. В. Верещагина о разгроме великой армии Наполеона демонстрировались под дикторский текст, где по отношению к агрессорам заявлялось: «Так было — так будет!»⁷⁷⁹

В пропаганде к юбилею делался отпор на историко-идеологическом фронте утверждениям «реакционных буржуазных историков», сводивших к зиме причину гибели армии Наполеона⁷⁸⁰. Так, при подготовке документального фильма «Год 1812» в заключении из Института истории АН СССР от 1 августа 1961 г. рекомендо-

валось «подчеркнуть, что не зима сыграла решающую роль в разгроме наполеоновских полчищ»⁷⁷³. А в стихах С. Кирсанова «Труба Наполеона» агрессорам разных эпох (Наполеон, германский император Вильгельм, Гитлер, «объектив на спутнике-шпионе») указывалось, что они бессильны увидеть «то чем сильна Россия / К родной земли любви»⁷⁸².

Таким образом, мы видим, что при подготовке пропагандистских материалов к юбилею учитывалась напряженная международная обстановка, связанная с влиянием фактора обострения холодной войны. Это выражалось в агрессивной политике США и блока НАТО в отношении СССР, Кубы, милитаризации ФРГ и Франции, формировании оси «Париж — Бонн» (президента Ш. де Голля и канцлера К. Аденауэра). В заявлении ТАСС, посвященном визиту президента Франции в ФРГ в начале сентября 1962 г., резко критиковались, как проявление военщины, слова министра иностранных дел Франции о том, что «германская угроза уступила место русской угрозе», а идея самого де Голля о Европе «от Атлантики до Урала» соотносились с установлением «нового порядка» Гитлера⁷⁸³, что было важно подчеркнуть советской стороне, памятуя о недавнем Берлинском кризисе лета-осени 1961 г., дававшем рецидивы и в 1962 г. Поэтому потенциальным агрессорам делалось грозное предостережение: несмотря на превосходство захватчиков, сила патриотизма у народа России всегда была способна принести победу.

Принимая в исследовательское внимание напряженный, чреватый войной, международный контекст того времени, совсем неудивительным представляется то, что в приказе министра обороны СССР от 18 октября 1962 г. содержалась мобилизующая в морально-психологическом отношении составляющая для Вооруженных Сил и народа: «Великие победы, одержанные нашей Родиной над многочисленными агрессорами, служат грозным предупреждением для всех любителей империалистических авантюр»⁷⁸⁴. Однако для широких масс наряду с положением о «несостоятельности стремлений современных империалистов... к мировому господству» напоминалось о миролюбивой деятельности «людей доброй воли», центром которой был СССР, проводящий Всемирную конференцию за разоружение и мир в Москве (1962)⁷⁸⁵.

Когда же речь шла о военных действиях, отвергались даже упоминания о возможности уступок противнику. Так, в ответ на рассуждения упоминаемой Нечкиной в статье для журнала «Коммунист» о том, что не захват территории... не глубокое вторжение противника... решает исход войны, а сохранение боеспособности армии», сделали замечание: «Это ни к чему сейчас. Лучше не отдавать... территорию»⁷⁸⁶. Трактовка Нечкиной, с одной стороны, выглядела в период нового обострения холодной войны в некотором роде морально демобилизующей, а, с другой стороны, могла поколебать устоявшуюся к началу 1960-х гг. негативную оценку начального периода Великой Отечественной войны, которую дал Хрущёв, винивший Сталина за отступление 1941 г.

Основой для заверения в неизбежности разгрома агрессора было подтверждение линии преемственности армии войны 1812 г. и Вооруженных Сил СССР как «достойных наследников боевой славы нашей страны»⁷⁸⁷. Для трансляции данных установок в Вооруженных Силах проводились различные мероприятия. Так, в Центральном доме Советской армии состоялось выступление историка П. А. Жилина и других научных сотрудников Исторического музея, «посвященное бессмертному подвигу... 1812 года»⁷⁸⁸. В Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева на конференции звучали специальные сообщения, связанные с профилем учебного заведения — «о полевых укреплениях в... войне 1812 года»⁷⁸⁹. Так руководство Вооруженных Сил стремилось использовать юбилей для воспитания военнослужащих на образцах героизма в прошлом.

В музеях также пытались осветить преемственность подвига по защите Отечества и памяти о нем. В обновленной экспозиции Бородинского военно-исторического музея впервые была разработана тема Великой Отечественной войны, а также новый раздел «Отечественная война 1812 года в памяти народной»⁷⁹⁰.

Тема проходящего красной нитью через всю историю подвига отразилась и в сценарии массовых театрализованных праздников, традиция которых, восходившая к первым годам советской власти, возрождалась в «оттепель». В августе 1962 г. был проведен праздник «Помнит вся Россия» на стадионе в Смоленске — городе, связанном с великими военными подвигами 1812 г. Название праздни-

ка, с элементами театрализации, в т.ч. с проехавшим на коне М.И. Кутузовым, отсылало к лермонтовским стихам из знаменитого «Бородино». В празднике участвовали 2,5 тыс. трудящихся и Смоленский гарнизон (исполнял роли солдат 1812 г.). В начале сентября в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького в Москве в сценах представления «Увенчанные славой» (режиссер-постановщик А. А. Рубб) о войне 1812 г. перед зрителями предстали М. И. Кутузов, солдаты двух Отечественных войн; на экране показывались кадры из художественных и документальных фильмов, звучала увертюра П. И. Чайковского «1812 год», старинные солдатские песни и «Священная война» (1941). Так проводилась героическая линия: от подвига народа в войне 1812 г. к подвигу в годы Великой Отечественной войны. Справедливо утверждение историков Т. А. Сабуровой и Н. И. Родигиной: «Понятие народа-победителя в войне 1812 г. соединялось с понятием народа-победителя в Великой Отечественной войне, что было особенно важно в условиях формирования и укрепления коллективной идентичности советского общества»⁷⁹¹.

Тема преемственности военного подвига красной нитью проходила через главные юбилейные мероприятия 18 октября 1962 г., которые транслировались не только по радио, но и по телевидению⁷⁹².

Связь двух Отечественных войн символизировало возложение цветов не только к памятнику на месте командного пункта М. И. Кутузова в деревне Горки, монументам, воздвигнутым в честь полков, дивизий, корпусов, отличившихся в Бородинском сражении, в том числе установленным к юбилею памятникам на могиле Багратиона — серой гранитной стеле и плите из черного полированного лабрадорита на гранитном основании, а также неизвестному герою Отечественной войны 1812 г. у северной Багратионовой флешки, но и к могилам советских воинов, отдавшим жизнь за Родину осенью 1941 г.

На митинге на Бородинском поле присутствовали руководители партийных и советских организаций Москвы и Московской области, Можайского района, члены ЦК КПСС, маршалы и генералы (см. подробнее о присутствии высших военных кругов на главных торжествах в § 1 настоящей главы), депутаты Верховных Советов СССР и РСФСР, писатели, художники, ученые. На поле собрались десятки тысяч рабочих и колхозников, студентов, школьников.

Большая сцена, сооруженная у батареи Раевского, была оформлена разноцветьем флагов и барельефом, исполненным по эскизу

художника А. А. Мыльникова. Здесь же поместили портреты руководителей Коммунистической партии и Советского правительства. В глубине сцены на шестиметровом панно возвышались изображения фигур российского солдата 1812 г. и советского воина, державших в руках меч, перевитый Георгиевской лентой, и попиравших треуголку наполеоновского воина и каску с фашистской свастикой. Они символизировали преемственность боевых традиций.

Митинг открыл председатель исполкома Московского областного совета депутатов, много сделавший в организации работ по благоустройству сел и деревень по пути от Можайска до Бородинского поля. В конце своего выступления он предложил почтить минутой молчания память героев двух Отечественных войн. Фрезеровщик Мытищинского машиностроительного завода Н. А. Январев заметил: «Мы, советские люди, умножаем воинскую славу трудовой...», а агроном сельхозартели «Бородино» (Козлова) подчеркнула: «Бородино — символ славы русского оружия, грозное напоминание тем, кто еще питает надежду пройти к нам дорогой Наполеона и Гитлера». Дважды Герой Советского Союза, генерал армии Д. Д. Лелюшенко, командовавший в 1941 г. 5-й армией, защищавший рубежи от Гжатска до Бородина и раненый на Бородинском поле, от лица всех защитников Москвы заявил: «Мы стояли насмерть. Советские воины выполнили свою клятву — врага к столице не пропустили. Они перешли в контрнаступление, и врагу под Москвой было нанесено решительное поражение». Председатель правления Союза писателей РСФСР Леонид Соболев говорил об уроках истории: «В своих уроках история беспощадна, и она настойчива в их повторении. На Россию шло в 1812 году двенадцать языков, шли четырнадцать держав на нашу страну в 1918 году. Половину европейской силы и экономики бросил гитлеровский фашизм в 1941 году на СССР. А итоги? Итоги те же: Бородино, Березина, Париж... Перекоп, Царицын, Владивосток... Волоколамское шоссе, Волжская битва [так в годы десталинизации, после 1961 г., официально называли Сталинградскую битву. — *Прим. авт.*], Берлин». Командующий войсками Московского военного округа маршал Советского Союза Н. И. Крылов в заключение подчеркнул связь боевых традиций двух поколений воинов: «Чтя память русских героев Отечественной войны 1812 года, их бессмертный пат-

риотический подвиг, советские воины отдают все силы и энергию безупречному служению социалистической Родине»⁷⁹³. (Заметим, что не только Бородинское поле как место памяти, но, например, и памятники Смоленска представляли связующим звеном подвига двух Отечественных войн: так, в кинохронике показывались следы от наполеоновских снарядов на стенах Смоленской стены и сразу же захоронения в ней юного героя-партизана Великой Отечественной войны — Героя Советского Союза В. Т. Куриленко.⁷⁹⁴) Участники митинга на Бородинском поле приняли текст письма Центральному комитету КПСС, Совету Министров СССР, в котором содержалось обещание не жалеть сил, труда и энергии для дальнейшего укрепления экономического и военного могущества нашей державы. Торжественно прозвучал Государственный гимн Советского Союза. После митинга состоялся большой концерт. На нем выступили оркестры Министерства обороны СССР, Военно-Морского флота, Московского гарнизона, военных академий. В торжествах приняли участие Русская республиканская хоровая капелла, ансамбли песни и пляски Московского военного округа и Северного флота. Прозвучали музыкальные произведения, прославляющие Родину и ее народ. В завершение была исполнена торжественная увертюра «1812 год»⁷⁹⁵.

Преемственность побед и достижений в мирное время страны подчеркивалась присутствием на всех главных юбилейных торжествах — церемониальной форме коммеморации (митинге на Бородинском поле, транслировавшихся по телевидению⁷⁹⁶ открытии Музея-панорамы «Бородинская битва», торжественном собрании в Кремлевском дворце съездов) новых героев: космонавтов Ю. А. Гагарина и только вернувшихся из космоса в августе 1962 г. А. Г. Николаева и П. Р. Поповича. В Книге почетных посетителей, после осмотревших музей еще 17 октября 1962 г. Президента Финляндии У. Кекконена со своей супругой (в рамках их визита в СССР, во время которого финский лидер проводил посредническую линию между Москвой и капиталистическим Западом), в сопровождении Е. А. Фурцевой, летчики-космонавты сделали запись: «В день 150-летия Отечественной войны 1812 года мы посетили музей и осмотрели очень интересную экспозицию, воскрешающую боевую славу русского оружия. Музей принесет громадную пользу для воспитания молодежи на героических подвигах нашего народа. Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Космонавты: Ю. Гагарин, А. Николаев, П. Попович»⁷⁹⁷. (Любопытно здесь заметить, что тема 1812 г. была близка первому космонавту Юрию Гагарину, уроженцу Смоленщины.

Так, его дочь Галина вспоминала: «По-своему важным для папы, думаю, было Бородинское поле. Пару раз я с ним там была вдвоем по дороге в Гжатск, ездили к бабушке — его маме. На поле папа был особенно задумчивым, грустным. Рассказывал мне о войне 1812 года и о кровавых событиях, связанных с Бородино. О нашей победе, о славе русского оружия, о доблести, храбрости и мужестве защитников Родины. Еще по дороге на Бородино пел мне песню „Скажи-ка, дядя, ведь не даром...“»⁷⁹⁸. Космонавт Алексей Леонов так свидетельствовал: «Тема войны 1812 года Гагарина очень интересовала. Когда я приходил к нему в гости, то он часто исполнял разные песни о той войне — о гренадерах, такие как „Гренадерам у трактира сено постелили“, „Как гром, грохочет женка“»⁷⁹⁹.)

Некоторые из выступавших на митинге на Бородинском поле отмечали славные победы и на трудовом фронте. Так, агроном сельхозартели «Бородино» Козлова заявляла: «Мы, труженики села, прилагаем все силы, чтобы поднять сельскохозяйственное производство и дать стране больше продуктов»⁸⁰⁰.

Торжества на Бородинском поле омрачила только ненастная погода.

На праздничном концерте в Кремлевском Дворце съездов, состоявшемся после собрания (см. § 2 настоящей главы) и транслировавшемся, как и торжественное заседание, по телевидению⁸⁰¹ звучали старинные солдатские песни («Донцы-молодцы» и др.), увертюра П. И. Чайковского «1812 год», исполненная оркестром в военной форме 1812 г. вместе с воинами в советской форме разных родов войск⁸⁰². Такая программа символизировала преемственность славы русской дореволюционной и Советской Армии.

* * *

Завершая наше рассмотрение различных черт политико-идеологического содержания празднования 150-летия Отечественной войны 1812 г., упомянем о пропаганде, направленной на детскую аудиторию. На основании анализа в статье Т. А. Сабуровой и Н. И. Родигиной мы можем видеть, что в таких изданиях, как журналы «Пионер», «Мурзилка», стремились, особенно через военно-патриотические рассказы С. Алексеева, создать «гале-

рею героев», представить образ любящего народ Кутузова, показать преемственность подвигов «отцов» и «детей»⁸⁰³, но не решались производить ревизию сталинского образа войны 1812 г., как это делалось во взрослых изданиях. На наш взгляд, это связано не только со сложностью для детей воспринять такие вопросы, как соотношение роли личности и народных масс, досоветского и советского патриотизма, но и с присутствием колебаний у самой власти, непоследовательным характером в десталинизации исторического сознания.

* * *

Проанализировав особенности политико-идеологического содержания историко-юбилейных мероприятий в честь 150-летия Отечественной войны 1812 г., отметим, что в различных формах коммеморации нашли отражение такие черты, которые были продиктованы смещением идеологических акцентов в эпоху «оттепели»: в борьбе с культом личности показать ведущую роль народных масс и уменьшить по сравнению со сталинским временем роль личности (прежде всего М.И. Кутузова), а также стремлениями идеологов не выделять ведущей роли «великого русского народа» и усилить классовый подход в оценке прошлого.

В то же время в юбилее были сохранено из сталинской эпохи патриотическое содержание и, прежде всего, ярко выразилась идея преемственности подвига армии и народа в деле защиты Отечества. Особенно важным для поднятия морального духа советского общества в условиях нового обострения холодной войны было прозвучавшее предостережение империалистическим авантюристам о неизбежной гибели их в случае агрессии против СССР.

§ 4. Общественные настроения по поводу празднования юбилея

В связи с тем, что 150-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. праздновался менее масштабно, чем другие рассматриваемые юбилеи, не составлялись «информации» об «откликах

трудящихся». Это свидетельствовало о меньшей политико-идеологической значимости юбилея для самой власти.

Из-за меньшего масштаба и яркости главных праздничных мероприятий 18 октября 1962 г. (по сравнению с тем же празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией) торжества не получили своего отражения и на страницах личных дневников.

* * *

Народный отклик на юбилей отразился на страницах Книги отзывов посетителей Музея-панорамы «Бородинская битва» в первые дни после его открытия (18 октября 1962 г.). В записях рабочих, колхозников, военнослужащих и представителей интеллигенции мы видим патриотические формулировки: «героический подвиг русского народа»; «славное величие воинской доблести и мужества героев Бородина»; «великие победы русского народа»; «величие эпохи и русского оружия». В отзывах Кутузов назван «гениальным полководцем русским гражданином»⁸⁰⁴. (Ср. с оттенками подачи образа Кутузова в пропаганде в § 3 настоящей главы.)

Знаменательно, что у части историков возникало опасение того, что, в связи с новыми партийными установками, роль личности М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г. подвергнется принижению. Так, 21 декабря 1962 г. в своем заключительном слове на Всесоюзном совещании по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, отвечая на записки из зала и прозвучавшие речи в прениях, один из главных партийных идеологов, яростный антисталинист, заведующий Международным отделом ЦК (отвечал за связи с компартиями стран капитализма и «третьего мира»), секретарь ЦК КПСС, академик АН СССР Б. Н. Пономарёв, заявлявший в начале совещания о необходимости искоренения последствий культа личности в исторической науке, успокоительно разъяснял: «Некоторые товарищи выражают опасение, будет ли правильно понято одно место в моем докладе, где говорится о соотношении роли исторических личностей и роли масс в истории. Думаю, что будет понято правильно. В докладе сказано, что при освещении истории, а значит, и истории Отечественной войны 1812 года, надо сочетать освещение вклада выдающихся людей в развитие событий (а поскольку речь идет о войне 1812 года, то прежде всего Кутузова,

который, несомненно, сыграл тогда огромнейшую роль) с величайшим всенародным подъемом и ролью народных масс России, которые (опять же, если говорить об Отечественной войне 1812 года) действительно грудью отстояли Родину от нашествия Наполеона Бонапарта. Такая точка зрения проведена и в докладе, посвященном 150-летию юбилею войны 1812 года. При правильном марксистско-ленинском освещении событий никаких такого рода проблем не возникнет»⁸⁰⁵.

Вернемся к анализу записей Книги отзывов Бородинской панорамы. Отзывы свидетельствовали об осознании преемственности в защите Родины и готовности отразить любую агрессию: «пусть знают ретивые захватчики капиталистических стран во главе с Америкой, президент Кеннеди, что их ждет такая же участь»; «русский народ <...> никто никогда не победит»; «если Родина потребует, мы всегда готовы повторить подвиг русской армии в Отечественной войне 1812 г. и нанести удар любому агрессору»⁸⁰⁶. «Правда» опубликовала слова приехавшего из Улан-Удэ И. Е. Тугутова, посетителя «Кутузовской избы» у здания Бородинской панорамы: «В „Кутузовской избе“ словно оживает великая эпопея Отечественной войны 1812 года. Хотелось бы, чтобы эти уроки истории покрепче запомнили реваншисты, вынашивающие планы новой войны»⁸⁰⁷. Люди писали о важности «воспитания советских граждан в духе советского патриотизма»⁸⁰⁸. Крайне любопытно, что такие оттенки настроений граждан оказались созвучны некоторым акцентам, сделанным в статьях «издания представительства российских эмигрантов в Венецуэле [сохранена орфография источника. — *Прим. авт.*]», рукописного сборника «Юбилейного сборника, посвященного 150-летию Великой Отечественной войны. 1812–1962 гг.»⁸⁰⁹. В этом самиздатовском печатном сборнике русской общины так же, как и советскими гражданами, воздавалось должное «великому вождю русского народа фельдмаршалу Михаилу Илларионовичу Кутузову» (из доклада генерала Е. В. Иванова на юбилейном вечере в Русском клубе Каракаса)⁸¹⁰, портрет которого красовался на обложке. В сборнике также подчеркивалось непонимание со стороны завоевателей и в 1812 г., и в 1941–1945 гг., и в другие времена безусловной готовности русского народа «драться за Россию, за землю своих предков». Однако в эмигрантском

издании из архивного фонда журналиста Н. А. Троицкого, капитана Русской освободительной армии генерала А. А. Власова, директора созданного в 1950 г. Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР, при всех «оттенках антикоммунистического разномыслия»⁸¹¹ авторы дружно обрушивались на пропаганду идей советского патриотизма, объясняя ее возникновение тем, что в войну «хитрый Сталин» и «коммунизм», «спасая свою шкуру», объявили «войну 1941–45 гг. „второй Отечественной“» и делали все «для поднятия патриотизма в массах»⁸¹². Тем самым игнорировалась реальность довоенной патриотической подготовки народа к войне. Как мы видим, сохранявшийся советский патриотизм (о нем писали, предостерегая в «Обращении к российским эмигрантам», как о «соблазне», о том, что он «не есть русский патриотизм»⁸¹³) представлял опасным для тех, кто желал разрушения самого СССР.

В некоторых отзывах посетителей музеев прослеживались серьезный интерес и знание истории войны 1812 г., стремление рассматривать исторический материал критически, без мифологизации. Так, в фонде Научно-ведомственного архива Государственного исторического музея в «Книге отзывов посетителей» еще от 16 января 1962 г. присутствует пространная запись посетителя, который указывал на ошибки в этикетаже на экспозиции: например, в том, что французская кирасирская каска названа «драгунской», а в подписи к литографии «Сражение при селе Бородино 26 августа (7 сентября). Атака кавалерии Мюрата на Семеновские флешы» почему-то усмотрено изображение наступающих русских пехотинцев, когда к такой трактовке «нет ни малейших оснований»⁸¹⁴. Большинство отзывов об экскурсиях о войне 1812 г., массово проводившихся в Историческом музее, принадлежат школьникам, которые, выражая интерес к рассказу о войне, писали о «героизме русских людей, о любви на-шего народа к своей славной Родине»⁸¹⁵.

* * *

Отдельный интерес с точки зрения общественных настроений в среде творческой интеллигенции представляют девизы заявок, поданных на конкурс монумента в честь 150-летия Отечественной войны 1812 г., для выставки

в Манеже (см. о судьбе памятника в § 5 настоящей главы). Интересны девизы: «Отечество», «1812», «Во имя Родины», «Русь», «Слава армии и народам России», «Синяя птица», «Куба» (политический и романтический, популярный в те годы образ), «13», «Утес», «Мудрость и сила», «Зеленый гусар» и др.⁸¹⁶ Из 47 поданных проектов 20 имели историко-патриотические названия, из них в 6 употреблялись слова «Русь», «Россия» (в том числе с повторами). 27 названий имели отвлеченные от историко-патриотической тематики, часто романтические названия. Среди творческой интеллигенции присутствовали усталость от политико-идеологической направленности социалистического реализма и стремление к самовыражению в отвлеченно-романтическом ключе. Это вполне соотносится с антиофициозными тенденциями, выраженными во многих отзывах художественной выставки еще к 40-летию Великого Октября (1957), о которой мы рассказывали в предыдущей книге⁸¹⁷.

* * *

Говоря о некоторых чертах общественных настроений, так или иначе связанных с юбилеем войны 1812 г., отметим также, что в фонде драматурга, автора пьесы «Давным-давно» и сценария комедии «Гусарская баллада» А. К. Гладкова отложились восторженные письма мужчины из Петрозаводска и ученицы 7 класса из белорусского города Полоцка. В них, несмотря на упоминание в первом письме о том, что «особенно мне нравится в Вашем сценарии то, что юмор сочетается с идейным содержанием»⁸¹⁸, и наличие благодарности за возможность увидеть события, которые происходили «150 назад», ранее известные «только по книгам», теперь уже в кино, основное внимание было сосредоточено на игре главных актеров — Юрия Яковлева и в особенности Ларисы Голубкиной. С ними с помощью Гладкова хотели установить переписку, школьница просила «адрес Ларисы», отмечая при этом, что сама она плачет и, «как возьмется что-нибудь делать, все из рук валится»⁸¹⁹. Зрители выделяли «очень разнообразную мимику лица»⁸²⁰ Голубкиной, то, как она пела песни «Светлана» и «Меня зовут юнцом безусым», ездила верхом (так, что семиклассница обещает Гладкову «летом учиться ездить на коне»⁸²¹). Яркая, с занимательным сюжетом комедия «Гусарская баллада» (а не парадно-монументальный фильм «Кутузов»

военных лет) стала для многих зрителей едва ли не первым понравившимся и запомнившимся художественным фильмом об Отечественной войне 1812 г. Сколь далеки друг от друга подчас были вкусы членов худсовета и зрителей, свидетельствует то, что сам Э. Рязанов только своей угрозой «снять... фамилию» с титров⁸²² отстоял от урезания как «сентиментальную» и не вяжущуюся с характером героини⁸²³ колыбельную «Светлана», так полюбившуюся потом многим зрителям.

Данные отклики на фильм приоткрывают «неполитические», личные отклики граждан на произведения искусства, появление которых было приурочено к важному историческому юбилею.

«Гусарская баллада» не только стала лидером проката за 1962 г., собрав 50 млн зрителей⁸²⁴, но и, пожалуй, самой любимой кинокартиной наших соотечественников из художественных фильмов об Отечественной войне 1812 г., оказавших влияние на интерес к данной эпохе. Так, президент Международной Военно-исторической Ассоциации, военный историк и реконструктор А. М. Валькович в одном из интервью вспоминал о том, что «девятилетним мальчиком в 1962 году осенью... увидел впервые <...> „Гусарскую балладу“. Вот эта атмосфера, красота мундира, непринужденность, все это детское восприятие еще увеличило. И вот в ту пору и зародилось, заронилось это первое зерно будущей любви» к эпохе войны 1812 г.⁸²⁵

* * *

Особняком можно поставить в настроениях по поводу юбилея «отчетную» запись в личном дневнике историка академика М. В. Нечкиной за 1962 г. (датирована 31 декабря). В ней настроение автора предстает очень опосредованно, через короткие замечания в связи с работой над юбилейными материалами. По поводу названия ее совместной с П. А. Жилиным статьи «Бессмертная эпопея народного героизма» для журнала «Коммунист» Нечкина восклицает: «Название не мое!» Она так оценивает прозвучавшую на заседании редколлегии журнала «кучу замечаний»: «Частью можно принять, частью вздор». Как далее указывает Нечкина, эти замечания они с Жилиным «приняли, что можно,

переработали кое-что». Статья же для «Правды» к юбилею войны 1812 г., о которой Нечкина «предупредила [редакцию газеты. — *Прим. авт.*], что... статья идет в „Коммунисте“, примерно на ту же тему», ей «почему-то... стоила... особых трудов»; ее историк «писала целую неделю»⁸²⁶. (См. подробнее об этих материалах в «Коммунисте» и в «Правде» в § 3 настоящей главы.) В этих словах знаменитого историка при внимательном их чтении чувствуется раздраженность и усталость человека науки от мелочного и зачастую малокомпетентного бюрократического надзора, постоянного требования для написанного тобой текста в рамках, можно сказать, «юбилейной повинности» ученого соответствовать всем конъюнктурным нюансам в идеологической линии партии.

* * *

Таким образом, можно сделать выводы, что преобладавшие общественные настроения в связи с рассматриваемым юбилеем в основном не были созвучны претерпевшему изменения политико-идеологическому контексту в части подчеркивания классовости и интернационализма при рассмотрении войны 1812 г. Люди не стремились к ортодоксально классовому пересмотру Отечественной войны в духе 1920-х гг. с демонтажем «культа личности» Кутузова. В широких народных массах, в отличие от части интеллигенции (и некоторой части ученых-историков, т. к. научно-историческое сообщество тоже оказалось расколотым) юбилей воспринимался без серьезных изменений — по-прежнему в координатах проекта памяти, заданных в сталинскую эпоху. Важно отметить, что в народе особо подчеркивалась роль в победе над Наполеоном именно русского народа.

В общественных настроениях находил горячий отклик транслируемый пропагандой тезис о готовности отражения Россией и СССР военных агрессий в прошлом и настоящем.

В то же время «оттепель» давала возможность порой выйти наружу и «неполитическим» мнениям и оценкам.

§ 5. Проблемы увековечивания памяти о юбилее

Процесс увековечивания 150-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. был долгим, и в его ходе пришлось столкнуться со многими проблемами.

* * *

Идея монумента М. И. Кутузову в Москве возникла еще до революции и имела сложную историю реализации. Памятник М. И. Кутузову, о котором впервые в Москве заговорили еще в год 100-летия войны 1812 г. (1912), запланировали Постановлением Совнаркома от 8 сентября 1945 г., когда с подачи Сталина в год Победы широко отмечалось 200-летие полководца Отечественной войны. К 1949 г. победителем конкурса скульптором С. Д. Меркуровым была выполнена модель памятника в виде стоящей фигуры полководца. Статую предполагалось установить на Смоленской площади. Однако автор скончался, и этот проект не реализовали. Над монументом стал работать скульптор академик Н. В. Томский, автор барельефа Кутузова для метро «Новокузнецкая» (1943), бюста у избы в Филях (1958). На памятнике, готовом к 150-летию юбилею Отечественной войны 1812 г., фигура Кутузова с целью передачи пространства впервые для «кутузовских» памятников «была посажена» на коня. Статуя полководца находилась в окружении горельефа из героев 1812 г. Монумент должен был появиться в Москве на развилке Кутузовского проспекта и Большой Дорогомиловской улицы⁸²⁷. (Вместе с тем Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 сентября 1961 г. «Об устранении излишеств в расходовании государственных и общественных средств на сооружение памятников» было «признано нецелесообразным» сооружение памятника Кутузову на Бородинском поле.⁸²⁸) В данном Постановлении памятник М. И. Кутузову в Москве, к которому уже была «выполнена рабочая модель конной статуи и три горельефные группы памятника», включался в «список памятников, проектирование и сооружение которых целесообразно продолжить»⁸²⁹. В юбилейный год Постановление ЦК КПСС от 1 июня 1962 г. обязывало Мосгори-

сполком и МГК КПСС «открыть к 7 сентября 1962 г.» вместе с панорамой «Бородинская битва» «памятник М. И. Кутузову и героям Отечественной войны 1812 года», причем сделать это «с участием руководителей Коммунистической партии и Советского правительства»⁸³⁰. Более того, 26 июня 1962 г. на заседании Секретариата ЦК КПСС по предложению Московского горкома в присутствии секретаря ЦК и первого секретаря МГК П. Н. Демичева был принят «текст надписи на постаменте памятника М. И. Кутузову: „*Великому русскому полководцу* [курсив мой. — Прим. авт.] Михаилу Илларионовичу Кутузову и героям Отечественной войны 1812 года“»⁸³¹, причем, отметим, с державно-патриотической руссоцентричной формулировкой, устоявшейся со сталинских времен.

Однако решение об установке монумента к празднованию юбилея не было реализовано. Сыграло свою роль уже упоминавшееся письмо Н. С. Хрущёву от С. М. Дубровского, С. И. Петриковского (Петровского) и И. М. Данишевского, которые (они сами или, быть может, часть идеологов в ЦК, инспирировавших данное письмо?!) выступали против памятника Кутузову в «крайне помпезном стиле, как это было принято в период культа личности И. В. Сталина в отношении царского прошлого». Кутузов, если руководствоваться ленинским декретом «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг...», был «типичным царским слугой»⁸³² (см. подробнее о содержании письма в § 2 настоящей главы). Градус неприятия сталинского поворота к частичному примирению с дореволюционным прошлым и градус реванша в духе классовой ортодоксии были столь высоки, что звучали уже даже насмешки о несходстве лошади с «оригиналом», а также тучности реального Кутузова. (В такой стилистике, возможно, проявилось и сознательное стремление авторов письма понравиться адресату — Хрущёву, известному своей грубостью в оценках и сравнениях.) Памятник предлагалось «в крайнем случае... водрузить на Бородинском поле»⁸³³. 27 июня 1962 г. Архитектурный совет г. Москвы во главе с М. В. Посохиным отказал Н. В. Томскому в размещении памятника возле панорамы⁸³⁴. Показательно, что такое решение находилось в контексте предложений на том же Совете поставить статую «Рабочий и колхозницу»... в Кремле (!), т. к. там «символы царской власти, а это будет символ советской власти»⁸³⁵.

В докладной записке М. А. Суслова, Л. Ф. Ильичёва и П. Н. Демичева в ЦК КПСС от 4 октября 1962 г. (см. о ней в § 2 настоящей главы) было предложено «отказаться от запроектированного ранее сооружения памятника М. Кутузову, поскольку неправильным является сам замысел олицетворять в его фигуре героизм русского народа, и кроме того, не совсем удачной, чрезмерно отвлеченно-парадной является трактовка образа полководца, данная в проекте памятника»⁸³⁶. Именно вышеупомянутые секретари ЦК КПСС подготовили проект Постановления по данному вопросу к заседанию Президиума ЦК⁸³⁷.

По инициативе и под председательством Хрущёва Президиум ЦК КПСС 12 октября 1962 г., после высказываний на заседании Хрущёва, Суслова, Брежнева, Козлова, Ильичёва и Косыгина⁸³⁸ (большое число выступивших, что говорит о важности данного пункта повестки), принимает решение, и появляется Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О сооружении монумента в ознаменование победы народов нашей страны в Отечественной войне 1812 года и о восстановлении Монумента Свободы»⁸³⁹. (См. о предложении воссоздать Монумент Свободы в § 2 настоящей главы.) В этом названии памятника победе в Отечественной войне 1812 г. сделан акцент не на характерный для сталинского времени руссоцентризм, а на интернационализм подвига («народов нашей страны»). Разрыв с «временами культа личности» к началу 1960-х гг. (не только эстетический, связанный с образом монумента, как и в § 5 главы 1, но также идеологический) был замечен в формулировке о предполагаемом памятнике. В ней значилось: «...в ознаменование победы народов нашей страны в Отечественной войне 1812 года, в котором воплотить *также* [курсив мой. — Прим. авт.] образ М. Кутузова и других выдающихся полководцев». «Установление памятника М. Кутузову в Москве на основании Постановления Совнаркома СССР от 8 сентября 1945 года № 2399 было признано считать нецелесообразным»⁸⁴⁰. (Текст самого Постановления «О 200-летию со дня рождения М. И. Кутузова» присутствует в материалах заседания Президиума ЦК КПСС от 12 октября 1962 г.⁸⁴¹)

Важно отметить, что на Всесоюзном совещании по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам (18–21 декабря 1962 г.) выступал в прениях уже хоро-

шо известный нам по письму Хрущёву С. М. Дубровский в присутствии уже сделавшего свой доклад в начале мероприятия секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарёва, ограничившегося лишь общей констатацией фактов («ошибки имели место и в нашей монументальной пропаганде, в которой акцент делался не на прославление революционных традиций и массовых подвигов народа, а на возвеличивание отдельных деятелей прошлого, вне связи их с движениями масс», а не конкретным указанием на Постановление ЦК КПСС по поводу нового монумента «вместо проектировавшегося ранее памятника Кутузову», при том, что «в монументе роль Кутузова будет должным образом отражена», как это было в тексте предлагаемого им в ЦК 14 декабря проекта доклада). Дубровский вновь ополчился на Кутузова, т.к. он подавал Пономарёву записку для подготовки доклада (она была затем «спущена» из ЦК в МГК КПСС, где Дубровского «проработали», о чем см. в § 2 настоящей главы). Историк возмущался тем, что портреты полководца, а не представителей народа нередко помещают «на первом месте» в книгах и не без гордости заявил: «Партия и правительство отменили вынесенное при Сталине решение об установлении памятника Кутузову. Будет установлен памятник в честь героического подвига народов нашей страны в 1812 г. Этим памятником будут отмечены и заслуги Кутузова»⁸⁴².

1 февраля 1963 г. Министерством культуры СССР и Мосгорисполкомом был объявлен Всесоюзный открытый конкурс, по условию которого «героическая победа русской армии и народов России над захватнической армией Наполеона» должна была стать главной идеей памятника. В памятнике требовался показ «народного, патриотического начала борьбы против иноземных захватчиков» и раскрытие «героизма русской армии». Заметим, в самом тексте условий конкурса множество раз встречались словосочетания «русский народ», «русская армия»⁸⁴³. Таким образом, хотя название постановления было выдержано в интернационалистском ключе в пропагандистских целях для широкой аудитории, но в тексте для ориентировки скульпторов в создании памятника делался акцент на заслуги именно русского народа. В конкурсной концепции монумента должны были присутствовать образы М. И. Кутузова и других выдающихся полководцев — участников Отечественной войны 1812 г. («его ближайших соратников»), т. е. предполагалось как бы «уравновесить» М. И. Кутузова, не выделяя его особо.

Любопытной деталью является то, что рассмотренное нами выше Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 октября 1962 г. так и не было опубликовано в советской прессе. В более «демократичной», чем партийная «Правда», газете «Известия» было напечатано только 4 февраля 1963 г. короткое сообщение «Героям 1812 года. Конкурс на проект Монумента» по поводу объявленного на днях Министерством культуры и Мосгорисполкомом конкурса на сооружение «монумента в ознаменование победы народов нашей страны в Отечественной войне 1812 года»⁸⁴⁴, а 9 февраля в том же издании — в сообщении «Руководители партии и правительства знакомятся с работами зодчих» — появилась

буквально пара строк по поводу переноса памятника Юрию Долгорукому и восстановления Монумента Свободы⁸⁴⁵. Скорее всего, выбор властью такой совсем нетипичной формы знакомства широкой общественности с «монументальными» решениями Партии и Правительства был связан с тем, что данное Постановление, будучи опубликованным целиком, могло бы вызвать некоторое недоумение и даже недовольство в массах. (См. по поводу общественных настроений в § 4 настоящей главы.) Ведь по сути своей рассматриваемое нами Постановление являлось в той или иной степени «репрессивным» по отношению к памяти о героях прошлого из сталинского пантеона: полководце М. И. Кутузове, основателе Москвы Юрии Долгоруком.

Если обратиться к стенограмме жюри объявленного конкурса на памятник героям 1812 г. от 3 октября 1963 г., в обсуждении чувствовалась художественная неудовлетворенность от проектов («иллюстративность, картинность», невыразительность рельефа и пр.)⁸⁴⁶. Присутствовали и замечания касательно их идейной стороны, причем очень разноплановые. С одной стороны, требовали дать «образ Кутузова и других полководцев», т. к. «одной дубиной [«дубиной народной войны» по Л. Н. Толстому. — *Прим. авт.*] Наполеона было бы очень трудно победить»⁸⁴⁷; с другой стороны, критиковалось и то, когда «все сведено к роли Кутузова» и не показаны «солдаты в армии», а также «мужики» в ополчении и в партизанских отрядах⁸⁴⁸. Один из членов жюри справедливо напоминал о необходимости представить на памятнике и М. Б. Барклая-де-Толли, которого, как заявлялось, «долго всячески унижали, а он заслуживает признания»⁸⁴⁹.

Осуждению от некоторых членов жюри вполне в духе «оттепели» с ее особо яростной борьбой со всем, отдающим образностью дореволюционных времен, было подвергнуто «великодержавное воплощение России», которое «могло иметь успех при любом императоре», а не в 1963 г.⁸⁵⁰

Жюри рекомендовало присудить три третьих премии проектам⁸⁵¹:

- «Мечта» с фигурой Афины Паллады на высоком пьедестале и скульптурной группой внизу (скульптор Н. В. Томский);
- «Монумент» (скульптор Н. В. Томский, архитектор Л. Г. Голубовский) с горельефом огромного «мужика» на стене и не-

большой по сравнению с ним статуей М. И. Кутузова перед стеной;

— «Слава» (скульптор Г. И. Мотовилов, архитектор Л. М. Поляков) с аллегорией Славы на стеле и народными композициями внизу.

Как мы можем видеть, авторы пытались, сочетая образы ампира и художественный язык сталинского стиля с отдельными новыми элементами, втиснуть в них понятный, значимый образ народных масс.

Как докладывали в ЦК министр культуры Е. А. Фурцева и председатель Мосгорисполкома В. Ф. Проmysлов в своей записке от 17 ноября 1963 г., после выставки 47 конкурсных проектов в Манеже и их общественного обсуждения ни в одном из проектов «тема героической победы русской армии и народов России над захватнической армией Наполеона не нашла убедительного художественно-образного воплощения», а «идейное содержание представленных проектов в большинстве случаев не соответствовало широте и значению отображаемой темы», и поэтому в конкурсе не присудили первой и второй премии⁸⁵². Министерство культуры СССР и Мосгорисполком считали «целесообразным дальнейшее проектирование монумента осуществить путем проведения закрытого (заказного) конкурса с привлечением к участию в нем 5-6 авторских коллективов»⁸⁵³. Президиум ЦК КПСС принял решение от 29 декабря 1963 г.: «Министерству культуры СССР обеспечить оформление заказов, организацию проектирования и оплату расходов, связанных с проектированием монумента»⁸⁵⁴.

В докладной записке от 13 ноября 1965 г. в ЦК КПСС от первого секретаря МГК КПСС Н. Г. Егорычева и председателя Мосгорисполкома В. Ф. Проmysлова в ЦК КПСС, предложения по которой будут приняты к действию, произошло «разведение» памятника «в ознаменование победы народов нашей страны в Отечественной войне 1812 года» (им становилось воссоздание Триумфальной арки на Кутузовском проспекте, о чем см. ниже) и «скульптуры М. И. Кутузова — у здания Бородинской панорамы, в расчете на то, что «в дальнейшем на этом же участке может быть создана аллея скульптурных бюстов героев Отечественной войны 1812 г.»⁸⁵⁵.

Обратимся далее к рассказу исследовавшего судьбу установки памятника М. И. Кутузову историку Л. В. Максименкову: 24 декабря 1965 г. «...на Старую площадь поступила челобитная: „В 1962 году народный художник СССР Н. В. Томский завершил работу над памятником М. И. Кутузову и славным сынам русского народа, одержавшим победу в Отечественной войне 1812 года. Глубокая патриотическая идея монумента раскрыта скульптором художественно убедительно, ясным и выразительным пластическим языком. К сожалению, вопрос о месте сооружения памятника до настоящего времени не решен. Модель памятника, отлитая в гипсе, не может долго храниться [например, комплект моделей горельефов данного памятника представлен в современной экспозиции Старорусского краеведческого музея – *Прим. авт.*], и поэтому сейчас возникла опасность, что это значительное монументальное произведение — результат многолетнего труда скульптора Н. В. Томского — может погибнуть. Мы просим ЦК КПСС решить вопрос о сооружении памятника. Нам представляется, что памятник М. И. Кутузову и славным сынам русского народа, одержавшим победу в Отечественной войне 1812 года, было бы целесообразно установить на Бородинском поле. Народный художник СССР С. Т. Коненков, народный художник СССР М. Г. Манизер, народный художник СССР В. А. Серов, Герой Социалистического Труда архитектор В. Г. Гольфрейх“. За Томского и Кутузова поднялись патриархи отечественной культуры. Ходатайство удовлетворили. Но опять случились объективные накладки: сначала помешало 50-летие Октябрьской революции, а затем великое столетие Ленина. Тут уже не до Кутузова: все гранитно-бронзовые ресурсы мастерских и комбинатов монументальной скульптуры бросили на возведение памятников вождю мирового пролетариата. <...> В Берлине — Ленина [работы Н. В. Томского. — *Прим. авт.*] воздвигли в нескольких милях от Берлинской стены. Кутузову, словом, опять пришлось ждать. Томился и Томский. Партийное начальство вспомнило о Кутузове спустя очередные пять лет — ЦК КПСС и Совет Министров приняли очередное решение <...> 22 сентября 1970 года № 797, Минкультуры осуществляет для Москвы проектирование памятника фельдмаршалу М. И. Кутузову, по решению исполкома Моссовета от 4 августа 1970 года № 40/13 памятник должен быть установлен на площадке у здания панорамы „Бородинская битва“, автор — скульптор Н. В. Томский, архитектор — Л. Г. Голубов-

ский. Казалось бы, вот она — заветная отмашка. Но тут подоспел новый существенный юбилей — 50 лет образования СССР. Как посмотрят братские республики на памятник царскому генералу? Он не покорял Кавказ и Среднюю Азию, но в Молдавии (Бессарабии) побывал и к царской короне ее присоединил. А в Молдавии в 1950–1952 годах работали товарищ Брежнев и товарищ Щёлоков — нынешний министр внутренних дел, а также товарищ Черненко — заведующий Общим отделом ЦК и будущий генсек. Получалось, что перед принятием окончательного решения нужно было еще одно согласование и мнение — молдавского первого секретаря Ивана Ивановича Бодюла. Как только Томский получает Ленинскую премию за памятник Ленину в Берлине, так немедленно начинается работа над памятником Кутузову. 14 июля 1972-го Фурцева докладывает руководству партии, что памятник Кутузову готовят к сооружению»⁸⁵⁶.

Памятник Кутузову (скульпторы Н. В. Томский, А. И. Бельдюшкин, А. А. Мурзин, Б. В. Едунов, А. Н. Томский и архитектор Л. Г. Голубовский) с 26 фигурами героев 1812 года горельефа (полководцев Багратиона, Барклая-де-Толли, Дохтурова, Платова, Тучкова, Раевского, Ермолова, Кутайсова, Неверовского, Лихачева, Коновницына; командиров партизанских отрядов — Давыдова, Сеславина, Фигнера; крестьян-партизан: Кожина, Курина; прапорщика Павлова; солдат Ручкина, Алексеева, Коренного; фельдфебеля Золотова; барабанщика Михайлова) появился, но перед Бородинской панорамой, в год 160-летия со дня смерти полководца, 16 июля 1973 г. На развилке же Кутузовского проспекта и Большой Дорогомиловской улицы в 1977 г. был сооружен обелиск «Москва — город-герой» (архитекторы Г. А. Захаров, З. С. Чернышёва, скульптор А. Д. Щербаков). Слова на «кутузовском» постаменте идеологически «примирили» полководца и народные массы в духе романа «Война и мир»: «Михаилу Илларионовичу Кутузову. Славным сынам русского народа [заметим, что не «народов нашей страны», как было написано в Постановлении 12 октября 1962 г., т. е. хрущевского времени. — *Прим. авт.*], одержавшим победу в Отечественной войне 1812 года» (но и без возвращения формулировки «великому русскому полководцу», как было принято 26 июня 1962 г.⁸⁵⁷). Н. В. Томский подчеркивал, что это «не только памятник

одному из величайших российских полководцев, но и... пламенному патриотизму народа» и его главным «консультантом» в образе «народного полководца» М. И. Кутузова был Л. Н. Толстой⁸⁵⁸. (Историк Л. В. Максименков рассказывает: «В последний момент выяснилось: никто не отменял решения Президиума ЦК КПСС... из этих документов следовало, что одному Кутузову памятник строить никто не разрешал! Разрешали строить народу-победителю с включенным в него Кутузовым и другими полководцами... Фур-цева предложила всесильному Сулову вариант: памятнику „одному Кутузову“ — быть, но на постаменте выбить надпись в строгом соответствии [см. выше, что не вполне строгом. — *Прим. авт.*] с постановлением Президиума ЦК КПСС»⁸⁵⁹.)

* * *

С приходом к власти Л. И. Брежнева и началом отхода от «оттепели», в условиях меньшего, чем при Хрущёве, неприятия сталинских исторических оценок прошлого, наконец, еще до установки памятника М. И. Кутузова, как уже упоминалось выше, оригинально решили вопрос о памятнике войне 1812 г. в столице.

На заседании Градостроительной комиссии при МГК КПСС 10 апреля 1965 г. отмечался тот факт, что «все-таки общественность возвращается к восстановлению Триумфальных ворот». Выражались сомнения в месте воссоздания — Кутузовском проспекте — из-за неудобства рельефа и сложной транспортной ситуации; предлагалось другое место — сквер у строящегося здания Совета экономической взаимопомощи, в т.ч. с видом на тематический Бородинский мост, Садовое кольцо и т.д.⁸⁶⁰ Постановлением Совета Министров СССР от 10 декабря 1965 г. «О восстановлении Триумфальной Арки Отечественной Войны 1812 года в г. Москве» было утверждено предложение Н. Г. Егорычева и В. Ф. Промыслова в ЦК от 13 ноября 1965 г. воссоздать как монумент Триумфальную арку на площади Победы при въезде на Кутузовский проспект, как способствующее «раскрытию средствами монументального искусства исторических событий двух Отечественных войн 1812 г. и 1941–1945 гг.»⁸⁶¹ На основании правительственного Постановления, публикация которого в печати не обнаружена, было принято и решение Мосгорисполкома от 31 декабря 1965 г. «О восстановлении Триумфальной арки Отечественной войны 1812 г. в г. Москве»⁸⁶².

Напомним, что с 1834 г. Триумфальные ворота с кордегардиями (караульными помещениями) работы архитектора О. И. Бове, скульпторов И. П. Витали и И. Т. Тимофеева стояли посреди 1-й Тверской-Ямской улицы, на площади Тверской Заставы (у Белорусского вокзала). Они были разобраны в

годы «сталинской реконструкции» Москвы на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 июня 1936 г. по просьбе «московских организаций» (секретаря МГК Н. С. Хрущёва и Председателя Мосгорисполкома Н. А. Булганиным)⁸⁶³. Несмотря на планы вернуть ворота на площадь после ее реконструкции, это так и не было ее осуществлено. Чугунные элементы декора Триумфальных ворот были сохранены в Музее архитектуры на территории Донского монастыря.

Еще 26 октября 1960 г. Градостроительный совет Москвы в пункте 6 повестки дня провел «предварительное рассмотрение предложений по размещению Триумфальной арки на Кутузовском проспекте» и посчитал целесообразным восстановить этот «выдающийся историко-архитектурный памятник, соорудив ее [арку. — *Прим. авт.*] на выездной площади Кутузовского проспекта», поручив принять окончательное решение мастерской № 4 «Моспроекта» под руководством архитектора В. Г. Гельфрейха и Отделу внешнего благоустройства и озеленения города⁸⁶⁴. Однако во время пребывания у власти Хрущёва, самого связанного с демонтажем Триумфальных ворот, было опасно ставить перед верховной властью вопрос о возрождении сооружения с многочисленной имперской символикой. Так, на июньском Пленуме ЦК КПСС (1963) в ответ на выступление секретаря правления Союза писателей РСФСР и главного редактора всесоюзного киножурнала «Фитиль» С. В. Михалкова о необходимости пресечь разрушения на местах даже уже признанных законом памятников архитектуры Никита Сергеевич разразился гневной тирадой. Среди сказанного советским лидером перед трехтысячным залом прозвучало: «Другой раз отдастся дань вчерашнему дню, но совершенно не учитывается сегодняшний день. <...> Знаете, здесь нам, коммунистам, нельзя поддаваться на то, что надо ценить древние, исторические ценности»⁸⁶⁵. Любопытный факт, что в своем выступлении на VIII Пленуме ЦК ВЛКСМ «о работе Белорусской республиканской и Ивановской областной комсомольских организаций по воспитанию молодежи на революционных, боевых, трудовых традициях советского народа» 27 декабря 1965 г. (т. е. на 17 дней позднее, чем вышло упомянутое Постановление Совета Министров СССР) Юрий Гагарин заявил: «На мой взгляд, мы еще недостаточно воспитываем уважение к героическому прошлому, зачастую не думая о

сохранении памятников. В Москве была снята и не восстановлена Триумфальная арка 1812 г., был разрушен храм Христа Спасителя, построенный на деньги, собранные по всей стране в честь победы над Наполеоном. Неужели название этого памятника затмило его патриотическую сущность?⁸⁶⁶ Это лишний раз свидетельствует о том, что Триумфальная арка и идея ее воссоздать не были забыты и, может быть, по незнанию неопубликованного Постановления (хотя, возможно, в результате «напоминания сверху») поддерживались известными представителями советской общественности (см. о важности для Юрия Гагарина темы войны 1812 г в § 3 настоящей главы).

Арка, восстановленная в 1966–1968 гг. под руководством архитектора-реставратора В. Я. Либсона «в качестве монумента в ознаменование Победы народов нашей страны в Отечественной войне 1812 г.» по предложению в докладной записке в ЦК КПСС первого секретаря МГК КПСС Н. Г. Егорычева и председателя Мосгорисполкома В. Ф. Промыслова от 13 ноября 1965 г., теперь находилась в едином ансамбле с уже осуществленным Бородинским мостом, зданием Бородинской панорамы, музеем «Кутузовская изба» и заложенным в 1958 г. Парком Победы на Поклонной горе и проектируемым в нем Памятнике Победы⁸⁶⁷. Об уровне знаний чиновников о воссоздаваемой арке, имеющей «большую художественную ценность, и общественно-историческое значение» красноречиво говорит фраза в постановлении Совмина СССР, повторяющая ошибку в вышеупомянутой записке ней как о «сооруженной 1912 году по проекту архитектора Бове»⁸⁶⁸.

Сложность процесса восстановления арки, видная по документам Исполкома Моссовета, была связана с необходимостью «вписать» ее в Кутузовский проспект (проблемы архитектурного окружения, изменения движения транспорта, рельефа места), отреставрировать сохранившиеся детали исторических ворот (силами Всесоюзного художественно-промышленного комбината Министерства культуры СССР) и выполнить утраченные элементы (трудами Художественного фонда РСФСР), решить организационные и финансовые вопросы (так смета работ была утверждена решением Мосгорисполкома только от 31 июля 1967 г.)⁸⁶⁹.

Воссозданная Триумфальная арка имела некоторые отличия от первоначальной. Так, надпись на фронтоне исторических Триумфальных ворот, утвержденная Николаем I и находившаяся на первоначальных воротах, гласила: «Благословенной памяти Александра I, воздвигшаго из пепла и украсившаго многими памятниками отеческаго попечения первопрестольный град сей, во время нашествия галлов и с ними двадцати языков, лета 1812 огню преданный, 1826». Со стороны города надпись была выполнена на русском, а с противоположной — на латинском языке. При воссоздании арки надписи на досках изменились. Упоминание Александра I в позитив-

ном ключе считалось идеологически неуместным. На той стороне ворот, которая обращена по направлению «в область», над самой аркой был воспроизведен текст с закладной доски, положенной в основание ворот в 1829 г.: «Сии триумфальные ворота заложены в знак воспоминания торжества российских воинов в 1814 году и возобновления сооружением великолепных памятников и зданий Первопрестольного града Москвы разрушенного в 1812 году нашествием галлов и с ними двенадцати языков»: на другой стороне ворот — строки из военного приказа фельдмаршала М. И. Кутузова от 21 декабря 1812 г., обращенного к русским воинам: «Славный год сей минул. Но не пройдут и не умолкнут содеянные в нем громкие дела и подвиги ваши, потомство сохранит их в памяти своей. Вы кровию своей спасли Отечество. Храбрые и победоносные войска!.. Каждый из вас есть спаситель Отечества! Россия приветствует вас сим именем»⁸⁷⁰.

«Тихое», отмеченное только в московской прессе, открытие 6 ноября 1968 г. «старинного монумента, который навсегда вписался в силуэт современной Москвы»⁸⁷¹ было осуществлено накануне главного праздника страны. По решению Моссовета от 26 ноября 1966 г. восстановление Триумфальной арки планировали завершить к 50-летию Великого Октября⁸⁷², однако курировавший вопросы культуры секретарь ЦК П. Н. Демичев на заседании Секретариата ЦК от 18 апреля 1967 г. (под председательством главного идеолога М. А. Суслова) усомнился в целесообразности ее восстановления: не только архитектурной (не будет смотреться среди больших домов Кутузовского проспекта), технической (не всей детали ее сохранились) и идеологической: если не будет к этому времени установлено обелиска в честь 50-летия Советской власти на Манежной площади⁸⁷³ (Был заложен 7 ноября 1967 г., но так и не был сооружен). Восстановление арки символически восстанавливало приоритет преемственности подвига русского народа в двух Отечественных войнах над классовыми оценками прошлого. К 200-летию Отечественной войны (2012) торжественное открытие отреставрированной Триумфальной арки стало важным событием в числе юбилейных мероприятий.

* * *

Необходимо напомнить, что, хотя была воссоздана Триумфальная арка и все же установлен памятник М. И. Кутузову, не нашли своего воплощения такие конкурсные проекты памятника войне 1812 г. (в том числе от самого Н. В. Томского), где наряду с историческими фигурами и барельефами присутствовала тема народного духа, патриотизма и героизма в обобщенно-символической форме: в образах богатыря, Родины-матери, русской крестьянки и др.⁸⁷⁴

Памятник М. И. Кутузову завершил формирование архитектурно-монументальной и топонимической мемориальной зоны 1812 г.: Кутузовская изба, Бородинская панорама, обелиск павшим воинам, Триумфальная арка⁸⁷⁵ в окружении из улиц имени героев 1812 г.

* * *

Монументальное увековечивание юбилея в малых формах получило быстрое воплощение. На основании Постановления ЦК КПСС от 1 июня 1962 г., поручавшего Мосгорисполкому «рассмотреть вопрос об установлении мемориальных досок на зданиях и других памятных местах, связанных с организацией народной борьбы против наполеоновских захватчиков в 1812 году»⁸⁷⁶, было принято Постановление бюро МГК КПСС от 15 августа 1962 г. «О 150-летию Отечественной войны 1812 года». По предложению Мосгорисполкома были установлены и открыты 18 октября мемориальные доски на Манеже, «построенном в честь победы над врагом в войне 1812 года», на здании Хамовнических казарм, на Комсомольском проспекте, где формировались полки московского ополчения (с профилем ополченца со штыком, работа архитектора К. В. Кудряшова), и на доме 17 по улице Кропоткина (улице в 1990 г. возвращено историческое название — Пречистенка), где жил «герой Отечественной войны 1812 года поэт-партизан Денис Давыдов»,⁸⁷⁷ с его портретом (архитектор А. Н. Котырев)⁸⁷⁸. Также на Донском кладбище 7 сентября 1962 г. (в день Бородинского сражения) открыли надгробие герою войны 1812 г., генералу В. Д. Иловайскому 12-му, дошедшему до Парижа. Показательно, что выбранные объекты были в основном связаны двумя формами народной войны: ополчением и партизанским движением. К выбору тем мемориализации подходили не во всех случаях справедливо, не стремясь широко популяризировать эту страницу дореволюционной истории. Управление культуры Мосгорисполкома отвергло установку мемориальной доски «герою Бородинского сражения, проф. И. Е. Грузинову, зав. каф. анатомии на анатомическом корпусе (проспект Маркса, 11)», по просьбе Медицинского института им. И. М. Сеченова, из-за сомнения в том, что он «выдающийся», а также досок на Вдовьем доме («место госпиталя раненых, сожженного вместе с ними»), Троицких воротах Кремля (там, где «3 сентября 1812 года москвичи оказали героическое сопротивление кавалерии Мюрата») и доме 21 по улице Кропоткина (где жил «генерал Н. А. Тучков, смертельно раненый в Бородинском бою»)⁸⁷⁹.

* * *

Большие работы к юбилею были проведены на Бородинском поле. Постановлением Совета Министров РСФСР от 31 мая 1961 г. по предложению Министерства культуры РСФСР и Мособлисполкома оно было объявлено «Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником с включением в него памятных мест, исторических памятников Бородинского поля и Государственного Бородинского военно-исторического музея». Также постановлялось «разрешить Министерству культуры РСФСР и Московскому облисполкому восстановить к 1 июля 1962 г. на Бородинском поле (на батарее Раевского) памятник-монумент в честь русских солдат, героически сражавшихся в 1812 году на Бородинском поле»⁸⁸⁰. Однако Главный монумент в виде часовни будет восстановлен только в годы перестройки, к 175-летию Бородинского сражения (1987).

При этом во исполнение правительственного Постановления о создании музея-заповедника была проведена большая работа с колхозами на территории поля для выведения земли из сельхозоборота в зоне памятников, начавшаяся еще на уровне Можайского района с 1958 г. Смысл сотрудничества работников музея с существовавшим здесь колхозом можно объяснить словами из письма М. И. Кутузова, написанными им в самом 1812 г., в связи с сохранением памятных мест в Тарутине (Калужская губерния): «Пуškai земледелец, обрабатывая вокруг укреплений мирное свое поле, не трогает их своим плугом; пускай и в позднее время будут они для россиян священными памятниками их мужества...»⁸⁸¹

Исследователь вопроса о состоянии Бородина накануне торжеств в честь 150-летия сражения В. Н. Фёдоров пишет: «Охранные зоны памятников были обозначены столбами. Для поддержания памятников в чистоте и порядке в 1962 г. в штате музея числилось шесть рабочих и хранитель. Директор музея полковник в отставке Иван Ильич Пономарев писал в можайской районной газете о том, что Семёновская 11-летняя школа организовала для охраны памятников пионерские бригады. Они ухаживали за определенным памятником и братской могилой. Пионеры устраивали газоны и сажали цветы вокруг памятников и братских могил»⁸⁸².

Были проведены работы, связанные с приведением в порядок многочисленных существовавших монументов, а также установкой новых.

К 150-летию юбилею на Бородинском поле было отреставрировано более 30 памятников полкам, дивизиям и корпусам российской армии, установленным к 100-летию битвы. Сооружено и пять новых памятников на братских могилах советских воинов. Они исполнены по проекту архитектора Исидора Ароновича Француза. Новый монумент по проекту архитектора Н. Годлевского появился у правой Багратионовой флешки.

Правое укрепление восстановили по чертежам, выполненным специалистами Военно-инженерной академии им. Куйбышева на основе подлинных исторических материалов. Воссоздание флешки было поручено подразделению инженерных войск Московского военного округа. По инициативе саперов при поддержке дирекции музея на месте случайной находки останков солдата была создана могила Неизвестного солдата⁸⁸³.

Несмотря на проведенные работы по ремонту и реконструкции, а также решения бюро Можайского горкома еще 1960 г., сложно происходила консервация зданий Спасо-Бородинского монастыря, в котором располагалась туристическая база.

К 150-летней годовщине сражения восстановили здание храма Рождества Христова (Смоленской иконы Божьей Матери) в Бородине, пострадавшее в войну и активно разбираемое на кирпичи. Церковь была отреставрирована под руководством архитектора-реставратора Н. И. Иванова. Он обратился за помощью к авторитетным деятелям науки, культуры и искусств. Его поддержали художник П. Д. Корин, академики М. В. Алпатов и Д. С. Лихачев и многие другие. Рассказывали, что решающим стало ходатайство кинорежиссера и киноактера С. Ф. Бондарчука, который аргументировал восстановление храма необходимостью для начавшихся съемок фильма «Война и мир». 16 марта 1962 г. было разрешено «восстановление внешнего силуэта» храма⁸⁸⁴. После воссоздания в здании храма расположился филиал Бородинского военно-исторического музея-заповедника.

Подытоживая сделанное к 150-летию юбилею на Бородинском поле, можно сказать, что оно, по сути, было возвращено исто-

рии и культуре России как место памяти после тяжелых для них страниц, начиная с 1917 г.

* * *

Не только в Москве и в Московской области, но в других местах, связанных с войной 1812 г., шла работа по увековечиванию памяти. Так, буквально повторяя пункт Постановления ЦК КПСС от 1 июня 1962 г., куда Белоруссия была добавлена к Москве и Смоленску в первоначальной редакции⁸⁸⁵, ЦК КП Белоруссии велел Совету Министров БССР, облисполкомам «рассмотреть вопрос об установлении мемориальных досок на зданиях и других памятных местах, связанных с организацией народной борьбы против наполеоновских захватчиков в 1812 году и разгромом на Березине остатков наполеоновской армии»⁸⁸⁶, приведении в порядок имеющихся памятников.

По инициативе Малоярославецкого военно-исторического музея были установлены мемориальные доски в городе, памятники в окрестностях Малоярославца, на месте ставок Кутузова, атамана Платова, подвига спас-загорских крестьян. Однако так и не были завершены работы по реставрации памятника герою-партизану Савве Беляеву⁸⁸⁷.

К юбилею появилась новая интересная черта монументальной мемориализации войны 1812 г.: устанавливать памятники ее героям в тех местах, которые не были исторически связаны с данными событиями. Так, во Владивостоке была создана Аллея 1812 года, на которой установили бюсты М. И. Кутузова, П. И. Багратиона и Д. В. Давыдова⁸⁸⁸. Тем самым и дальние регионы (не упомянутые в Постановлении от 1 июня 1962 г., т.к. в нем, напомним, фигурировали именно более всего связанные с географией войны 1812 г. Москва, Смоленская область, Белоруссия⁸⁸⁹) все же вовлекались в общее для страны пространство памяти.

* * *

Архитектурное увековечивание памяти 150-летия Отечественной войны воплотилось в здании Музея-панорамы «Бородинская битва» для размещения полотна великого Ф. А. Рубо «Бородино»

к 100-летию войны (1912), которое не имело постоянного здания. До революции 1917 г. панорама размещалась в павильоне на Чистых прудах, а после нее не демонстрировалась. В 1930-е гг., несмотря на линию Сталина по реабилитации славных страниц прошлого, многие чиновники в области культуры сомневались, не будет ли восстановление панорамы «прославлять царских генералов»⁸⁹⁰. При этом вполне согласованно с духом десталинизации в одном из докладов в Музее-панораме «Бородинская битва» отмечалось, что о восстановлении и экспонировании панорамы в 1937 г., «когда у нас существовал культ личности», было «и заикнуться нельзя», а павильон на Чистых прудах был «варварски» разрушен⁸⁹¹. В 1949 г. на основании постановления правительства началось восстановление полотна группой художника П. Д. Корины для показа в Нескучном саду Центрального парка культуры и отдыха им. Горького. В 1951 г. Архитектурный совет г. Москвы объявил конкурс на здание (проект должен был «сочетать в архитектуре черты эпохи войны 1812 г. и современного образа советской архитектуры и перекликаться с великой победой советского народа»). Победил проект архитектора Г. А. Захарова (совместно с З. С. Чернышёвой), но его отправили на доработку и так и не реализовали⁸⁹², в том числе из-за найденных «архитектурных излишеств», с которыми активно стали бороться со времен известного Постановления 1955 г., а также из-за возмущения нового министра культуры Г. Ф. Александрова по поводу того, что панорама превратится в аттракцион⁸⁹³.

По свидетельству заместителя директора Музея-панорамы «Бородинская битва» по научной работе С. М. Клавдиева, в предъюбилейные годы, после обращения сотрудников Бородинского музея в Президиум Верховного Совета СССР, его Председатель, в прошлые времена народный комиссар обороны, маршал К. Е. Ворошилов, известный также своим покровительством по отношению к художникам и скульпторам, предложил разместить здание панорамы не в Нескучном саду и не на Бородинском поле, а на Кутузовском проспекте⁸⁹⁴. (Вариант со строительством здания на Бородинском поле, «на месте батареи Раевского или у командного пункта Кутузову», для привлечения на находящееся тогда в тяжелом состоянии поле «новых масс экскурсантов»⁸⁹⁵ продвигал в 1954 г. в письме к Г. М. Маленкову, Н. С. Хрущёву и министру обороны Н. А. Бул-

ганину командующий Московского военного округа генерал армии К. С. Москаленко. За этот вариант также высказывались академики художник С. В. Герасимов и скульптор С. Т. Конёнков⁸⁹⁶. Данное место размещения панорамы отвергли после приезда в Бородино министра культуры СССР Е. А. Фурцевой⁸⁹⁷.) Роль в окончательном выборе «постоянного места жительства» панорамы, конечно, сыграли как исторически связанное с событиями войны 1812 г. западное направление, так и близость с будущим мемориалом Победе 1945 г. на Поклонной горе. Это демонстрировало преемственность побед России над агрессорами. Однако был и финансовый аргумент в пользу «московского» размещения панорамы: выяснилось, что у Московской области просто не хватает средств на строительство здания для нее.

После согласования с отделом культуры ЦК КПСС на основании Постановления Совета Министров РСФСР от 2 июля 1960 г. началось возведение здания панорамы (архитектор А. Р. Корабельников и др. и инженер Ю. Е. Аврутин), срок окончания которого передвинулся с 1 сентября 1961 г.⁸⁹⁸ а «день Бородина», 7 сентября (об этом сроке писали уже и в прессе),⁸⁹⁹ а затем на 18 октября 1962 г. Причем в апреле 1962 г. сняли финансирование стройки в связи с тем, что «Хрущёв сказал относительно музеев», и оно было возобновлено после личных объяснений Хрущёву, предпочитавшему на культуре экономить бюджет, особой важности объекта музейными сотрудниками⁹⁰⁰. Как показывают материалы ЦК КПСС 1962 г., его Секретариата, по «сигналу» в письме от работников Государственного музея Татарской АССР поручили Министерству культуры СССР не только способствовать «устранению из экспозиции материалов, освещающих историю в духе культа личности Сталина», но и вести «борьбу с излишествами», которые, например, проявлялись в расходовании средств на содержание «параллельных» по профилю музеев⁹⁰¹. Вместе с тем играло свою роль и то, что 150-летие войны 1812 г. все-таки было не совсем «родным» юбилеем партийному руководству, поэтому общественности приходилось порой буквально пробивать стену бюрократического непонимания значения масштабного празднования данного юбилея.

Чуть позднее начала строительства здания для панорамы, 30 ноября 1960 г., вышел приказ Министерства культуры СССР «О восстановлении панорамы академика Ф. А. Рубо»⁹⁰². Большие

фрагменты холста и предметный план целиком восстановили реставраторы. С этой целью создавалась специальная комиссия из 32 человек, в которой состояли как чиновники от культуры, представители Советской армии, так и знаменитые историки (П. И. Жилин, Н. М. Рындзюнский, М. Н. Тихомиров), художники (Б. В. Иогансон, П. Д. Корин, П. П. Соколов-Скаля), скульпторы (М. Г. Манизер, А. П. Файдыш). Отметим, что при дописывании утраченных фрагментов полотна под руководством художника И. В. Евстигнеева были внесены два существенных добавления: на полотне появился раненый Багратион, покидающий поле сражения, а фигуры Кутузова и членов его штаба, написанные Рубо на самом дальнем плане и бывшие совершенно неприметными, оказались приближены к зрителю (впрочем, после очередной реставрации в 1967 г. Кутузов «вернулся на свое место»)⁹⁰³. Так, сюжет полотна стремились «приблизить» советскому зрителю, дав узнаваемые еще со сталинских лет образы героев Отечественной войны 1812 г.

Реализованный проект здания Бородинской панорамы получился современен своей эпохе. Здание музея лаконично по своей форме (как «Круговая кинопанорама» на ВДНХ (1959), кинотеатр «Мир» (1958)), цилиндр отделан стеклом, как «попытка осовременить далекую эпоху»⁹⁰⁴. Разница с подходом к проекту здания панорамы по сравнению со сталинским временем была очевидной: «...финальная версия здания делалась в тот недолгий миг „оттепели“, когда возобладала идея мирного сосуществования и педалировать военные победы, пусть и былые, было незачем»⁹⁰⁵. Вместе с тем, чтобы подчеркнуть назначение здания, его содержание, оно было украшено по бокам мозаичными панно «Народное ополчение и пожар Москвы» и «Победа русской армии и изгнание Наполеона» (художник Б. А. Тальберг). Заметим, что для периода «оттепели» было характерно широкое использование монументальных средств в декоративном оформлении (еще формы плана «монументальной пропаганды» В. И. Ленина).

Панно на здании Бородинской панорамы рассказывают о бессмертном народном подвиге. Заметно, что профиль Кутузова на панно не доминирует, как главный герой-полководец в произведениях сталинской эпохи (как было в мозаике П. Д. Корины на толчке станции метро «Комсомольская-кольцевая», в медальонах

на пилонах ротонды в Нескучном саду, на станции метро «Новокузнецкая»), а является ее одним из элементов общей композиции. В ней главные герои — народные ополченцы и партизаны, фигуры которых выставлены на первый план. Архитектурный совет г. Москвы 27 июня 1962 г. даже особо отметил: Б. Тальберг «правильно и хорошо показал народ»⁹⁰⁶. Так в период «оттепели» стремились показать роль народных масс, а не «вождей», а уж особенно царского периода (что перекликалось с осуждением культа личности).

Председатель Архитектурного совета архитектор М. В. Посохин обращал внимание, что в 1812 г. русский народ также «боролся против Наполеона», а он показан «маленьким в санках, ничего не говорит за себя»⁹⁰⁷, а ведь образ Наполеона как олицетворение западного империализма в том политико-идеологическом контексте очень часто использовался в юбилейной пропаганде. При этом приверженность СССР политике разоружения, провозглашаемая в тот период, могла повлиять на появление замечания о том, что следует «изобразить воина без меча». Однако богиня Ника, гнавшая армию Наполеона, была изображена с мечом. Ее образ перекликается с Родиной-матерью. Образ триумфа русского оружия закрепляют 68 трофейных стволов армии «двунадесяти языков».

Несмотря на стремление в начале 1960-х гг. уйти от ассоциаций с религиозными мотивами, в панно присутствует Георгий Победоносец, поражающий змия, с нимбом (как небольшой элемент); при этом у кремлевских соборов отсутствуют кресты (встречающиеся на панно сталинского периода). Так на оформление здания оказала влияние хрущевская антирелигиозная кампания.

Украшено здание «Бородинской панорамы» именами 50 героев 1812 г., которые были согласованы с первым секретарем МГК КПСС П. Н. Демичевым: как «полководцев и генералов», «армейских партизан» (таких как Денис Давыдов, Александр Фигнер и др.) так и представителей простого народа (обозначены как «партизаны»)⁹⁰⁸. Примечательно, что на фасаде «Бородинской панорамы», над входом, наряду с полководцами и генералами, особо отличившимся в Бородинском сражении, симметрично именам Кутузова, Багратиона и Барклая-де-Толли вынесены на видное место имена тех, кто представлял «народный характер войны»: это партизаны Ермолай Четвертаков, Василиса Кожина, Денис Давыдов,

Борис Борисов, Герасим Курин, Иван Андреев, Иван Дорохов, Федор Потапов (Самусь), Егор Стулов, Александр Сеславин. Имена всех остальных героев Отечественной войны 1812 г. были «отправлены» на заднюю стену здания.

Таким образом, 150-летний юбилей 1812 г. был увековечен средствами архитектуры в форме эффектного и функционального музейного здания. Появился музей, как отмечалось на совещании в Управлении культуры Мосгорисполкома по созданию экспозиции, говорящий «языком искусства». Его собрание было сформировано как из государственных, так и из частных коллекций, но новая экспозиция не стала «дублировать экспозиции Государственного исторического музея и Военно-исторического музея в Бородине»⁹⁰⁹. Уже в приказе Управления культуры Исполкома Моссовета от 18 ноября 1963 г., посвященном году со дня открытия Музея-панорамы «Бородинская битва», отмечалось, что музеем «проведено свыше 30 тысяч экскурсий, которыми обслужено более миллиона человек, подготовлен тематико-экспозиционный план и проект художественного оформления постоянной экспозиции вводного и заключительного залов, проводится лекционная работа среди населения»⁹¹⁰. (См. о начале лекционной работы сотрудников музея в § 3 настоящей главы.) Прошедшая недавно реставрацию и модернизацию Бородинская панорама — один из лучших музеев Москвы.

* * *

Крупным топонимическим проектом увековечивания памяти 150-летия Отечественной войны стало название в Москве 11 августа 1962 г. Постановлением Мосгорисполкома ряда улиц новых западных районов (наиболее исторически связанных с событиями той войны) в память героев 1812 г. На западе Москвы появилась улица Генерала Ермолова, бывшее Филёвское шоссе было переименовано в улицу Барклая, части бывшего 1-го Фильского проезда — в улицы Василисы Кожиной и Герасима Курина, Филёвский переулок — в улицу Алябьева⁹¹¹. Еще в годы, предшествующие празднованию юбилея, на карте Московского метрополитена появилась станция «Кутузовская» (1958). Как отмечает исследователь М. В. Юдин, это была в то время единственная «„именная“ станция, по-

священная личности из дореволюционной эпохи или не имеющая отношения к советской истории»⁹¹². В 1961 г. была открыта станция метро «Багратионовская».

Московское руководство придерживалось разумного исторического подхода при увековечивании памяти и не стало откликаться на политико-идеологические попытки ревизии исторических оценок героев прошлого (например, на требование из «письма С. М. Дубровского» убрать название «Кутузовский проспект» (1957) и переименовать его в Проспект Победы «прежде всего над гитлеровскими войсками», осуждения А. П. Ермолова как жестокого «покорителя Кавказа»)⁹¹³. Выставление на первый план «народной» войны к 150-летию юбилею (в противовес «царскому» и «полководческому» акцентам в ее 100-летие) нашло отражение в топонимах в честь героев-партизан в Смоленской и Московской губерниях — крестьян В. Кожиной и Г. Курина.

В Смоленске решением горисполкома от 10 октября 1962 г. переименовали улицу Минскую в улицу Кутузова, улицу Большую Чернушенскую в улицу Багратиона, улицу Коннозаводскую в улицу Дохтурова, улицу 3-ю Краснинскую в улицу Неверовского, улицу Выгонную в улицу Раевского⁹¹⁴.

В топонимической мемориализации учитывался и региональный аспект военных событий. Так, по инициативе Малоярославецкого военно-исторического музея 1812 г. в г. Малоярославце Калужской области были переименованы улица Красноармейская в «улицу героя 1812 года Саввы Беляева» и «бывшая железнодорожная площадь» в «улицу Дохтурова — командира 6-го корпуса — главного защитника Малоярославца в 1812 г.»⁹¹⁵

* * *

150-летие Отечественной войны 1812 г. не получило фундаментального библиографического увековечивания. Видимо, это было связано с нежеланием власти уделить большое внимание научной популяризации истории 1812 г. В «оттепель» отдавалось предпочтение историко-революционной тематике изданий.

* * *

К юбилею были подготовлены различные сувениры. Прежде всего, это памятные медали «150 лет со дня Бородинского сражения» (М. Шмаков) в стилистике народной резьбы по дереву⁹¹⁶ с изображением русского солдата и ополченца (на обороте — сцена боя) и «Слава героям Бородина! 1812–1962» с изображением П. И. Багратиона (А. Филиппова, Ленинградский монетный двор)⁹¹⁷. Интересно заметить, что орден Багратиона в годы войны был в проекте, но так и не был учрежден. На данных медалях не было советской символики. В отличие от медалей к 800-летию Москвы⁹¹⁸ и 300-летию воссоединения Украины с Россией (см. § 5 главы 1), неся «историческую» нагрузку, они не были наградными и даже выпускались не на основании Постановления ЦК (пункт о том, чтобы «рассмотреть Совету Министров СССР вопрос о выпуске памятной медали», фигурировал в проекте Постановления Секретариата ЦК, но так и не вошел в текст, принятый Президиумом ЦК⁹¹⁹). Заметим также, что на них отсутствовал главнокомандующий в войне — М. И. Кутузов, с «культом личности» которого в определенном смысле слова шла идеологическая борьба. При этом, например, на значке «Бородино. 1812–1962» (юбилей Бородинского сражения особо обозначался в фалеристике) присутствовал фон Георгиевской ленты, перешедший в цвет ленты советского ордена Славы. Это порой сближало подачу военных страниц отечественной истории со сталинским периодом (ср.: плакат работы В. Ливановой «Слава тебе, непобедимая Москва, краса и гордость русского народа!» к 800-летию Москвы в 1947 г.⁹²⁰).

Основная тема набора почтовых марок, выпущенного Министерством связи СССР на основании п. 12. Постановления ЦК КПСС от 1 июня «О 150-летию Отечественной войны 1812 года»⁹²¹ к юбилею, — «дубина народной войны» (были изображены крестьянские вилы). М. И. Кутузов показан в ряду полководцев, а не отдельно, чтобы не забывать о других героях 1812 г.

На почтовой открытке 1962 г. с плаката работы В. Иванова солдат и крестьянин с вилами как олицетворение единства армии и народа были фоном к изображению памятника на месте командного пункта М. И. Кутузова в деревне Горки на Бородинском поле

(см. обложку книги). А на киевской открытке художника Г. Зубковского «150 лет Бородинской битвы» солдат и крестьянин с вилами «уравновешивают» по бокам щит, обрамленный еще в традиции эпохи ампира лавровыми листьями и оружием. При этом надпись на открытке дана по-украински, чтобы подчеркнуть национальный аспект юбилейных торжеств.

В аннотации к выпущенному «Изогизом» юбилейном наборе открыток «Отечественная война 1812 года в русском искусстве» (12 штук), содержащем репродукции картин от В. В. Верещагина до С. В. Герасимова, хотя и четырежды фигурировал Кутузов, отмечалось: «...с большой исторической достоверностью художники запечатлели силу и мужество русского народа, его патриотизм и несокрушимую волю в борьбе за независимость Родины»⁹²². Лейтмотив задавала обложка с репродукцией рисунка Д. А. Шмаринова, на которой пленных французов конвоировали крестьяне с ружьями и вилами.

Так в изображениях на юбилейных сувенирах в 1962 г. на первый план выдвигали подвиг народных масс.

Товаров народного потребления с юбилейным оформлением выпущено не было, т. к. юбилейный повод — война 1812 г. — менее актуализировал «народно-советское» чувство идентичности, чем не только годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, но и 800-летие Москвы, 300-летие воссоединения Украины с Россией.

* * *

Таким образом, во всех формах увековечивания памяти 150-летия Отечественной войны ведущей была тема роли народных масс, получившая свое воплощение в формах партизанского движения и народного ополчения. Если архитектурная форма увековечивания памяти (здание Музея-панорамы «Бородинская битва») была успешно реализована к юбилею, затяжной характер процесса монументальной мемориализации был связан во многом с проблемой политико-идеологического плана: стремлением в рамках борьбы с культом личности преодолеть практику идеализации героя дореволюционной истории — М. И. Кутузова.

Проблема увековечивания памяти юбилея была решена уже при Брежневе, в конце 1960–1970-х гг., когда завершилась «оттепель», в консервативном духе. Так, вместо появления нового памятника была восстановлена Триумфальная арка в качестве исторического памятника и сооружен монумент Кутузову и героям 1812 г. с доминирующей фигурой полководца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выступая на Всесоюзном совещании по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам в Москве (18–21 декабря 1962 г.), секретарь ЦК КПСС, в прошлом руководивший разработкой Программы КПСС (1961), академик Б. Н. Пономарёв заявлял: «Празднования таких знаменательных дат, как... 300-летие воссоединения Украины с Россией, 150-летие Отечественной войны 1812 г., приняли поистине общенародный размах, ибо они отвечают потребностям народа в принципиальном осмысливании пройденного им пути, укрепляют его веру в неодолимость сил, борющихся за справедливое дело. Празднование таких дат способствует распространению в широких народных массах *правильных концепций исторического прошлого*»⁹²³ [курсив мой. — *Прим. авт.*].

Мы же можем заключить, что роль исторических юбилеев в общественно-политической жизни СССР в 1953–1964 гг., роль коммеморации, как и всей политики памяти, всей исторической политики, была обусловлена выполнением ими следующих — в целом универсальных — функций:

- легитимации Советской власти;
- воспитания в гражданах любви и верности партии, ленинским, коммунистическим идеям, социалистической Родине;
- консолидации общества вокруг партийно-государственного руководства;
- сохранения и укрепления дружбы и единства между народами СССР.

Вместе с тем празднование юбилеев как формы коммеморативных практик выполняло и те функции, которые были связаны с «текущим моментом», в связи изменениями внутриполитического и геополитического контекстов:

- поддержки текущего внутри- и внешнеполитического курса власти;
- идеологической и психологической мобилизации общества для решения конкретных экономических, социальных, политических и других задач.

Таким образом, идеологическое содержание юбилейной концепции, находившее выражение в программных текстах и мероприятиях,

подчинялось тем политическим задачам, которые ставила власть, актуализируя те или иные пласты исторической памяти народа, как бы направляя своеобразный идеологический прожектор на те или иные аспекты темы, идеи, образы, символы в прошлом и конструируя определенный проект памяти.

* * *

Место рассмотренных в настоящей книге исторических юбилеев было обусловлено влиянием на события факторов, среди которых самыми масштабными и важными были:

- внутриполитический фактор процесса десталинизации;
- геополитический фактор динамики холодной войны. Влияние фактора десталинизации на трансформацию идеологической концепции и новые тенденции в политико-идеологическом содержании, увековечивание историко-юбилейных мероприятий выражалось в основном в форме постепенного сокращения упоминаний Сталина (в рамках празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией).

В противовес разоблаченному культу личности Сталина, уже в начале 1960-х гг. на первый план в юбилейном содержании была выдвинута идея о ведущей роли в историческом процессе народных масс, а не великих личностей (например, М. И. Кутузова). Сталинский культ, напомним, также заменялся образами «человечного» Ленина и верной «ленинской гвардии», культом партии.

Фактор динамики холодной войны в связи с обострением международной обстановки в начале 1960-х гг. особенно повлиял на акценты в политико-идеологическом содержании 150-летия Отечественной войны 1812 г.: на первый план были выдвинуты идеи отпора России империалистической агрессии (различным «наполеонам») с Запада.

Организационный процесс исторических юбилеев периода «оттепели» во многом определялся политическим контекстом с его главной тенденцией завоевания ведущей роли партийного аппарата. Так, фактор внутриполитической борьбы Н. С. Хрущёва (главы партаппарата) с Г. М. Маленковым (главы госаппарата) повлиял на то, что Хрущёв, чтобы заручиться политической поддержкой

украинской партноменклатуры, отводил ей важную роль в организации торжеств в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией (с их щедрым финансированием) и способствовал передаче Крыма в «подарок» из РСФСР в УССР.

Руководство подготовкой празднования 150-летия Отечественной войны 1812 г. уже всецело находилось в руках партийных органов во главе с ЦК КПСС.

В идеологических концепциях и политико-идеологическом содержании исторических юбилеев произошли трансформации обозначились новые тенденции под влиянием различных факторов исторического контекста.

Так, фактор изменений в национальной политике после смерти Сталина (провозглашенное возвращение к «ленинской национальной политике» и состоявшееся расширение прав союзных республик в 1950-е гг. в области экономики, финансов, юстиции, образования, культуры) выразился в новых тенденциях в политико-идеологическом содержании юбилеев: усилении пропаганды интернационализма (как дружбы и «исторического» равенства народов СССР), в тенденциях регионализации, большем внимании к национальному аспекту. Особенно сильно была продемонстрирована приоритетность темы и образов украинской истории и культуры (украиноцентризм) в содержании «юбилея воссоединения» (в контексте по сути продолженной Н. С. Хрущёвым, а начатой еще в мае–июне 1953 г. Л. П. Берией волны коренизации в союзных республиках, в т.ч. для Украины – украинизации).

Влияние фактора мобилизационно-хозяйственных процессов, мероприятий и достижений — «крутого подъема сельского хозяйства», освоения целины — сказывалось в содержании пропаганды к празднованию 300-летия воссоединения Украины с Россией; достижений в освоении космоса — в содержании торжеств в честь 150-летия Отечественной войны 1812 г.

Ухудшение отношений власти и Русской православной церкви, усиление гонений на Церковь при Хрущёве повлияли на постепенное сокращение церковного компонента для верующих в содержании исторических юбилеев.

* * *

Общественные настроения вокруг рассмотренных в исследовании юбилеев были разнообразны и противоречивы. Изменения в них по сравнению с послевоенными годами были связаны

с изменившимся идеолого-политическим контекстом. Поддержку в народе находили идеи дружбы народов, расширения тематики материалов пропаганды, отпора агрессии «наполеонам» империалистического Запада и др.

Несмотря на смещение идеологических акцентов и поддержку частью интеллигенции усиления классовых оценок дореволюционного прошлого по поводу 150-летия Отечественной войны 1812 г., в широких народных массах продолжали сохраняться и превалировать сформированные в сталинский период патриотические общественные настроения с особым акцентированием заслуг и побед русского народа.

Вместе с тем в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией наблюдались и украинские националистические проявления, и критика недостаточности борьбы с ними. Недоумение и критику со стороны русского населения вызвала передача Крыма из РСФСР в УССР.

* * *

В целом можно заключить, что процесс увековечивания памяти исторических юбилеев в эпоху «оттепели» был сопряжен с различными проблемами.

Одни из них были связаны с поиском новых форм, которые могли бы выразить отношение к увековечиваемым событиям и личностям. Новое в идейном содержании увековечивания памяти было связано с факторами изменений в национальной политике, десталинизацией и некоторой демократизацией в культуре «оттепели». Это проявлялось для исторических юбилеев в различных аспектах: подчеркивании украинского национального содержания, ведущей роли народных масс в большей степени, чем великих исторических личностей. Происходил поиск и новых художественных форм, связанный со стремлением к отказу в начале 1960-х гг. от эстетики произведений искусства сталинского периода. Во власти и в среде художественной общественности шло противоборство консервативных и новаторских тенденций.

Наибольшие проблемы, связанные с неопределенностью желаемого идейного содержания и его эстетического выражения, вызы-

вала реализация монументальной формы мемориализации, которая зашла в тупик. Она так и не успела получить свое воплощение в данный период для исторических юбилеев: как для 300-летия воссоединения Украины с Россией, так и для 150-летия Отечественной войны 1812 г.

Постоянно действующим фактором, вызывавшим организационные и финансовые проблемы в процессе увековечивания памяти юбилеев в этот период, была приоритетность (в том числе в финансировании) для партийного руководства страны во главе с Хрущёвым вопросов социально-экономической политики, а не идеологии и культуры.

* * *

Празднования юбилеев, рассмотренных в данном исследовании, имели большое научно- и общественно-практическое значение. Юбилейные даты являлись импульсом, стимулировавшим рост научного и общественного интереса к соответствующей исторической тематике: русско-украинским взаимоотношениям, Отечественной войне 1812 г.

Идеологически новый формат празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией как праздника дружбы народов СССР — именно через «воссоединение народов» (до этого праздновали только юбилей со дня основания советских республик, входящих в СССР) — оказался востребован для годовщины не только 325-летнего юбилея (1979) и — уже в незначительной степени — для подготовки к «350-летию Переяславской казацкой рады 1654 года» (2004) на независимой Украине, но и для проведения празднеств вхождения в состав России различных народов. Так, уже в 1957 г. отмечалось 400-летие добровольного присоединения Башкирии, а также Кабарды и Черкесии к России. Очередное прошение о праздновании данного юбилея от Кабардинского обкома было датировано 20 ноября 1953 г., в тот период, «когда проходила подготовка к 300-летию „воссоединения России и Украины“»⁹²⁴.

В юбилейном издании — брошюре Е. П. Алексеевой, И. Х. Калмыкова и В. П. Невской под редакцией Э. А. Джанибекова «Добровольное присоединение Черкесии к России»⁹²⁵ — присутствовала

прямая ссылка на «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией» в словах о Русском централизованном государстве как о «притягательном центре и опоре» для «братских народов, боровшихся против иноземных поработителей»⁹²⁶. В экземпляре данного издания, находящемся в личном архивном фонде М. А. Суслова, показательными являются отметки партийного идеолога именно тех мест в тексте, которые либо свидетельствовали о древности народов Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, их «удивительном мужестве и героизме», либо в которых рассказывалось о помощи горцев «русским посольствам» в Грузию и о принятии ими русского подданства⁹²⁷. Таким образом, в идеологии пытались балансировать между, с одной стороны, апелляцией к национальной истории народов и, с другой стороны, «постановкой» исторического прошлого на службу делу пропаганды дружбы народов, а уже через нее — государственному (по сути, имперскому) строительству.

В 1963 г. было отмечено 100-летие добровольного вхождения Киргизии в состав России под девизом «Киргизия с Россией навеки вместе». Даже памятная медаль, выполненная автором юбилейной медали в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией, художником В. М. Акимовской, повторяла уже знакомый нам образ русского (но немаркированного костюмом) молодого человека, кладущего руку на плечо киргизу в национальном костюме⁹²⁸.

И в наши годы в Российской Федерации проводятся празднования юбилеев подобных событий: так, например, в 2014 г. на государственном уровне отмечалось 100-летие единения России и Тывы.

Говоря об импульсе, которое дало празднование 150-летие Отечественной войны 1812 г., необходимо отметить, что работников Бородинского музея, потомков героев Бородина, участников Великой Отечественной войны и всех увлеченных военной историей не вполне устроило относительно скромное проведение торжеств 18 октября 1962 г. на Бородинском поле. По инициативе бывшего военного корреспондента Н. С. Ильина, бородинского музейного сотрудника, праздник начинают проводить ежегодно. Атмосфера «оттепели», пробудившая общественную инициативу, позволила в 1964 г. В. А. Казачкову, который собрал сведения о потомках более 600 фамилий, создать «Общество потомков участников Оте-

чественной войны 1812 года» (вернее, он возродил общество, созданное еще к 100-летию юбилею войны). В 1960-е, а в большей степени в 1970-е гг., благодаря О. В. Соколову, берет свое начало движение военно-исторической реконструкции в нашей стране⁹²⁹. Первым его опытом стало воссоздание армий Отечественной войны 1812 г., в том числе представление в День Бородине все более масштабных и зрелищных исторических реконструкций Бородинского сражения, особенно начиная с празднования его 175-летия (1987). Таким образом, празднование 150-летия Отечественной войны 1812 г. вернуло Бородинскому полю функцию не только места памяти, но и места торжеств, ушедшую после Октября 1917 г.

Факт празднования на государственном уровне 150-летия Отечественной войны 1812 г. способствовал возрождению традиции отмечать годовщины данного события в советское время (160-летие, 175-летие), перешедшей и в современную Россию (особенно масштабным было празднование 200-летнего юбилея в 2012 г.)

* * *

Какова же была специфическая роль исторических юбилеев в общественно-политической жизни СССР в период «оттепели»?

Она заключалась в том, что власть использовала юбилейные торжества как средство, как инструмент, с помощью которого производился отход от идейного содержания модели исторических юбилеев сталинского послевоенного периода, имевшей свои корни еще в повороте от приоритета революционного интернационализма к государственному патриотизму середины 1930-х гг. Данная модель совмещала в своем политико-идеологическом содержании (хотя и не оформила синтез), с одной стороны, коммунистические, с другой стороны, советско-имперские и державно-патриотические идеологемы, образы, символы. При Хрущёве же происходил демонтаж политико-идеологических составляющих сталинской политической системы в контексте борьбы с культом личности (с 1953 г.) и явной десталинизации (с XX съезда 1956 г.).

Так, празднование 300-летия воссоединения Украины с Россией было связано с началом отхода от характерной для сталинского периода идеи о союзе народов СССР во главе с «великим русским

народом» как государствообразующим, как «старшим братом» с началом неявной десталинизации. Однако данное празднование юбилея еще сохраняло черты политико-идеологического содержания сталинской модели юбилеев.

В рамках празднования 150-летия Отечественной войны 1812 г., место которого в общественно-политической жизни СССР было во многом обусловлено новым витком процесса десталинизации после XXII съезда КПСС (1961), был осуществлен частичный демонтаж сталинского компромисса советского и дореволюционного периодов истории с попыткой возвращения к ортодоксальному классовому подходу 1920-х гг., что выразилось в критике «культа» М. И. Кутузова как олицетворения победы в Отечественной войне 1812 г. В юбилейном содержании уже не только отсутствовало понятие «великий русский народ», но и была в значительной степени произведена дерусификация и, наоборот, усилена интернационализация подвига 150-летней давности. Так, проект памяти, предложенный при праздновании данного юбилея, расширял и углублял отход от юбилейной модели и исторической политики сталинизма.

* * *

Сталинская модель празднования исторических юбилеев в хрущевский период (в том числе при праздновании 40-летия Великого Октября в 1957 г.) подверглась изменениям, обусловленным новыми политико-идеологическими тенденциями:

- вместо руссоцентричного державно-имперского патриотизма противоречивые тенденции: усиление пропаганды интернационализма с акцентом на дружбу равных в своих исторических достижениях народов СССР и в то же время украиноцентризм (фактически этноцентризм) в содержании празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией;
- вместо централизма (основа юбилейного содержания — события общегосударственного значения, слабо выражен региональный аспект событий) — рост регионализации в содержании;
- вместо акцента при оценке выдающихся личностей и событий дореволюционной истории на их роли в решении национально-государственных, а не классовых задач — усиление

- классового подхода и пропаганды пролетарского интернационализма;
- вместо масштабной пропаганды культа личности Сталина — борьба с культом личности Сталина — десталинизация;
- вместо приоритета идеологии и политики над экономикой — экономикоцентризм;
- вместо определенного политического компромисса с Русской православной церковью на державно-патриотической основе — усиление атеистического компонента / игнорирование Церкви;
- вместо жесткого (бескомпромиссного) варианта советского проекта коммунистического мессианства — его смягченный вариант (признание со стороны СССР ошибок сталинского времени и провозглашение того, что будут учитываться исторические особенности стран соцлагеря в процессе строительства социализма);
- вместо жесткого варианта конфронтации с капиталистическим Западом — некоторое смягчение конфронтации, провозглашение перехода к политике мирного сосуществования, экономического соревнования двух систем в середине 1950-х гг. (неустойчивый показатель из-за хода холодной войны, новый рост конфронтации в начале 1960-х гг.).

Эти тенденции проявились как в самом праздновании (подготовке и проведении торжеств), так и в процессе увековечивания памяти юбилеев, рассмотренных в настоящей книге, при этом, повторим, вторая, пятая, седьмая и восьмая тенденции ярче были видны в праздновании 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции (см. книгу «30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции?»).

* * *

В хрущевское время, в отсутствие больших мобилизационных задач для всей страны (не замененных всецело ни целиной, ни космосом), ударами сверху от все более всевластного аппарата КПСС были значительно повреждены три державно-патриотические идеологические опоры Советского государства. Напомним их.

- 1) Культ Сталина, персонифицирующий образы Отечества, государства, народа, Победы. Образ вождя и «отца народов» как де-факто создание сакральной формы замены понятий для народа «Веры» и «Царя» в триаде «За Веру, Царя и Отечество!» («Православие. Самодержавие. Народность» С. С. Уварова) Российской империи.
- 2) Ведущая историческая роль «великого русского народа» деле формирования и отстаивания государства по формуле, нашедшей отражение в гимне СССР (1943): «Союз нерушимый республик свободных / Сплотила навеки Великая Русь».
- 3) Преемственность (пусть и частично, но признаваемая при Сталине с середины 1930-х гг.) дореволюционного и советского периодов в истории страны.

Вторая и третья опоры фактически заменяли собой и определенным образом раскрывали для советских людей смыслы таких понятий, как «Народность» и «Отечество».

Удары по культу Сталина, т.е. десакрализация образа живого вождя в целом были подробно рассмотрены в моей книге «30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции?». Удары по второй и третьей опорам – в настоящей книге.

Итак, мы можем сказать, что ветер хрущевской «оттепели», запущенный властью партаппарата, при всей своей тактической переменчивости и непоследовательности, объективно дул именно в сторону окончательного разрушения под лозунгом «борьбы с наследием времен культа личности Сталина» (расширительно и произвольно трактуемого понятия) всего сталинского идейно-политического наследия. (Вопрос, еще ждущий своих серьезных и объективных исследователей: «Откуда дул ветер “оттепели”?» [курсив мой. — Прим. авт.] – о роли в рассматриваемых процессах окружения плохо разбирающегося в идеологии Хрущёва: соратников, идеологов (тех же А. И. Микояна, О. В. Куусинена, Б. Н. Пономарёва, М. А. Суслова и др.), его советников, помощников. Как известно, после Сталина Первые/Генеральные секретари ЦК КПСС уже не писали самостоятельно текстов своих выступлений. Они готовились референтами и в лучшем случае поправлялись выступавшими. Другие идеологические документы, создаваемые в недрах аппарата ЦК, также принимались, как правило, с минимальной правкой «первого лица»).

Таким образом, происходило разрушение идеологических опор советской (по факту сталинской!) политической системы, но при сохранении в целом самого политического режима. Режим личной власти Сталина сменился всевластием партноменклатуры, подчинившей себе госаппарат во главе с одним из ближайших соратников Сталина — Н. С. Хрущёвым. Взамен посмертно ниспровергнутого Сталина (если выражаться в рамках религиозных категорий, то объявленного «падшим ангелом») делалась попытка легитимации власти через апелляцию к сакральному образу «самого человеческого человека» Ленина (особенно при праздновании 40-летия Великого Октября в 1957 г. и 90-летия со дня рождения Ленина в 1960 г.). Идеологи партии обращались к идеям марксистско-ленинской классовой ортодоксальности в понимании дореволюционного прошлого, безусловного «исторического» равенства роли народов в становлении российской государственности, характерных для революционно-романтических первых лет советской власти. Знаковым в символическом отношении воплощением данного направления политико-идеологического «ветра» стало решение «в ближайшее время» убрать с главной улицы столицы и страны — улицы Горького — напротив здания Моссовета на Советской площади памятник князю Юрию Долгорукому и, по предложению партийного руководителя Москвы Н. Г. Егорычева в ЦК КПСС записке от 9 февраля 1963 г.,⁹³⁰ отправить (а фактически сослать!) в сквер у Новодевичьего монастыря. На месте державного по своему образу монумента основателю Москвы, напомним, предполагалось восстановить обелиск Свободы, который «в годы культа личности... был уничтожен»⁹³¹.

Вместе с тем коммунистическая перспектива понималась самим политическим руководством в большей степени в материально--потребительском (и даже мещанском!), а не в духовном, культурно--антропологическом измерении. И, по сути, именно на «поле» объемов потребления шло «экономическое соревнование двух систем», где СССР был в позиции догоняющего (вспомним тот же хрущевский лозунг «догнать и перегнать Соединенные Штаты по молоку, маслу и мясу на душу населения»).

Обращение к элементам риторики времен Гражданской войны с «военным коммунизмом» и 1920-х гг. было в данном контексте

диссонансом. Ведь в отличие от 1950–60-х гг., к которым СССР сам был уже сложившимся в сталинский период мощным государством и противостоял вместе с социалистическим лагерем мощному капиталистическому блоку во главе с США, в 1920-е гг. еще возлагались обоснованные социально-политической реальностью надежды на мировую революцию, создание «мировой коммуны», т. е. на отмирание государства как института. В то время еще была определенная логика в том, чтобы скорее ликвидировать идейные (в том числе патриотические) государственные скрепы. (При этом заметим, что уже в 1922 г., на втором году НЭПа, сам Ленин в своем докладе на XI съезде РКП(б) — и то с нескрываемой иронией — упоминал о тех «лучших коммунистах», которые витают в мыслях о мировой революции, о том, как смотрят на них «сорок европейских стран с надеждой на избавление от капитализма»⁹³².)

Признаем, конечно, что идейное содержание юбилеев периода «оттепели» в целом способствовало сохранению единства соцлагеря при смягчении формы отношения СССР к союзникам (особенно проявилось при праздновании 40-летия Великого Октября). Однако оно в меньшей степени, чем в послевоенный период, играло консолидирующую роль для самого советского общества. Юбилейное содержание осложняло поддержку власти, декларировавшей с XXI съезда КПСС (1959) концепцию общенародного государства, не только со стороны его граждан, настроенных просталински, но и просто настроенных патриотически, а также со стороны верующих.

Особо важно еще раз отметить здесь и то, что в юбилейном содержании, как и в идеологической политике в целом, в годы хрущевской «оттепели» произошел демонтаж скреплявшей Советское многонациональное государство идеологемы о государствообразующем «великом русском народе». В идеологическом оформлении национальной политики стали проявляться две противоречивших друг другу тенденции. С одной стороны, особенно в первые годы «оттепели», как в свое время в 1920-е — начале 1930-х гг., со стороны союзной власти не только провозглашалось, но и в немалой степени присутствовало повышенное внимание к национальным кадрам, национальной культуре в союзных республиках и автономиях. Причем порой все это перерастало в откровенное политиче-

ское заигрывание с этноцентризмом (например, как мы показали в нашем исследовании, с тем же украиноцентризмом). К началу 1960-х гг., наоборот, в политике союзного центра, не отменяя полностью предыдущую тенденцию (!), все более обозначилось стремление нивелировать национальные проявления в рамках доформления советской (т.е. неэтнической!) идентичности для форсированного строительства коммунизма. И та, и другая тенденция, как позитивное и негативное воздействия на национальное самосознание, не только его все более пробуждали, но и фактически создавали почву для усиления националистических и прежде всего антирусских настроений (т.к. политику Москвы другие народы ассоциировали, прежде всего, с русским народом, как объективно являвшимся для СССР государствообразующим).

Партноменклатура, советская бюрократия, ставшая полноправной хозяйкой страны, использовала в риторике революционные образы, апелляции к политической активности народных масс первых лет Советской власти, но сама при этом не решалась принять планы ограничения своей власти со стороны Хрущёва (ее же ставленника!) в начале 1960-х гг., т.е. начать реальную демократизацию системы. После некоторого романтического ожидания того, что состоится «возвращение к ленинским истокам», такое положение стало не совсем устраивать и советских «либералов» (в советском контексте это условное понятие: марксисты, выступающие за то, что позднее будет названо «социализмом с человеческим лицом»). Напомним, что сам Хрущёв с 1958 г. совмещал в своем лице должности Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, как и с 1941 г. и до конца своих дней «развенчанный» Сталин. Но делал это Хрущёв в условиях им же дискредитированного культа вождя! Показательно, что Хрущёв при «разгроме» 1 декабря 1962 г. выставки художников-авангардистов студии «Новая реальность» в Манеже громогласно заявлял художнику Э.Белютину о представленных работах: «...я вам говорю как Председатель Совета министров»⁹³³. А во время встречи руководства партии и правительства с творческой интеллигенцией 7 марта 1963 г. Никита Сергеевич провозгласил, что партия «представ-ляет и старое, и среднее, и молодое поколение! И больше никто!»⁹³³ Как известно, идеологическая и культурная политика партии при

Хрущёве также имела и «потепления», и «заморозки», причем в конце хрущевского десятилетия. Причем Хрущёв во время упомянутой выше встречи с интеллигенцией, когда выступал Вознесенский, в числе прочего кричал из президиума: «Можете сказать, что теперь уже не оттепель и не заморозки, а морозы. Да, для таких будут самые жестокие морозы <...>. Думают, что Сталин умер, так вы значит... Вы — рабы! Вы — ра-бы! Потому что если б вы не были рабами, вы по-другому себя вели. Как ваш вдохновитель Эренбург говорит, что со сжатым ртом сидел молчал, понимаете ли. А как Сталин умер, он разболтался»⁹³⁵. Шла борьба — то явная, то подспудная — «консерваторов» и «либералов» в области идеологии и культуры, в том числе по вопросам понимания соотношения традиций и новаций, рамок искусства, его безусловного или безусловного следования канонам соцреализма, обязательности принципа партийности в творчестве.

В самом Хрущёве, человеке, сформировавшемся как политик при Сталине, переплетались антисталинское и сталинистское. При всем учете вышесказанного Хрущёв старался «поднять» себя как политического лидера во многом именно на отрицании не только Сталина, но и немалой части из сталинского наследия. Личные качества Хрущёва сыграли огромную роль в том, какой импульсивный, грубый, противоречивый, непоследовательный и действительно волюнтаристский характер носила его политика.

Личный фактор Хрущёва как лидера партии и государства оказал одно из решающих влияний на форму и стиль самой десталинизации. Во многом поэтому она осуществлялась со значительными политико-конъюнктурными искажениями истины, фактологическими и оценочными передергиваниями, перекладыванием ответственности за репрессии, в которых и сам Хрущёв был также немало повинен, на покойного вождя и хрущевских политических противников. Десталинизация после XXII съезда КПСС в своих проявлениях уже стала доходить до абсурда. Чего стоило одно только то, что известную всему миру битву под Сталинградом по указанию ЦК стало принято официально именовать в СССР «битвой на Волге»⁹³⁶!

«Хрущевский стиль» политики испытали на себе в те годы разные социальные группы советского общества, люди с различными взглядами.

Вследствие этого Хрущёв добился к концу правления того, что не только он сам, но и партийно-государственная власть в целом существенно сократили себе реальную (а не декларируемую!) базу общественной поддержки.

* * *

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что власть в период «оттепели», нанеся повреждения содержанию коммеморативных практик сталинской модели празднования исторических юбилеев, окончательно сложившемуся в послевоенный период, не уничтожила его полностью и не выдвинула новой целостной модели. По иному и не могло быть в тех условиях, когда сама власть оставалась в состоянии идеологической неопределенности. От сталинского идейно-политического наследия, заклеянного как наследие «времен культа личности» (а эти годы составляли не менее четверти века!), отказывались не критично, выкорчевали его и тем самым рвали связь времен. А ведь именно в сталинские годы, с середины 1930-х гг., на протяжении 20 (!) лет истории нашей страны, властью оформлялись (пусть

и не были окончательно оформлены) сочетание национального и имперского (т. е. наднационального) идеологических компонентов, чувство преемственности государственного строительства, побед и достижений в истории нашего Отечества, воплотившихся в том числе

в политике памяти. Власть, пытаясь, как правило, брать противоположное по отношению к сталинскому наследию во многих сферах советской жизни, не имела четкого понимания того, что она будет созидать вместо трех разрушаемых опор (см. выше).

Проводя десталинизацию, стараясь ликвидировать наследие сталинизма в общественно-политической и культурной жизни страны, партия во главе с Хрущёвым делала это так, что «с водой выплескивала и ребенка».

При всем вышесказанном на поставленный в заглавии книги вопрос: «Куда дул ветер хрущевской “оттепели”?», если считать под этим устоявшимся определением хрущевское десятилетие, мы можем ответить следующим образом: он дул по направлению демонтажа сталинской империи, «выветривая» ее, как скалу, и тем самым разрушая имперское содержание Советской государственности при

сохранении ее внешних форм, ненаполняемых их новым реальным содержанием.

Добавим к вышесказанному, что идеологическую политику партии в годы «оттепели» вырабатывали люди, сформировавшиеся

сталинское время, со сталинскими идейными и психологическими (исключавшими творческую смелость) установками (М. А. Суслов, О. В. Куусинен, П. Н. Поспелов, Л. Ф. Ильичёв, Б. Н. Пономарёв, П. Н. Демичев и др.). При этом они остались без фактора самого «хозяина» Сталина с его порой «идейной непредсказуемостью» в недогматическом прочтении классиков марксизма-ленинизма. Он, руководствуясь при этом собственными политико-идеологическим видением и политической целесообразностью, периодически и делал (будь то в национальном или языковом вопросе или в оценке событий дореволюционного прошлого, тех же полководцев 1812 г., не соглашаясь с самим Ф. Энгельсом и т. п.). Хрущёв же, кроме воспроизведения антисталинской риторики, обусловленной политико-конъюнктурно и также, видимо, психологически, сам серьезно не занимался вопросами идеологии, будучи для этого человеком малообразованным. Идеологи периода хрущевской «оттепели» своим наращиванием к началу 1960-х гг. догматизма и ортодоксальности под вывеской «возвращения к ленинизму» подготовили страну с уже поврежденными идеологическими опорами к «застою» в идеологической сфере. Высокая степень ожидания творческого переосмысления идей марксизма-ленинизма в советском обществе не могла найти отклик в идеологах, не желавших и не умевших идти с ним на контакт, привыкших к дидактическому монологу, а не диалогу.

Исходя из вышесказанного, еще одним нашим ответом на вопрос: «Куда дул ветер хрущевской „оттепели“?», является утверждение: «В сторону идеологического застоя».

Таким образом, направление этого ветра «оттепели» со стороны власти было одновременно и разрушительным, и застойным. Однако и то, и другое его направление при отсутствии в партии творческого преобразования, развития идеологии способствовали разрушению сталинских идеологических опор Советской (а по сути — сталинской) идеократической империи и формировавшейся в ее рамках еще с предвоенных лет советской нации. Тем самым хрущевская «оттепель» запускала процессы разрушения самой Советской государственности.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Размышляя над ролью и местом юбилеев периода хрущевской оттепели, невозможно не обратиться к последующим процессам в области идеологической политики в СССР, которые подкреплялись в том числе торжествами в честь юбилеев Ленина, Октябрьской революции, других событий истории Отечества.

Отставка Н. С. Хрущёва (его свержение усиленной им же партноменклатурой, всевластие которой он пытался понизить проводимыми и планируемыми преобразованиями) притормозила разрушение ветром «оттепели» перечисленных в «Заключении» трех политико-идеологических опор. Был заморожен деструктивный для реальной (а не декларируемой и предполагающейся!) советской государственности процесс. (Показательным в этом отношении является тот факт, что Монумент Свободы (Советской Конституции) на Советской площади так и остался невосстановленным в связи со снятием Хрущёва 15 октября 1964 г.⁹³⁷ Попытки восстановления этого памятника даже уже не на Советской площади, а в Новопушкинском сквере, предпринимавшиеся так или иначе до 1982 г., были «пробуксованы» властью под финансовым предлогом, т. к. в период «застоя» стали идеологически неактуальными⁹³⁸.)

В брежневский период, конечно, не было той активности демонтажа вышеперечисленных трех политико-идеологических констант, однако процесс шел по инерции; власть, замалчивая самого Хрущёва, но боясь отойти от положений XX и XXII съездов партии, пыталась схватиться за «оттепельные» замены опор. (Признаем, что ленинский миф, сакральный образ Ленина как «самого человеческого человека», был, пожалуй, самой сильной ее опорой!) При этом та же власть в какой-то степени проводила ресталинизацию (очень условную, ограничившуюся, по сути, реабилитацией образа Сталина в ипостаси Верховного Главнокомандующего в годы Великой Отечественной войны) на фоне постоянной подспудной борьбы между «сталинистами», «почвенниками» (так называемой русской партией) и «либералами», «космополитами» в самой власти, в сфере идеологии, культуры...

Восстановление рассматриваемых опор, по сути, не было произведено; идеологические проблемы были загнаны вовнутрь, идеолого-политические «мины замедленного действия», заложенные при Хрущёве, не были обезврежены. (Заметим, что поврежденность официального положения о «великом русском народе» и проблематизация руссоцентричной преемственности побед и достижений не могли не способствовать, помимо уже упомянутого роста антриусских националистических настроений, отпадению от власти, от государства самого государствообразующего русского народа, а также уходу части интеллигенции в сторону русского национализма.) Даже активно отмечаемый на государственном уровне с 1965 г. День Победы и сам конструируемый образ Победы в Великой Отечественной войне — и то представляли «сверху», прежде всего, Победой благодаря руководящей роли «партии Ленина».

В целом при значительном снижении, начиная со смерти Сталина, уровня репрессивности режима (силовой составляющей его поддержания) были очевидны неспособность партии преодолеть поврежденное состояние идеологии, отказ от ее творческого преобразования (в рамках недогматического прочтения марксизма и/или с выходом за его рамки) в соответствии с условиями современной реальности. Данная необходимая работа идеологов подменялась попытками воспроизведения декораций в стиле ретро, внешних форм из идейного наполнения — чаще всего первых лет советской власти, реже — сталинского времени. Все это происходило в период отсутствия масштабной мобилизации народа (как при индустриализации, в годы войны, послевоенного восстановления хозяйства). Полноценной заменой мобилизационных проектов сталинского времени не стало ни хрущевское освоение целины, ни строительство БАМа при Брежневе и пр. Нерешенность на философско-идеологическом уровне вопроса о сущности советского человека, отодвинутого на второй план еще при Сталине из-за реализации жизненно важных для страны проектов, не позволяла полноценно идейно-антропологически осмыслить и великие космические достижения СССР. При усилении в официальной идеологии материального приоритета в понимании идей коммунизма, идеи соревновательности социализма с капитализмом на «потребительском поле», происходили все большее и большее угасание месси-

анского представления о советском коммунистическом проекте в обществе и, как следствие, возрастание потребительского омещанивания, а также идеологической индифферентности различных слоев советского общества. Такое положение не могло не вести к ослаблению поддержки власти, а значит, ее самой...

И все-таки политическая система сохранялась наличием (пусть и поврежденных в разной степени) рассмотренных нами выше трех опор.

Из этих опор образ живого вождя был де-факто полностью десакрализован и даже дискредитирован в рамках десталинизации. Конструируемые культы Хрущёва, а затем Брежнева уже выглядели явной пародией. Однако сталинский миф заменял, хотя с годами и все с меньшим успехом, миф о вечно живом Ленине и его духе, который живет в «партии Ленина». Клевета на партию (а на деле любое сомнение в правильности ее курса) так и оставалась идеологически табуированной. (По словам Хрущёва, сказанным на не раз упомянутой нами встрече с интеллигенцией 7 марта 1963 г., «не может сын клеветать на свою мать»⁹³⁹.) В редакции гимна СССР в 1977 г., после исполнения с 1955 г. «сталинского» гимна без слов, уже пелось не «Знамя советское, знамя народное», а «Партия Ленина — сила народная», что фактически сводило государственность к партийности. Однако и под партией, по сути, в реальности имелась ввиду ее верхушка (заметим, сам Хрущёв был снят в том числе за пренебрежение принципом «коллективного руководства», достаточно узкий круг определял политику партии и при Брежневе).

Перестройка, так же, как и ее в каком-то смысле «первое смягченное издание» — «оттепель», была инициирована сверху самим же руководством КПСС. Причем «архитектор перестройки», один из ее идеологов, А. Н. Яковлев, при М. С. Горбачёве — секретарь ЦК КПСС (1986–1990), член Политбюро ЦК (1987–1990), а при Н. С. Хрущёве, с 1953 г. пока только сотрудник аппарата ЦК, но в начале 1960-х гг. уже завсектором отдела пропаганды и агитации ЦК по РСФСР, сам признал связь хрущевской десталинизации и перестройки в своей вступительной статье к изданию «Черной книги коммунизма» 2001 г. на русском языке: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации

страны и общества. <...> Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и „нравственным социализмом“ — по революционаризму вообще. Начался новый виток разоблачения „культа личности Сталина“. Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущёв, а с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна»⁹⁴⁰.

Действительно, политика перестройки была активно поддержана «шестидесятниками», вначале соблазненными надеждами на демократические перемены в «оттепель», а после нее разочарованными в политике партии.

Перестройка разгромила рассматриваемые в нашей книги идеологические опоры окончательно и похоронила советскую идеологию и, как следствие, КПСС — партию-стержень для государства, а значит, и саму Советскую империю.

* * *

Часто говорится и пишется, что советская бюрократическая система и созданная ею Советская империя, находясь в плену марксистско-ленинского догматизма, оказались неспособны осуществлять проект строительства коммунизма и сдали при этом реальные завоевания социализма. Мы же, подтверждая этот тезис, подчеркнем другое, не менее важное для нас положение: власть Советской империи как идеократического государства, как при Сталине, а еще в большей степени в послесталинское время, не смогла до конца укоренить в духовно-идеологическом плане данную империю в почву российской истории. Такая неукорененность стала одним из важнейших слабых мест могущественного Советского государства, всей советской цивилизации, одной из самых значимых, на наш взгляд, причин, приведших к их катастрофическому крушению.

* * *

После 1990-х гг. с их попытками навязывания властью обществу как неолиберальной ортодоксии и различного рода антисоветизма, так и идеологического нигилизма сама власть (вернее, определенная часть представителей власти) в рамках поиска национальной идеи усиливает с 2000-х гг. использование государственно-патриотического нарратива, попытки восстановить историческую преемственность, в основе которой легла преемственность военных побед, увенчанных Великой Победой 1945 г. В самое последнее время власть все более декларирует (вплоть до поправок в Конституцию РФ), но намного менее реально поддерживает ведущую государство- и культурообразующую роль русского народа (особенно через поддержку русского языка) в истории Российского государства. (Хотя здесь возникают сдерживающие этот процесс обоснованные опасения того, что в национальных автономиях он был воспринят за проявления «русского национализма, шовинизма» и последует рост «ответных» националистических настроений.) Намного более значительные успехи были достигнуты в деле формирования образа Президента России В.В. Путина как национального лидера, постепенно приобретающего черты культа, тем более его качества как государственного деятеля, пожалуй, впервые за послесталинское время в истории нашего Отечества дали такому культотворчеству более-менее ощутимую объективную основу.

История развала СССР, если рассматривать ее в политико-идеологическом ракурсе, показала, что при повреждении и тем более уничтожении всех трех обсуждаемых нами опор происходит процесс разрушения самой российской государственности, исторической России как единого и независимого государства. (Опасной представляется и ситуация, когда остается сильным только один культ лидера, стратегически всегда уязвимый, как все связанное с конкретной персоной в условиях светского государства, где носителя верховной власти реально сакрализовать в наше время почти невозможно.)

Думаю, всем нам, представителям российской нации, желающим сблечь наше государство, несмотря на наши различные политические предпочтения, национальную и конфессиональную

принадлежность, необходимо считаться с исторической реальностью обсуждаемых выше опор государственности России и осознать, что без построения иных серьезных ее опор необходимо находить компромисс вокруг тех, что есть, безусловно, приспособлявая их понимание и применение к общественно-политическим и культурным реалиям сегодняшнего дня.

* * *

В завершение работы хотелось бы выразить надежду, что моя научная трилогия — книги «800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы», «30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции?» и «Куда дул ветер хрущевской „оттепели“? Взгляд в зеркала двух исторических юбилеев» — внесет свою лепту в дело комплексного исследования не только советской «политики памяти», но и послевоенных лет сталинской империи, а также хрущевского десятилетия. Надеюсь, что эти книги послужат делу дальнейшего научного и общественного осмысления исторических процессов, происходивших в те периоды, которые во многом обусловили дальнейшую судьбу нашего Отечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ См. *Гамов А.* Украинский кризис // Комсомольская правда. 2014. 20 марта.

² См. *Аджубей А. И.* Как Хрущёв Крым Украине отдал. Воспоминания на заданную тему // Новое время. 1992. № 6 С. 20–21; *Кульчицкий С.* Украинский Крым // День. 2009. 20 февраля; *Вольвач П. В.* Каким был «подарок Хрущёва». Как Украина отстроила Крым. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://newzz.in.ua/histori/1148882740-kakim-byl-podarok-hruscheva-kak-ukraina-otstroila-krym.html> (дата обращения: 18.11.2019).

³ См. Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация: в 2 т. / Под рук. С.В. Кулешова и др. — М., 1996; Эксперт: Хрущёв подарил Крым Украине с политическими целями [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1410484> (дата обращения: 18.11.2019).

⁴ См. *Вдовин А. И.* Русская нация в XX веке (русское, советское, российское в этнополитической истории России). — М., 2019.

⁵ См. История Крыма в 2 т. / Под ред. А.В. Юрасова. — М., 2017. Т. 2. С. 639–646.

⁶ См. *Касьянов Г., Миллер А.* Россия — Украина: как пишется история. Диалоги — лекции — статьи. — М., 2011. С. 154–155.

⁷ См. *Медведева Ю. Н.* История празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией // Таврические студии. Сер. Искусствоведение. 2016. № 6 (22). С. 58–63.

⁸ См. *Броновицкая А., Малинин Н., Пальмин Ю.* Москва: архитектура советского модернизма. 1955–1991. Справочник-путеводитель. — М., 2019; *Смирнов, А. А.* Москва — героям 1812 года. — М., 1981; *Его же.* Памятник М. И. Кутузову. — М., 1986; *Кукина Е. М., Кожевников Р. Ф.* Рукотворная память Москвы. — М., 1997; *Максименков Л. В.* Приключения Кутузова в СССР. Леонид Максименков — о номенклатурной борьбе скульптора Николая Томского // Огонек. № 37. С. 48; *Цепляев А. А.* Конная скульптура Москвы. Гиппопластика: историко-краеведческое издание. — СПб, 2014.

⁹ См. *Фёдорова О. В., Фёдоров В. Н.* Бородино в памяти поколений. — Можайск, 2012; *Фёдоров В. Н.* Бородино накануне и в день торжеств в честь 150-летия сражения // «Сей день пребудет вечным памятником...» Бородино. 1812–2012: материалы Международной научной конференции, 3–7 сентября 2012 г. — Можайск, 2013. С. 520–530.

- ¹⁰ См. Мельникова Л. В. и др. Отечественная война 1812 года в культурной памяти России: к 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года. М., 2012.
- ¹¹ См. Бушков А. В. Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года. — Тула, 2012.
- ¹² См. Сабурова Т. А., Родигина Н. И. 150-летний юбилей Отечественной войны 1812 года в СССР: практики коммеморации // Два века в памяти России: 200-летие Отечественной войны 1812 года. — СПб., 2014. С. 91.
- ¹³ См. Геризон М. М. Закат Сталина и Оттепель: управление культурой СССР в 1950-х — начале 1960-х гг. Очерки. — М., 2018.
- ¹⁴ Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991 г.): коллективная монография / Отв. ред. В. В. Журавлев. — М., 2015.
- ¹⁵ См. Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrades: Celebrations in the Time of Stalin. — Bloomington: Indiana University Press, 2000; Рольф М. Советские массовые праздники. — М., 2009.
- ¹⁶ См. Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). — СПб., 2009.
- ¹⁷ См. Україна і Росія в історичній ретроспективі в 3-х т. — Киев, 2012. Т. 2; Гриневич В., Даниленко В., Кульчицкий С. Советский проект для Украины. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://bibook.ru/books/31106/default.htm> (дата обращения: 25.11.2019).
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См. Екельчик С. Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. — Київ, 2008.
- ²⁰ Сергій Екельчик. Імперія пам'яті. Published 15.02.2011 by Костянтин Левін // Litteralis. Гуманітарний огляд. Рефлексії. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.litteralis.com/2011/02/yekechik-empire-of-memory> (дата обращения: 08.10.2019).
- ²¹ См. Екельчик С. Указ. соч. С. 31–32.
- ²² См. В Центральном Комитете КПСС, в Совете Министров Союза ССР, в Президиуме Верховного Совета СССР // Правда. 1953. 9 декабря; Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654–1954). (Одобрены ЦК КПСС.) — М., 1954; Великий подвиг народа. Доклад члена-корреспондента Академии наук СССР В.М. Хвостова на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов // Правда. 1962. 19 октября.
- ²³ См. Академик М. Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. — М.; СПб., 2022; Швец В. А. Дневник [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://prozhito.org/notes?date=%221953-01-01%22&diaries=%5B323%5D> (дата обращения: 09.05.2020); Амитров О. А. Дневник [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://prozhito.org/notes?date=> (дата обращения: 09.05.2020); Селезнёв И. А. Дневник [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://prozhito.org/notes?date=> (дата обращения: 09.05.2020); Дмитриев А. И.

Дневник [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://prozhito.org/notes?date=%221954-01-01%22&diaries=%5B426%5D> (дата обращения: 09.05.2020).

²⁴ Историки о времени и о себе. Дневники академика М. В. Нечкиной // Вопросы истории. 2005. № 10. С. 124–125.

²⁵ См. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 597. Л. 55; «Кутузов сдал наполеоновским войскам Москву со всеми удобствами». (Документы о подготовке к празднованию 150-летия Отечественной войны 1812 года) // Источник. 2003 №1 С.99.

²⁶ См. *Сталин И. В.* Марксизм и вопросы языкознания // Правда. 1950. 20 июня.

²⁷ См. *Костырченко Г. В.* Мертворожденный культ (письмо А. К. Чалдымова к А. Н. Поскрёбышеву) // Родина. 1992. № 10. С. 59–60.

Глава первая. Зеркало первое.

Празднование 300-летия воссоединения Украины с Россией

§ 1. Процесс организации торжеств политический контекст

²⁸ 250-летие присоединения Малороссии // Нива. 1904. № 2. С. 34–35.

²⁹ *Махнырёв А. Л.* 800-летие Москвы: великий праздник после Великой Победы. — М., 2017. С. 18–19, 23–24.

³⁰ Україна і Росія в історичній ретроспективі...

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ См. *Левин С. С.* Награды Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война. Исследования. Документы. — М., 2015. С. 181.

³⁶ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 134а. Л. 17, 20.

³⁷ Там же. Л. 155.

³⁸ *Левин С. С.* Указ. соч.

³⁹ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 134а. Л. 155.

⁴⁰ Цит. по: Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. Т. 3. 1940–1952. / Отв. ред. Г.М. Адибеков, К.М. Андерсон. — М., 2001. С. 334.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 965. Л. 15.

- ⁴² Там же. Л. 20.
- ⁴³ Там же. Л. 7.
- ⁴⁴ Там же. Л. 12.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 190. Л. 28–33.
- ⁴⁶ Там же. Л. 25–27.
- ⁴⁷ Митинг в освобожденном Киеве // Правда. 1943. 3 декабря.
- ⁴⁸ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний... С. 318.
- ⁴⁹ Кульчицкий С. Украинский Крым // День. 2009. 20 февраля.
- ⁵⁰ См. Таубман У. Хрущёв. — М., 2008. С. 194–195.
- ⁵¹ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике 1917–1953 / Сост.: А. Артизов и О. Наумов. — М., 2002. С. 500.
- ⁵² И. В. Сталин. Об антиленинских ошибках и националистических извращениях в киноповести Довженко «Украина в огне» // Искусство кино. — 1990. — № 4. С. 93.
- ⁵³ См. Таубман У. Указ. соч. С. 729.
- ⁵⁴ Цит. по: Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. «Коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Сост. А. Лившин, И. Орлов. — М., 2007. С. 677.
- ⁵⁵ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР 1945–1953 / Сост. О.В. Хлевнюк, Й. Горлицкий — М., 2002. С. 249.
- ⁵⁶ Тростин Е. «Крым — Украине, Киев — столица...» // Историк. Специальный выпуск. Крым. Страницы истории с древнейших времен до наших дней. — М., 2019. С. 342.
- ⁵⁷ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1484. Л. 126.
- ⁵⁸ Там же. Л. 1.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 22. Д. 12. Л. 68.
- ⁶⁰ Там же. Оп. 10. Д. 14. Л. 3.
- ⁶¹ Там же. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1484. Л. 3.
- ⁶² Там же. Ф. 5. Оп. 30. Д. 24. Л. 72.
- ⁶³ Цит. по: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. — М., 1999. С. 46.
- ⁶⁴ Там же. С. 50.
- ⁶⁵ Цит. по: Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк, М. Ю. Прокуменников, В. Ю. Васильев и др. М., 2009. С. 30.
- ⁶⁶ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 125. Л. 38.
- ⁶⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 30. Д. 51. Л. 3.
- ⁶⁸ Цит. по: Региональная политика Н. С. Хрущева... С. 29.
- ⁶⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 6. Л. 40, 41.
- ⁷⁰ Там же. Д. 6. Л. 32–33, 38; Там же. Д. 55. Л. 127; Там же. Ф. 3. Оп. 32. Д. 2. Л. 116–124 об.

- ⁷¹ Там же. Ф. 5. Оп. 30. Д. 6. Л. 40.
- ⁷² Там же. Л. 39.
- ⁷³ Там же. Ф. 3. Оп. 32. Д. 2. Л. 129–132.
- ⁷⁴ Там же. Л. 129–130.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же. Л. 131.
- ⁷⁸ Там же. Л. 132.
- ⁷⁹ Цит. по: *Вдовин А.И.* Русская нация в XX веке (русское, советское, российское в этнополитической истории России). — М., 2019. С. 406.
- ⁸⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 32. Д. 2. Л. 119.
- ⁸¹ Там же. Л. 122.
- ⁸² Цит. по: Региональная политика Н.С. Хрущёва... С. 31.
- ⁸³ *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. — М., 2009. Т. 1. 1945–1964. С. 228.
- ⁸⁴ РГАНИ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 22. Д. 2. Л. 137.
- ⁸⁶ Цит. по: Региональная политика Н.С. Хрущёва... С. 31.
- ⁸⁷ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 427. Л. 101.
- ⁸⁸ 1954-й год, Украина: 300 лет вместе с русским народом. Страницы истории // Российское историческое общество [Электронный ресурс]. — Режим доступа: (дата обращения: 08.11.2023); ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 75. Д. 23. Л. 75.
- ⁸⁹ Цит. по: Лаврентий Берия... С. 356.
- ⁹⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 45. Л. 2.
- ⁹¹ Цит. по: *Шама О.* Инструкции к дружбе. Как 65 лет назад в СССР решили отпраздновать «воссоединение Украины с Россией» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://nv.ua/ukraine/events/instrukcii-k-druzhbe-kak-65-let-nazad-v-sssr-reshili-otprazdnovat-vossoedinenie-ukrainy-s-rossiey-50025921.html> (дата обращения: 24.11.2019).
- ⁹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 427. Л. 71.
- ⁹³ Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 45. Л. 60.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же. Оп. 30. Д. 9. Л. 57–60.
- ⁹⁶ Там же. Л. 56.
- ⁹⁷ Там же. Ф. 99. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.
- ⁹⁸ Там же. Д. 20. Л. 4.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 52. Л. 270.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 267–269.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. 5. Оп. 17. Д. 427. Л. 176–188.
- ¹⁰² В Центральном Комитете КПСС, в Совете Министров Союза ССР, в Президиуме Верховного Совета СССР // Правда. 1953. 9 декабря.
- ¹⁰³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 427. Л. 177–178.
- ¹⁰⁴ Правда Украины. 1954. 7 января.
- ¹⁰⁵ Правда. 1954. 8 января.
- ¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 66.
- ¹⁰⁷ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 278. Л. 13.

- ¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 87.
- ¹⁰⁹ Махнырёв А.Л. 800-летие Москвы... С. 61–62.
- ¹¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 67. Д. 243. Л. 6.
- ¹¹¹ Там же. Л. 135–137; ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 69–71.
- ¹¹² ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 129–130.
- ¹¹³ Там же. Л. 109.
- ¹¹⁴ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 278. Л. 4.
- ¹¹⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 30. Д. 52. Л. 150.
- ¹¹⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 9. Д. 282. Л. 25.
- ¹¹⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 114. Л. 97.
- ¹¹⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 9. Д. 282. Л. 25.
- ¹¹⁹ Киножурнал «Советский спорт». 1954. № 5 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.net-film.ru/film-10170> (дата обращения: 19.10.2019).
- ¹²⁰ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 90. Д. 73. Л. 3; Там же. Д. 85. Л. 1; Социалистический Донбасс. 1954. 13 апреля.
- ¹²¹ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 91. Д. 5. Л. 2.
- ¹²² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 9. Л. 52–55.
- ¹²³ Там же. Л. 60.
- ¹²⁴ Шенников Д.Т. Непримкнувший. — М., 2001. С. 304–306.
- ¹²⁵ РГАНИ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.
- ¹²⁶ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 645. Л. 159; «Практический работник» Георгий Маленков — М., 2021. С. 569.
- ¹²⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 81. Л. 129.
- ¹²⁸ История Крыма... С. 639–646.
- ¹²⁹ Стенограмма заседания Президиума Верховного Совета СССР 19 февраля 1954 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://ukrhst.at.ua/publ/stenogramma_zasedaniya_prezidiuma_verkhovnogo_soveta_sssr_19_fevralja_1954_goda/26-1-0-1010 (дата обращения: 18.09.2019).
- ¹³⁰ См. подробнее: Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб., 2016.
- ¹³¹ Мясников Г.В. Страницы из дневника / Под ред. М.Г. Мясникова и М.С. Полубоярова. — М., 2008. С. 155.
- ¹³² Артазей А. «Будучи первым секретарем ЦК КП(б)У, Хрущев еще в 1944 году предложил передать Крым Украине. После этого его готовы были стереть в пыль» // Факты [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://fakty.ua/128397-buduchi-pervym-sekretarem-ck-kp-b-u-hrucshev-ecshe-v-1944-godu-predlozhit-peredat-krym-ukraine-posle-etogo-ego-gotovy-byli-steret-v-pyl> (дата обращения: 22.02.2020).
- ¹³³ Хрущёв С.Н. Реформатор. — М., 2016. С. 219.
- ¹³⁴ Аджубей А.И. Как Хрущёв Крым Украине отдал... С. 21.
- ¹³⁵ Цит. по: Вольвач П.В. Каким был «подарок Хрущева...
- ¹³⁶ История Крыма... С. 639–646.
- ¹³⁷ Гамов А. Украинский кризис // Комсомольская правда. — 2014. — 20 марта.
- ¹³⁸ Цит. по: «Исключительно замечательный акт братской помощи». Документы и материалы о передаче Крыма из РСФСР в состав УССР // Исторический архив. 1992. №1. С. 44.
- ¹³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 21. Д. 523. Л. 78–80.
- ¹⁴⁰ Вдовин А.И. Указ. соч. С. 409.

- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 52. Л. 96.
- ¹⁴³ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4367. Л. 27.
- ¹⁴⁴ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 88. Д. 2409. Л. 14.
- ¹⁴⁵ Там же. Л. 23.
- ¹⁴⁶ Там же. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4367. Л. 6.
- ¹⁴⁷ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 88. Д. 2395. Л. 8–9.
- ¹⁴⁸ Там же. Л. 1.
- ¹⁴⁹ Там же. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4367. Л. 6.
- ¹⁵⁰ Там же. Д. 4368. Л. 85.
- ¹⁵¹ Там же. Л. 7.
- ¹⁵² Там же. Д. 4366. Л. 133.
- ¹⁵³ Там же. Ф. Р-5446. Оп. 21. Д. 525. Л. 203.
- ¹⁵⁴ Там же. Оп. 88. Д. 2395. Л. 6.
- ¹⁵⁵ Там же. Д. 2409. Л. 22.
- ¹⁵⁶ Там же. Оп. 21. Д. 526. Л. 197.
- ¹⁵⁷ Там же. Оп. 88. Д. 1802. Л. 66.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ РГАЭ. Ф. 7857. Оп. 1. Д. 3855. Л. 2.
- ¹⁶⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 98. Л. 28.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 102.
- ¹⁶² Там же. Ф. 4. Оп. 9. Д. 282. Л. 25.
- ¹⁶³ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 11–13; Ф. А-385. Оп. 46. Д. 6. Л. 2–4.
- ¹⁶⁴ Там же. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 6. Л. 9.
- ¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 21. Д. 526. Л. 203–204.
- ¹⁶⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 50. Л. 87–88.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 87.
- ¹⁶⁸ Правда. 1954. 17 января.
- ¹⁶⁹ Приказ Министра обороны СССР от 22 мая 1954 г. № 75 // Правда. 1954. 22 мая.
- ¹⁷⁰ Правда. 1954. 17 января.
- ¹⁷¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 9. Л. 58.
- ¹⁷² Там же. Ф. 4. Оп. 9. Д. 278. Л. 4.
- ¹⁷³ Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 114. Л. 97.
- ¹⁷⁴ Цит. по: Историк. Специальный выпуск. Крым. Страницы истории с древнейших времен до наших дней. — М., 2019. С. 343.
- ¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 14.
- ¹⁷⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 56. Л. 114–115.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 114.
- ¹⁷⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1055. Л. 101.
- ¹⁷⁹ Там же. Д. 125. Л. 2.
- ¹⁸⁰ Цит. по: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964: в 3 т. / Под ред. А.А. Фурсенко. — М., 2003. Т. 2. Постановления. 1954–1958. С. 25.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Шама О. Инструкции к дружбе...

§ 2. Формирование юбилейной идеологической концепции в программных текстах

¹⁸³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 52. Л. 265.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 30. Д. 9. Л. 52, 53.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Цит. по: Тихонов В.В. Неудавшийся соавтор Сталина. Теория М.В. Нечкиной о двух культурах в «русской буржуазной нации» // Южный Урал: история, историография, источники: межвузовский сборник научных статей. Вып. 7. – Уфа, 2018. С. 118.

¹⁸⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 52. Л. 265.

¹⁸⁹ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущева: в 2 т. / Сост. А.Н. Артизов, Л.А. Величанская и др. — М., 2009. Т. 2. С. 446.

¹⁹⁰ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 297. Л. 2–3.

¹⁹¹ Вдовин А.И. Указ. соч. С. 406.

¹⁹² В Центральном Комитете КПСС, в Совете Министров Союза ССР, в Президиуме Верховного Совета СССР...

¹⁹³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 52. Л. 269.

¹⁹⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 30. Д. 52. Л. 1–29.

¹⁹⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 79. Л. 60, 64.

¹⁹⁶ Там же. Л. 58.

¹⁹⁷ Там же. Л. 61.

¹⁹⁸ Там же. Л. 75.

¹⁹⁹ Там же. Л. 83.

²⁰⁰ Там же. Л. 76.

²⁰¹ Там же. Л. 83.

²⁰² Там же. Л. 63.

²⁰³ Там же. Л. 72.

²⁰⁴ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией... С. 2–5.

²⁰⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 79. Л. 56.

²⁰⁶ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией... С. 4, 13, 18, 22, 25, 27.

²⁰⁷ Там же. С. 25.

²⁰⁸ Там же. С. 29.

²⁰⁹ Цит. по: Кузнецевский В.Д. Ленинградское дело. Советские против русских. Сталинский удар по питерским. — М., 2019. С. 95.

²¹⁰ Там же.

- ²¹¹ Правда. — 1945. — 25 мая.
- ²¹² *Бордюгов Г.А., Бухараев В.М.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. — М., 2011. С. 87.
- ²¹³ *Багиров М.Д.* Старший брат в семье советских народов // Коммунист. 1953. № 3. С. 65, 66.
- ²¹⁴ Там же.
- ²¹⁵ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией... С. 17, 24, 30.
- ²¹⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 79. Л. 92.
- ²¹⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 30. Д. 52. Л. 15.
- ²¹⁸ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией... С. 17.
- ²¹⁹ Там же.
- ²²⁰ ЦГА Москвы. Ф. Р-2411. Оп. 2. Д. 310. Л. 21.
- ²²¹ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 53; Академик М. Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. — М.; СПб., 2022. С. 378.
- ²²² ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 54–55.
- ²²³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 79. Л. 38.
- ²²⁴ Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 286. Л. 1.
- ²²⁵ Там же. Л. 34.
- ²²⁶ Правда. 1954. 23, 30 мая
- ²²⁷ См. подробнее: *Махнырёв А.Л.* 800-летие Москвы... С. 100–101.
- ²²⁸ Известия. 1954. 22, 29 мая.
- ²²⁹ Там же. 22 мая.
- ²³⁰ Киножурнал «Новости дня». 1954. № 31 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.net-film.ru/film-10124> (дата обращения: 19.10.2019).
- ²³¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 52. Л. 168.
- ²³² Известия. 1954. 1 июня.

§ 3. Политико-идеологическое содержание юбилейных мероприятий

- ²³³ Советская культура. 1954. 23 октября.
- ²³⁴ В Центральном Комитете КПСС...
- ²³⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 596. Л. 78.
- ²³⁶ *Поспелов П.Н.* О XXX годовщине со дня смерти Ленина (Доклад на торжественно-траурном заседании в Москве 21 января 1954 г.) // Правда. 1954. 22 января.
- ²³⁷ Правда. 1954. 22 мая.
- ²³⁸ ГАРФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 238.
- ²³⁹ См. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3 т. — М., 1953.
- ²⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 11. Д. 724а. Л. 13.
- ²⁴¹ Киножурнал «Новости дня». 1954. №31 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.net-film.ru/film-10124> (дата обращения: 19.10.2019).
- ²⁴² ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 11. Д. 724а. Л. 13, 48.

- ²⁴³ Касьянов Г., Миллер А. Россия — Украина: как пишется история. Диалоги — лекции — статьи. — М., 2011. С. 154.
- ²⁴⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 52. Л. 269.
- ²⁴⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 17. Д. 450. Л. 103, 104.
- ²⁴⁶ Дмитерко Л. Всенародное торжество // Правда Украины. 1953. 11 декабря.
- ²⁴⁷ Советская идеология дружбы народов // Правда Украины. 1953. 20 декабря.
- ²⁴⁸ Преподавание истории в школе. 1954. № 3. С. 127.
- ²⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 53. Л. 113.
- ²⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 238. Л. 53.
- ²⁵¹ Там же. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 6. Л. 34.
- ²⁵² Там же. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 238. Л. 305.
- ²⁵³ История одного памятника // Огонек. 1954. № 2. С. 32.
- ²⁵⁴ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4366. Л. 1.
- ²⁵⁵ Гамзатов Р. Братство // Огонек. 1954. № 19. С. 8.
- ²⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 157. Л. 34–35.
- ²⁵⁷ Правда. 1954. 17 января.
- ²⁵⁸ ЦГА Москвы. Ф. Р-2411. Оп. 2. Д. 295. Л. 3–41.
- ²⁵⁹ Там же. Л. 140, 152.
- ²⁶⁰ Там же. Л. 42.
- ²⁶¹ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 297. Л. 1.
- ²⁶² ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 146, 148, 154.
- ²⁶³ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 297. Л. 1.
- ²⁶⁴ Знамя коммунизма (Одесса). 1954. 19 мая; Бугская заря. 1954. 15 мая;
- ²⁶⁵ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 8.
- ²⁶⁶ Знамя (Калуга). — 1954. — 19 мая.
- ²⁶⁷ Правда Востока. — 1954. — 22 мая.
- ²⁶⁸ См. Знамя коммунизма (Одесса). 1954. 8 июня–30 июня; Львовская правда. 1954. 19 мая–8 июня.
- ²⁶⁹ ЦГА Москвы. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 130. Л. 8.
- ²⁷⁰ Правда. 1954. 22 мая.
- ²⁷¹ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 98.
- ²⁷² Швец В.А. Дневник [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://prozhito.org/notes?date=%221953-01-01%22&diaries=%5B323%5D> (дата обращения: 09.05.2020).
- ²⁷³ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 6058. Л. 8.
- ²⁷⁴ Там же.
- ²⁷⁵ РГАНИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 31. Л. 63.
- ²⁷⁶ ГА РФ. Ф. А-629. Оп. 1. Д. 828.
- ²⁷⁷ Знамя (Калуга). 1954. 22 мая.
- ²⁷⁸ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4366. Л. 1.
- ²⁷⁹ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 91. Д. 5. Л. 19.
- ²⁸⁰ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 83.
- ²⁸¹ 250-летие присоединения Малороссии // Нива. 1904. С. 34.
- ²⁸² ЦГА Москвы. Р.-2411. Оп. 2. Д. 310. Л. 25, 26.

- ²⁸³ Преподавание истории в школе. 1954. № 3. С. 122.
- ²⁸⁴ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 1403. Л. 41.
- ²⁸⁵ Преподавание истории в школе. 1954. № 3. С. 122.
- ²⁸⁶ ЦГА Москвы. Ф. Р-528. Оп. 1. Д. 1403. Л. 128.
- ²⁸⁷ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4369. Л. 138.
- ²⁸⁸ РГАЛИ. Ф. 2486. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 17.
- ²⁸⁹ См. Социалистический Донбасс. 1954. 18 января; *Резниченко А.* Плакат «Навеки с русским народом» // Советская культура. 1954. 22 мая.
- ²⁹⁰ См. Огонек. 1954. № 20.
- ²⁹¹ См. ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 11. Д. 724а. Л. 17.
- ²⁹² Киножурнал «Новости дня». 1954. № 31 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.net-film.ru/film-10124> (дата обращения: 19.10.2019).
- ²⁹³ *Сабуров М.З.* 37-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. — М., 1954. С. 15.
- ²⁹⁴ *Дмитерко Л.* Указ. соч.
- ²⁹⁵ Советская идеология дружбы народов // Правда Украины. 1953. 20 декабря.
- ²⁹⁶ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 84.
- ²⁹⁷ ЦГА Москвы. Ф. Р-2411. Оп. 2. Д. 310. Л. 22, 26.
- ²⁹⁸ Там же. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 130. Л. 8, 17, 18.
- ²⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 2486. Ед. хр. 9. Л. 17.
- ³⁰⁰ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 111.
- ³⁰¹ См. Праздник вечного братства // Огонек. 1954. № 4. С. 1 и др; Огонек 1954. № 2.
- ³⁰² *Тычина П.* На Переяславской Раде // Огонек. 1954. № 2. С. 8; *Нехода М.* Моя республика // Огонек. 1954. С. 12.
- ³⁰³ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 111.
- ³⁰⁴ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 297. Л. 1–2.
- ³⁰⁵ Там же. Л. 4–5.
- ³⁰⁶ Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени... С. 445.
- ³⁰⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 454. Л. 1.
- ³⁰⁸ Правда. 1951. 2 июля.
- ³⁰⁹ *Сосюра В.* Избранное. — Киев, 1951. С. 181.
- ³¹⁰ *Таубман У.* Указ. соч. С. 220.
- ³¹¹ Там же. С. 133.
- ³¹² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 16. Д. 596. Л. 81–82.
- ³¹³ ГА РФ. Ф. А-629. Оп. 1. Д. 828. Л. 5.
- ³¹⁴ Там же. Л. 14.
- ³¹⁵ Там же. Л. 33.
- ³¹⁶ Там же. Л. 51.
- ³¹⁷ Там же. Л. 69.
- ³¹⁸ Там же. Л. 33.
- ³¹⁹ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 53. Л. 34.
- ³²⁰ Там же. Д. 54. Л. 232.

- ³²¹ Там же. Д. 53. Л. 33.
- ³²² Там же. Д. 53. Л. 32.
- ³²³ Там же. Л. 111.
- ³²⁴ Там же. Д. 3. Л. 86.
- ³²⁵ Там же. Д. 53. Л. 35.
- ³²⁶ Там же. Л. 31.
- ³²⁷ Там же. Л. 34.
- ³²⁸ Там же. Д. 3. Л. 86.
- ³²⁹ Там же. Д. 53. Л. 90.
- ³³⁰ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 238. Л. 2.
- ³³¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 445. Л. 35.
- ³³² Там же. Л. 38.
- ³³³ Там же.
- ³³⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 445. Л. 39.
- ³³⁵ Там же. Л. 40.
- ³³⁶ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 9. Л. 60, 64.
- ³³⁷ Там же. Л. 64.
- ³³⁸ Там же. Л. 62.
- ³³⁹ Правда. 1951. 20 июля.
- ³⁴⁰ *Аджубей А.И.* Те десять лет. — М., 1989. С. 25.
- ³⁴¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 33. Л. 38.
- ³⁴² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 950. Л. 119.
- ³⁴³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 445. Л. 43.
- ³⁴⁴ Там же. Л. 44.
- ³⁴⁵ Там же.
- ³⁴⁶ ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 6. Л. 39.
- ³⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 950. Л. 173.
- ³⁴⁸ Советская культура. 1954. 11 мая.
- ³⁴⁹ *Хрущёв С.Н.* Указ соч. С. 220.
- ³⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 38. Л. 18.
- ³⁵¹ Советская культура. 1954. 11 мая.
- ³⁵² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 427. Л. 173–175.
- ³⁵³ Навеки с русским народом [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rgakfd.ru/catalog/films> (дата обращения: 18.09.2019).
- ³⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 2486. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 17–18.
- ³⁵⁵ См. Социалистический Донбасс. 1954. 24 мая; Знамя коммунизма (Одесса). 1954. 24 мая и др. Приказ Министра обороны СССР от 22 мая 1954 г....
- ³⁵⁶ Україна і Росія в історичній ретроспективі...
- ³⁵⁷ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 91. Д. 5. Л. 2.
- ³⁵⁸ Благородный акт русского народа // Огонек. 1954. № 10. С. 2.
- ³⁵⁹ Незаконная передача Крыма. Телеканал Россия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=nkySG2rmK4E> (дата обращения: 18.09.2019).
- ³⁶⁰ Благородный акт русского народа... С. 2.
- ³⁶¹ Крымская правда. 1954. 17 января.

- ³⁶² Вольвач П.В. Указ. соч.
- ³⁶³ Крымская правда. 1954. 24 мая.
- ³⁶⁴ Цит. по: Маленков. Каталог историко-документальной выставки. — М., 2019. С. 17.
- ³⁶⁵ Артюков А.П. Процесс «мягкой» десталинизации в СССР в 1953–1956 гг. // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. Т. 17. № 3. С. 436.
- ³⁶⁶ Правда. 1954. 1 июня.
- ³⁶⁷ Киножурнал «Новости дня». 1954. № 31 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.net-film.ru/film-10124> (дата обращения: 19.10.2019).
- ³⁶⁸ См. Поспелов П.Н. Указ. соч. С. 2.
- ³⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 238. Л. 299.
- ³⁷⁰ ЦГА Москвы. Ф. Р-2411 Оп. 2. Д. 310. Л. 3, 7, 10, 25.
- ³⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 238. Л. 394.
- ³⁷² ЦГА Москвы. Ф. Р-2411. Оп. 2. Д. 306. Л. 14.
- ³⁷³ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4366. Л. 1.
- ³⁷⁴ Несокрушимое единение партии, правительства, советского народа // Правда Украины. 1953. 11 июля.
- ³⁷⁵ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 282. Л. 25.
- ³⁷⁶ ГАРФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 238.
- ³⁷⁷ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 296. Л. 108.
- ³⁷⁸ Цит по: В Совете Министров СССР, в Центральном Комитете КПСС // О Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. — Л., 1954. С. 3.
- ³⁷⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 9. Л. 58.
- ³⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-5283. Оп. 1. Д. 437. Л. 34–36.
- ³⁸¹ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 297. Л. 2.
- ³⁸² ГА РФ. Ф. Р-5283. Оп. 1. Д. 437. Л. 37.
- ³⁸³ Правда. 1954. 23 мая.
- ³⁸⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30 Д. 52. Л. 132.
- ³⁸⁵ Киножурнал «Новости дня». 1954. № 31 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.net-film.ru/film-10124> (дата обращения: 19.10.2019).
- ³⁸⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 470. Л. 275.
- ³⁸⁷ Касьянов Г., Миллер А. Указ. соч. С. 154.
- ³⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-4459. Оп. 26. Д. 156. Л. 3.
- ³⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 441. Л. 12.
- ³⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 2486. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 28.
- ³⁹¹ Чуковский К.И. О стихотворении Некрасова «На смерть Шевченко» // Огонек. 1954. № 2. С. 26.
- ³⁹² РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 53. Л. 112.
- ³⁹³ 250-летие присоединения Малороссии... С. 35.
- ³⁹⁴ Иннокентий (Леоферов). Храм-памятник на казачьих могилах под Берестечком. (К 300-летию воссоединения Украины с Россией) // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 3. С. 15.

- ³⁹⁵ *Шабатин И.* Православное духовенство в деле воссоединения украинского и русского народов // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 5. С. 37–38.
- ³⁹⁶ *Антонов А.* Церковный праздник // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 4. С. 11–12.
- ³⁹⁷ Там же. С. 12.
- ³⁹⁸ *Касьянов Г., Миллер А.* Указ. соч. С. 154.
- ³⁹⁹ См. *Махнырёв А.Л.* 800-летие Москвы... С. 102; *Он же.* 30 и 40 лет Великого Октября: что отразилось в зеркалах юбилеев революции? — М., СПб, 2019. С. 51–52.

§ 4. Общественные настроения по поводу празднования юбилея

- ⁴⁰⁰ РГАН. Ф. 5. Оп. 30. Д. 52. Л. 101; Социалистический Донбасс. 1954. 19 января.
- ⁴⁰¹ РГАН. Ф. 5. Оп. 30. Д. 52. Л. 101
- ⁴⁰² Там же. Л. 102.
- ⁴⁰³ Там же. Л. 106.
- ⁴⁰⁴ Там же. Л. 104.
- ⁴⁰⁵ См. подробнее: *Махнырёв А.Л.* 800-летие Москвы... С. 114–118.
- ⁴⁰⁶ *Екельчик С.* Указ. соч. С. 263.
- ⁴⁰⁷ РГАН. Ф. 5. Оп. 30. Д. 56. Л. 139.
- ⁴⁰⁸ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 6058. Л. 37.
- ⁴⁰⁹ Там же. Лл. 19–37.
- ⁴¹⁰ Там же. Л. 20, 33.
- ⁴¹¹ Там же. Л. 70, 72, 79.
- ⁴¹² Цит. по: *Рудакова В.* Передача Крыма // Историк. Специальный выпуск. Крым. Страницы истории с древнейших времен до наших дней. — М., 2019 С. 337.
- ⁴¹³ *Вдовин А.И.* Указ. соч. С. 408.
- ⁴¹⁴ Там же. Л. 12, 46, 67.
- ⁴¹⁵ ЦГА Москвы. Ф. Р-2411. Оп. 2. Д. 313. Л. 35, 83.
- ⁴¹⁶ *Селезнёв И.А.* Дневник [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://prozhitto.org/notes?date=%221954-01-01%22&diaries=%5B1809%5D> (дата обращения: 09.05.2020).
- ⁴¹⁷ *Амитров О.А.* Дневник [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://prozhitto.org/notes?date=%221954-01-01%22&diaries=%5B3908%5D> (дата обращения: 09.05.2020).
- ⁴¹⁸ *Дмитриев А.И.* Дневник [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://prozhitto.org/notes?date=%221954-01-01%22&diaries=%5B426%5D> (дата обращения: 09.05.2020).
- ⁴¹⁹ РГАЭ. Ф. 7857. Оп. 1. Д. 4189. Л. 3 об, 13, 31,
- ⁴²⁰ Там же. Л. 27, 32 об.

- ⁴²¹ Там же. Л. 16 об.
- ⁴¹² Там же. Ф. 7857. Оп. 1. Д. 4281. Л. 31 об., 34.
- ⁴¹³ Там же. Л. 44, 55.
- ⁴¹⁴ Там же. Л. 42 об.
- ⁴¹⁵ Там же. Д. 4281.
- ⁴²⁶ *Швец В.А.* Дневник...
- ⁴²⁷ РГАЭ. Ф. 7857. Оп. 1. Д. 4281. Л. 2, 14, 17, 19, 21 об.
- ⁴²⁸ Там же. Л. 14.
- ⁴²⁹ Там же.
- ⁴³⁰ Там же. Л. 25.
- ⁴³¹ Там же. Л. 53.
- ⁴³² Там же. Ф. 7857. Оп. 1. Д. 3856. Л. 8.
- ⁴³³ Преподавание истории в школе. 1954. № 3. С. 125–126; Правда Украины. 1947. 7 сентября; *Махнырёв А.Л.* 800-летие Москвы... С. 138.
- ⁴³⁴ См. Знамя коммунизма (Одесса). 1954. 30 июня; Львовская правда. 1954. 19 мая – 8 июня.
- ⁴³⁵ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 61. Л. 8, 12, 80 об., 157.
- ⁴³⁶ Там же. Л. 80 об.
- ⁴³⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 470. Л. 174.
- ⁴³⁸ *Довженко О.П.* Щоденник. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ukrlib.com.ua/books/printitzip.php?tid=872> (дата обращения: 08.05.2020).
- ⁴³⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 470. Л. 177.
- ⁴⁴⁰ Академик М. Н. Тихомиров... С. 377–379.
- ⁴⁴¹ Там же. Оп. 30. Д. 9. Л. 79.
- ⁴⁴² Научный труд по истории Украины // Правда. 1954. 18 апреля; *Дмитриев С.С.* Дневники: в 4 т. Т.1. 1941–1960 / Подг. текста Е.Н.Мухиной. — СПб., 2023. С. 566.
- ⁴⁴³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 284. Л. 2.
- ⁴⁴⁴ Там же. Л. 3.
- ⁴⁴⁵ Там же.
- ⁴⁴⁶ Там же. Ф. 5. Оп. 17. Д. 470. Л. 169.
- ⁴⁴⁷ См. ГА РФ. Ф. Р-6646. Оп. 1. Д. 356.
- ⁴⁴⁸ Там же. Л. 2.
- ⁴⁴⁹ Там же. Л. 6.
- ⁴⁵⁰ Там же. Л. 3.
- ⁴⁵¹ Там же. Л. 6.
- ⁴⁵² Там же. Л. 5.
- ⁴⁵³ Там же. Л. 15.
- ⁴⁵⁴ Там же. Л. 15–17.
- ⁴⁵⁵ Там же. Л. 16.
- ⁴⁵⁶ Там же. Л. 13.
- ⁴⁵⁷ Там же. Л. 1.
- ⁴⁵⁸ Там же. Л. 14.
- ⁴⁵⁹ Там же.
- ⁴⁶⁰ Там же. Л. 16.
- ⁴⁶¹ *Дмитриев С.С.* Указ соч. С. 569.
- ⁴⁶² *Твардовский А.Т.* Письма о литературе 1930–1970. — М., 1985. С. 92, 399.
- ⁴⁶³ Академик М. Н. Тихомиров... С. 379–380.

§ 5. Проблемы увековечивания памяти о юбилее

- ⁴⁶⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 52. Л. 268.
- ⁴⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 88. Д. 1836. Л. 5.
- ⁴⁶⁶ Киножурнал «Новости дня». 1954. № 32 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.net-film.ru/film-10125> (дата обращения: 18.11.2019).
- ⁴⁶⁷ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 88. Д. 1836. Л. 4–5.
- ⁴⁶⁸ Там же. Л. 9.
- ⁴⁶⁹ Там же. Д. 1837. Л. 4, 7, 9, 10, 12.
- ⁴⁷⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 183. Л. 21.
- ⁴⁷¹ РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 3. Ед. хр. 321. Л. 30.
- ⁴⁷² Там же. Л. 26.
- ⁴⁷³ Там же. Л. 147.
- ⁴⁷⁴ Там же. Л. 73.
- ⁴⁷⁵ Там же. Л. 126.
- ⁴⁷⁶ Там же. Ф. 2082. Оп. 2. Ед. хр. 1968.
- ⁴⁷⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 55. Л. 101.
- ⁴⁷⁸ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 28.09.1961 № 905 «Об устранении излишеств в расходовании государственных и общественных средств на сооружение памятников» / Консультант Плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=28343#02556060182630143> (дата обращения: 10.12.2019).
- ⁴⁷⁹ ЦГА Москвы. Ф. 534. Оп. 1. Д. 480. Л. 123.
- ⁴⁸⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 145. Л. 149.
- ⁴⁸¹ Леонид Поляков: Созидая сердцем и умом. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sibdesign.ru/statyi.php?nomrub=3&nompro=19&in=1> (дата обращения: 18.09.2019).
- ⁴⁸² ЦГА Москвы. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 535. Л. 66.
- ⁴⁸³ РГАЛИ. Ф. 2458. Оп. 8. Ед. хр. 1556.
- ⁴⁸⁴ Генсек Хрущёв. Никита Сергеевич Хрущёв. Биография Хрущёва. Воспоминания сына Хрущёва. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/polk-22/index.htm> (дата обращения: 18.09.2019).
- ⁴⁸⁵ ЦГА Москвы. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 560. Л. 14–16.
- ⁴⁸⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 52. Л. 268.
- ⁴⁸⁷ ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 46. Д. 6. Л. 9.
- ⁴⁸⁸ Правда Украины. 1954. 18 января.
- ⁴⁸⁹ Цапенко М. Триумфальная Арка в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией // Архитектура и строительство. — 1954. — № 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ru-sovarch.livejournal.com/548526.html> (дата обращения: 18.11.2019).
- ⁴⁹⁰ Шелест П.Е. Дневник [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://prozhto.org/notes?date=%221969-01-01%22&diaries=%5B690%5D> (дата обращения: 09.05.2020).

- ⁴⁹¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 52. Л. 268.
- ⁴⁹² *Шелест П.Е.* Дневник...
- ⁴⁹³ РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 1. Ед. хр. 375. Л. 1.
- ⁴⁹⁴ Правда. 1954. 30 мая.
- ⁴⁹⁵ ЦГА Москвы. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 254. Л. 111–114.
- ⁴⁹⁶ Правда Украины. 1953. 1 июля.
- ⁴⁹⁷ Цит. по: В Центральном Комитете КПСС, в Совете Министров Союза ССР, в Президиуме Верховного Совета СССР...
- ⁴⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 88. Д. 1101. Л. 93.
- ⁴⁹⁹ Там же. Л. 94.
- ⁵⁰⁰ Там же. Л. 96.
- ⁵⁰¹ Там же. Л. 116.
- ⁵⁰² РГАЭ. Ф. 7857. Оп. 1. Д. 3850. Л. 85.
- ⁵⁰³ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 88. Д. 1101. Л. 6.
- ⁵⁰⁴ РГАЭ. Ф. 7857. Оп. 1. Д. 3855. Л. 148.
- ⁵⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 21. Д. 524. Л. 287.
- ⁵⁰⁶ Там же. Оп. 88. Д. 1101. Л. 110.
- ⁵⁰⁷ *Зиновьев А.Н.* Ансамбль ВСХВ: Архитектура и строительство. — М., 2014. С. 171.
- ⁵⁰⁸ Там же. С. 210.
- ⁵⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 88. Д. 1100. Л. 49–52, 88.
- ⁵¹⁰ РГАЭ. Ф. 7857. Оп. 1. Д. 3859. Л. 22, 30.
- ⁵¹¹ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4369. Л. 163.
- ⁵¹² Там же. Д. 4366. Л. 123.
- ⁵¹³ *Нефёдов П.В.* Путеводитель по ВДНХ. — М., 2014. С. 156.
- ⁵¹⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 52. Л. 269.
- ⁵¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2458. Оп. 8. Ед. хр. 1288. Л. 13, 36, 91.
- ⁵¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 88. Д. 1850. Л. 2.
- ⁵¹⁷ РГАЛИ. Л. 91.
- ⁵¹⁸ Там же. Л. 85.
- ⁵¹⁹ Там же. Л. 29.
- ⁵²⁰ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 282. Л. 25.
- ⁵²¹ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 88. Д. 1850. Л. 5–7.
- ⁵²² Там же. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4369. Л. 141–147.
- ⁵²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 9. Л. 58.
- ⁵²⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 52. Л. 268.
- ⁵²⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 17. Д. 427. Л. 186.
- ⁵²⁶ *Грабарь И.* Творческая близость // Советская культура. 1954. 22 мая. С. 3.
- ⁵²⁷ Правда. 1954. 22 мая.
- ⁵²⁸ *Васькин А.А.* Сталинские небоскребы: от Дворца Советов до высотных зданий. — М., 2018. С. 147.
- ⁵²⁹ Правда. 1954. 22 мая.

- ⁵³⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 52. Л. 69.
- ⁵³¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1954 года «О переименовании города Проскурова в город Хмельницкий и Каменец-Подольской области в Хмельницкую область» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / Под ред. Ю.И. Мандельштам. — М., 1956. С. 55.
- ⁵³² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 52. Л. 69.
- ⁵³³ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 58. Д. 824.
- ⁵³⁴ Дмитриев А. И. Дневник.
- ⁵³⁵ См. Воссоединение Украины с Россией...
- ⁵³⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 427. Л. 104.
- ⁵³⁷ Там же. Л. 151, 153.
- ⁵³⁸ См. Воссоединение Украины с Россией... Т. 2, 3.
- ⁵³⁹ Воссоединение Украины с Россией... Т. 2. С. 545.
- ⁵⁴⁰ История Украинской ССР. В 2 т. / Под ред. А.К. Касименко. — Киев., 1951. Т. 1. С. 163.
- ⁵⁴¹ Правда Украины. 1954. 18 января.
- ⁵⁴² История Украинской ССР... Т. 1. С. 270.
- ⁵⁴³ История Украинской ССР В 2 т. / Под ред. А.К. Касименко. — Киев., 1954. Т. 2.
- ⁵⁴⁴ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 278. Л. 4.
- ⁵⁴⁵ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4369. Л. 138.
- ⁵⁴⁶ См. подробнее: Махнырёв А.Л. 800-летие Москвы... С. 152–153.
- ⁵⁴⁷ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 9. Д. 282. Л. 25.
- ⁵⁴⁸ История под глазурию. Советский агитационный и тематический фарфор. Каталог. — М., 2012. С. 58.
- ⁵⁴⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 52. Л. 147.
- ⁵⁵⁰ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 86.
- ⁵⁵¹ Там же. Л. 85.
- ⁵⁵² Киножурнал «Новостидня». 1954. №28 [Электронныйресурс].— Режим доступа: <https://www.net-film.ru/film-10121> (дата обращения: 19.10.2019).
- ⁵⁵³ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 11–13.
- ⁵⁵⁴ Там же. Л. 60.
- ⁵⁵⁵ Там же. Л. 85.
- ⁵⁵⁶ Там же. Л. 86.
- ⁵⁵⁷ Там же. Л. 11–13.
- ⁵⁵⁸ История под глазурию... С. 56, 59.
- ⁵⁵⁹ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 4368. Л. 14.
- ⁵⁶⁰ Там же. Д. 4367. Л. 33.
- ⁵⁶¹ Там же. Д. 6058. Л. 1, 41.
- ⁵⁶² История под глазурию... С. 55–60.
- ⁵⁶³ Кукина Е.М., Кожевников Р.Ф. Указ. соч. С. 255; Знамя коммунизма (Одесса). 1954. 16 мая.

Глава вторая. Зеркало второе.

Празднование 150-летия Отечественной войны 1812 г.

§ 1. Процесс организации торжеств политический контекст

- ⁵⁶⁴ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 140. Л. 66–67.
- ⁵⁶⁵ См. *Тихонов В.В.* Историки, идеология, власть в России XX века: Очерки. — М., 2014. С. 116–117.
- ⁵⁶⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 146. Л. 12–14.
- ⁵⁶⁷ Там же. Ф. 4. Оп. 18. Д. 140. Л. 71–72.
- ⁵⁶⁸ Там же. Л. 73.
- ⁵⁶⁹ Там же. Л. 72.
- ⁵⁷⁰ «Кутузов сдал наполеоновским войскам Москву со всеми удобствами»... С. 109.
- ⁵⁷¹ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 126. Д. 92. Л. 22.
- ⁵⁷² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 140 Л. 108.
- ⁵⁷³ Там же. Л. 109.
- ⁵⁷⁴ Там же. Оп. 18. Д. 86. Л. 47.
- ⁵⁷⁵ Там же. Оп. 16. Д. 140. Л. 110.
- ⁵⁷⁶ Там же. Ф. 5. Оп. 33. Д. 197. Л. 68.
- ⁵⁷⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 50. Д. 597. Л. 42–43.
- ⁵⁷⁸ Там же. Л. 42.
- ⁵⁷⁹ Правда. 1962. 7 сентября.
- ⁵⁸⁰ Президиум ЦК КПСС... Т. 1. Черновые протокольные записи. Стенограммы. С. 1121.
- ⁵⁸¹ Там же.
- ⁵⁸² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 947. Л. 32.
- ⁵⁸³ Президиум ЦК КПСС... Т. 3. Постановления. 1959–1964. С. 1005.
- ⁵⁸⁴ *Хрущёв С.Н.* Реформатор. На закате власти. — М, 2017. С. 107.
- ⁵⁸⁵ См. *Таубман У.* Указ. соч. С. 570–571.
- ⁵⁸⁶ *Сабурова Т.А., Родигина Н.И.* 150-летний юбилей Отечественной войны 1812 года в СССР: практики коммеморации // Два века в памяти России: 200-летие Отечественной войны 1812 года. — СПб., 2014. С. 71.
- ⁵⁸⁷ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 140. Л. 57–58.
- ⁵⁸⁸ Там же.
- ⁵⁸⁹ Там же.
- ⁵⁹⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 50. Д. 597. Л. 36–41.
- ⁵⁹¹ Там же. Л. 40.

- ⁵⁹² Там же. Оп. 16. Д. 101. Л. 73.
- ⁵⁹³ Там же. Л. 72–74.
- ⁵⁹⁴ См. подробнее: *Махнырёв А.Л.* 800-летие Москвы... С. 30.
- ⁵⁹⁵ *Сушков А.В.* Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг.: личности и власть. — Екатеринбург, 2009. С. 209; *The Washington Post*. 1962. October, 19.
- ⁵⁹⁶ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 126. Д. 92. Л. 21.
- ⁵⁹⁷ «Кутузов сдал наполеоновским войскам Москву со всеми удобствами»... С. 101.
- ⁵⁹⁸ Там же. С. 103.
- ⁵⁹⁹ Там же.
- ⁶⁰⁰ Там же.
- ⁶⁰¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 597. Л. 65.
- ⁶⁰² Там же. Оп. 16. Д. 101. Л. 74.
- ⁶⁰³ Правда. — 1962. — 19 октября.
- ⁶⁰⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 162. Л. 1, 3.
- ⁶⁰⁵ Президиум ЦК КПСС... Т. 1. С. 1149–1150.
- ⁶⁰⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 160. Л. 78–83.
- ⁶⁰⁷ Правда. 1962. 23 октября.
- ⁶⁰⁸ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 140. Л. 74.
- ⁶⁰⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 18. Д. 89. Л. 44–49.
- ⁶¹⁰ См. *Бочков Е.А.* «В интересах поддержания наших сердечных отношений с Францией...». Участие французских делегаций в мероприятиях, посвященных столетию Бородинского сражения в 1912 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-interesah-podderzhaniya-nashih-serdechnyh-otnosheniy-s-frantsiey-uchastie-frantsuzskih-delegatsiy-v-meropriyatiyah-posvyaschennyh> (дата обращения: 13.08.2019).
- ⁶¹¹ Правда. 1962. 3 сентября.
- ⁶¹² Цит. по: «От Атлантики до Урала»: Советско-французские отношения. 1956–1973 / Науч. ред. Г.Ж. Муллек; сост.: Г.Ж. Муллек (отв. сост.), З.К. Водопьянова и др. — М., 2015. С. 113.
- ⁶¹³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 105. Л. 41.
- ⁶¹⁴ Постановление бюро ЦК КП Белоруссии «О 150-летию Отечественной войны 1812 года» // Архивы Беларуси [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://archives.gov.by/index.php?id=316705> (дата обращения: 18.09.2019).
- ⁶¹⁵ Там же.
- ⁶¹⁶ ГА РФ. Ф. 10010. Оп. 5. Д. 223. Л. 11.

§ 2. Формирование юбилейной идеологической концепции в программных текстах

⁶¹⁷ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 140. Л. 71.

⁶¹⁸ Там же. Л. 70.

- ⁶¹⁹ Там же. Л. 69–70.
- ⁶²⁰ Там же. Л. 59–66.
- ⁶²¹ Там же. Ф. 3. Оп. 16. Д. 101. Л. 72.
- ⁶²² Там же. Оп. 50. Д. 597. Л. 40.
- ⁶²³ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 126. Д. 92. Л. 21.
- ⁶²⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 597. Л. 40; Там же. Оп. 16. Д. 101. Л. 72.
- ⁶²⁵ *Тихонов В.В.* Историки, идеология, власть... С. 119.
- ⁶²⁶ *Геллер И.И.* Моральный кодекс строителя коммунизма. — Иркутск, 1961. С. 7.
- ⁶²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1504. Л. 102.
- ⁶²⁸ Великий подвиг народа // Доклад члена-корреспондента Академии наук СССР В.М. Хвостова на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов // Правда. 1962. 19 октября.
- ⁶²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 197. Л. 55–56.
- ⁶³⁰ XXII съезд Коммунистической Партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. — М., 1962. Т. 3. С. 121.
- ⁶³¹ См. подробнее: *Микоян С.А.* Алексей Снегов в борьбе за «десталинизацию» // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 69–84.
- ⁶³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 194. Л. 69.
- ⁶³³ Там же. Л. 70.
- ⁶³⁴ Там же.
- ⁶³⁵ Там же. Ф. 81. Оп. 1. Д. 117. Л. 32.
- ⁶³⁶ См. подробнее: «Мои стихи — не виноваты». Леонид Максименков ознакомился с рассекреченными письмами Евгения Евтушенко Никите Хрущеву [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3351100> (дата обращения: 07.05.2020). Президиум ЦК КПСС. 1954—1964: в 3 т. / Под ред. А.А. Фурсенко. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. — М., 2003. С. 597–598.
- ⁶³⁷ *Евтушенко Е.* Наследники Сталина. // Правда — 1962. — 21 октября.
- ⁶³⁸ См. подробнее: Иван Денисович в Кремле. Леонид Максименков: как повесть Солженицына попала в повестку пленума ЦК КПСС [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2062599> (дата обращения: 05.05.2020).
- ⁶³⁹ «Кутузов сдал наполеоновским войскам Москву со всеми удобствами»... С. 96.
- ⁶⁴⁰ Там же. С. 98.
- ⁶⁴¹ Там же.
- ⁶⁴² Там же. С. 97.
- ⁶⁴³ Там же. С. 98.
- ⁶⁴⁴ Цит. по: *Тихонов В.В.* Историки, идеология, власть... С. 120.
- ⁶⁴⁵ *Сталин И.В.* Ответ товарищу Разину // *Сталин И.В.* Сочинения. — М, 1997. Т. 16. С. 24.
- ⁶⁴⁶ Кутузов: pro et contra. Образ Кутузова в культурной памяти об Отечественной войне 1812 года: антология / Сост. В.В. Лапина, В.Л. Гончарова. — СПб., 2012. С. 10.

- ⁶⁴⁷ «Кутузов сдал наполеоновским войскам Москву со всеми удобствами»... С. 99.
- ⁶⁴⁸ Там же.
- ⁶⁴⁹ Там же. С. 97–98.
- ⁶⁵⁰ Историки о времени и о себе. Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 122; Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18–21 декабря. – М., 1964. С. 91; ЦГА Москвы. Ф. П-211. Оп. 2. Д. 76. Л. 127.
- ⁶⁵¹ «Кутузов сдал наполеоновским войскам Москву со всеми удобствами»... С. 100.
- ⁶⁵² Цит. по: *Таубман У.* Указ. соч. С. 77.
- ⁶⁵³ См. *Бухерт В.Г.* «При рассмотрении дела ни в чем себя виновным не признал». С.М. Дубровский в 1936–1954 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2. С. 228–240.
- ⁶⁵⁴ См. *Тепляков А.Г.* Иван Данишевский: чекист, авиастроитель, публицист // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 94–97.
- ⁶⁵⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 597. Л. 45.
- ⁶⁵⁶ Там же. Оп. 50. Д. 597. Л. 75.
- ⁶⁵⁷ «Кутузов сдал наполеоновским войскам Москву со всеми удобствами»... С. 102.
- ⁶⁵⁸ Там же. С. 96.
- ⁶⁵⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 158. Л. 66–67.
- ⁶⁶⁰ Правда. 1961. 31 октября.
- ⁶⁶¹ Там же.
- ⁶⁶² Киножурнал «Новости дня». 1962. № 42. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.net-film.ru/film-11156> (дата обращения: 27.10.2019).
- ⁶⁶³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 197. Л. 63.
- ⁶⁶⁴ Великий подвиг народа...
- ⁶⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶⁶ Там же.
- ⁶⁶⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 197. Л. 58.
- ⁶⁶⁸ Великий подвиг народа...
- ⁶⁶⁹ Там же.
- ⁶⁷⁰ Там же.
- ⁶⁷¹ *Мельникова Л.В. и др.* Указ. соч. – С. 289.
- ⁶⁷² Великий подвиг народа....
- ⁶⁷³ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией... С. 3–30.
- ⁶⁷⁴ Великий подвиг народа....
- ⁶⁷⁵ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией... С. 4, 13, 18, 22, 25, 27.
- ⁶⁷⁶ Великий подвиг народа....
- ⁶⁷⁷ Там же.

⁶⁷⁸ Николай Алексеевич Троицкий родился в селе... [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/nodes/9851/troic_kniga.pdf (дата обращения: 21.03.2020 г.)

§ 3. Политико-идеологическое содержание юбилейных мероприятий

- ⁶⁷⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 597. Л. 56.
⁶⁸⁰ Там же. Оп. 16. Д. 101. Л. 72–74.
⁶⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-9547. Оп. 8. Д. 39. Л. 50.
⁶⁸² *Фёдоров В.Н.* Бородино накануне и в день торжеств в честь 150-летия сражения // «Сей день пребудет вечным памятником...» Бородино. 1812–2012: материалы Международной научной конференции, 3–7 сентября 2012 г. — Можайск, 2013. С. 527.
⁶⁸³ Там же. С. 523.
⁶⁸⁴ ГА РФ. Ф. 10010. Оп. 5. Д. 223. Л. 15.
⁶⁸⁵ Историки о времени и о себе. Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2005. № 10. С. 125.
⁶⁸⁶ *Нечкина М.В.* «Вся Россия в поход пошла...» // Правда. 1962. 16 октября.
⁶⁸⁷ *Никулин Л.Н.* России верные сыны // Агитатор. 1962. № 15. С. 20.
⁶⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 482. Л. 292.
⁶⁸⁹ *Сабурова Т.А., Родигина Н.И.* Указ. соч. С. 79.
⁶⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 482. Л. 292.
⁶⁹¹ *Тихонов В.В.* Историки, идеология, власть... С. 118–119.
⁶⁹² *Никулин Л.Н.* Указ. соч. С. 19
⁶⁹³ *Ростунов И.И.* Народные массы в Отечественной войне 1812 года // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 4.
⁶⁹⁴ Цит. по: *Сабурова Т.А., Родигина Н.И.* Указ. соч. С. 74.
⁶⁹⁵ *Тихонов В.В.* Указ. соч. С. 119.
⁶⁹⁶ ЦГА Москвы. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 735. Л. 37, 39.
⁶⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 483. Л. 22.
⁶⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 193. Л. 16.
⁶⁹⁹ *Бескровный Л.Г.* Великий фельдмаршал // Огонек. 1962. № 41. С. 9.
⁷⁰⁰ РГАЛИ. Ф. 2920. Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 18.
⁷⁰¹ Бородинское сражение. (К 150-летию) // Календарь знаменательных и памятных дат. 1962. № 9. С. 23.
⁷⁰² ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 481. Л. 200, 216.
⁷⁰³ 22-й съезд КПСС (17–31 октября 1961 года). Стенографический отчет. 1. — М., 1962. С. 153.
⁷⁰⁴ Бородинское сражение. (К 150-летию)... С. 25–27.
⁷⁰⁵ *Нестеров Е.А.* Продолжение легенды: старостиха Василиса в советской и постсоветской литературе // Историческая экспертиза. 2019 № 1. С. 165.

- ⁷⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 482.
- ⁷⁰⁷ Там же. Оп. 16. Д. 385. Л. 40.
- ⁷⁰⁸ Там же. Оп. 16. Д. 384. Л. 32, 40.
- ⁷⁰⁹ Кутузов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=3S5-02wV6rQ> (дата обращения: 27.05.2020).
- ⁷¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2920. Оп. 1. Ед. хр. 534а. Л. 18.
- ⁷¹¹ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 482. Л. 288.
- ⁷¹² Там же. Оп. 12. Д. 482. Л. 110.
- ⁷¹³ ЦГА Москвы. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 735. Л. 36.
- ⁷¹⁴ Там же. Ф. Р-2931. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.
- ⁷¹⁵ Киножурнал «Новости дня». 1962. № 34. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.net-film.ru/film-11148> (дата обращения: 18.09.2019).
- ⁷¹⁶ ГА РФ. Ф. 10010. Оп. 5. Д. 223. Л. 14–15.
- ⁷¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 143. Л. 12.
- ⁷¹⁸ Млечин Л.М. Фурцева. — М., 2011. С. 349–350.
- ⁷¹⁹ Красная звезда. 1962. 11 сентября.
- ⁷²⁰ РГАЛИ. Ф. 2920. Оп. 1. Ед. хр. 534а. Л. 52.
- ⁷²¹ Вечерний Ленинград. 1962. 3 июля.
- ⁷²² Правда. 1962. 18 октября.
- ⁷²³ Цит. по: Кремлевский кинотеатр: 1928—1953. Документы / Сост. К.М. Андерсон, Л.В. Максименков, Л.П. Кошелева и др. — М., 2005. С. 540.
- ⁷²⁴ Марьямов Г.Б. Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. — М., 1992. С. 47.
- ⁷²⁵ Тихонов В.В. Историки, идеология, власть... С. 117.
- ⁷²⁶ Цит. по: Кремлевский кинотеатр... С. 724.
- ⁷²⁷ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 9. Л. 80.
- ⁷²⁸ Герizon М.М. Закат Сталина и Оттепель: управление культурой в СССР в 1950-х — начале 1960-х гг. Очерки. — М., 2018. С. 9.
- ⁷²⁹ Там же. С. 10–11.
- ⁷³⁰ Там же. С. 37.
- ⁷³¹ Белодубровская М. Не по плану. Кинематография при Сталине. — М., 2020. С. 103.
- ⁷³² Герizon М.М. Указ. соч. С. 37.
- ⁷³³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 131. Л. 84.
- ⁷³⁴ Там же.
- ⁷³⁵ Там же.
- ⁷³⁶ Там же. Л. 83.
- ⁷³⁷ ГА РФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 3837. Л. 56.
- ⁷³⁸ Гусарская баллада [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=929O4WzLRDg> (дата обращения: 06.05.2020).
- ⁷³⁹ РГАЛИ. Ф. 2453. Оп. 4. Ед. хр. 587. Л. 13.
- ⁷⁴⁰ Там же. Ед. хр. 609. Л. 9.
- ⁷⁴¹ Там же. Ед. хр. 605. Л. 7.

- ⁷⁴² Там же. Л. 34.
- ⁷⁴³ Там же. Ед. хр. 587. Л. 3.
- ⁷⁴⁴ Там же. Ед. хр. 609. Л. 11.
- ⁷⁴⁵ Там же. Л. 3.
- ⁷⁴⁶ Там же. Ф. 2920. Оп. 1. Ед. хр. 534а. Л. 18.
- ⁷⁴⁷ Лукин Ю. «Гусарская баллада» // Правда. 1962. 19 октября.
- ⁷⁴⁸ Рязанов Э. Неподведенные итоги. — М., 1997. С. 86–89.
- ⁷⁴⁹ Лукин Ю. «Гусарская баллада»...
- ⁷⁵⁰ Млечин Л.М. Указ. соч. С. 357.
- ⁷⁵¹ Лукин Ю. Указ соч.
- ⁷⁵² Хитрово Н. Полководец и человек // Правда. 1962. 18 октября.
- ⁷⁵³ Киножурнал «Ленинградская кинохроника». 1962. № 30 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.net-film.ru/film-60093> (дата обращения: 27.10.2019).
- ⁷⁵⁴ Приказ Министра обороны СССР от 18 октября 1962 г. № 253 // Правда. 1962. 18 октября.
- ⁷⁵⁵ Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. — М., 2011. С. 169.
- ⁷⁵⁶ Из доклада В. А. Куроедова на Всесоюзном совещании уполномоченных совета 21 апреля 1960 г. // Отечественные архивы. 1994. № 5. С. 62.
- ⁷⁵⁷ Харьюзов Н. «Не нам, не нам, а имени твоему» // Журнал Московской Патриархии. 1947. № 8. С. 15–17.
- ⁷⁵⁸ См. ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 4. Д. 187.
- ⁷⁵⁹ Правда. 1962. 19 октября.
- ⁷⁶⁰ Там же.
- ⁷⁶¹ Там же.
- ⁷⁶² Правда Украины. 1962. 7 сентября.
- ⁷⁶³ Правда. 1962. 19 октября.
- ⁷⁶⁴ ГА РФ. Ф. 10010. Оп. 5. Д. 223. Л. 5.
- ⁷⁶⁵ Правда. 1962. 19 октября.
- ⁷⁶⁶ ГА РФ. Ф. 10010. Оп. 5. Д. 223. Л. 15.
- ⁷⁶⁷ Правда. 1962. 19 октября.
- ⁷⁶⁸ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 214. Л. 34.
- ⁷⁶⁹ ЦГА Москвы. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 735. Л. 39.
- ⁷⁷⁰ Цит. по: Сабурова Т.А., Родигина Н.И. Указ. соч. С. 81.
- ⁷⁷¹ Правда. 1962. 19 октября.
- ⁷⁷² ЦГА Москвы. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 735. Л. 37.
- ⁷⁷³ Нечкина М.В. «Вся Россия в поход пошла...» // Правда. 1962. 16 октября.
- ⁷⁷⁴ Пашков А. 1812 год и уроки истории // Красная звезда. 1962. 26 сентября.
- ⁷⁷⁵ История учит, учит // Крокодил. 1962. № 24. С. 15.
- ⁷⁷⁶ Вечерний Ленинград. 1962. 18 октября.
- ⁷⁷⁷ Красная звезда. 1962. 4 августа.
- ⁷⁷⁸ Вышеславский Л. Таков судьбы закон // Правда. 1962. 18 октября.

- ⁷⁷⁹ Киножурнал «Наш край». 1962. № 17. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.net-film.ru/film-72565> (дата обращения: 27.10.2019).
- ⁷⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 481. Л. 204.
- ⁷⁸¹ РГАЛИ. Ф. 2920. Оп. 1. Ед. хр. 534а. Л. 58.
- ⁷⁸² Кирсанов С. Труба Наполеона // Огонек. 1962. № 41. С. 18.
- ⁷⁸³ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 89. Л. 44–49.
- ⁷⁸⁴ Приказ Министра обороны СССР...
- ⁷⁸⁵ Юбилей войны 1812 года в школе // Преподавание истории в школе. 1962. № 5. С. 22.
- ⁷⁸⁶ РГАСПИ. Ф. 599. Оп. 1. Д. 193. Л. 15.
- ⁷⁸⁷ Правда. 1962. 18 октября.
- ⁷⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-6903. Оп. 12. Д. 481. Л. 209.
- ⁷⁸⁹ Красная звезда. 1962. 6 сентября.
- ⁷⁹⁰ Фёдоров В.Н. Указ. соч. С. 528.
- ⁷⁹¹ Сабурова Т.А., Родигина Н.И. Указ. соч. С. 75.
- ⁷⁹² Правда. 1962. 18 октября.
- ⁷⁹³ Цит. по: Фёдоров В.Н. Указ. соч. С. 529.
- ⁷⁹⁴ Киножурнал «Наш край». 1962. № 17. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.net-film.ru/film-72565> (дата обращения: 27.10.2019).
- ⁷⁹⁵ Правда. 1962. 19 октября; Известия. 1962. 19 октября.
- ⁷⁹⁶ Правда. 1962. 18 октября.
- ⁷⁹⁷ Правда. 1962. 18 октября. Цит. по: Фёдоров В.Н. Указ. соч. С. 529.
- ⁷⁹⁸ Цит. по: Триумфальная арка Юрия Гагарина // Хранители наследия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://hraniteli-nasledia.com/articles/zhivaya-istoriya/triumfalnaya-arka-yuriya-gagarina/?sphrase_id=7974 (дата обращения: 30.09.2019).
- ⁷⁹⁹ Первый космонавт о разрушении Храма Христа Спасителя // Журнал «Фома» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://foma.ru/pervyj-kosmonavt-o-razrushenii-xrama-xrista-spasitelya.html> (дата обращения: 01.10.2019).
- ⁸⁰⁰ Правда. 1962. 19 октября.
- ⁸⁰¹ Там же. 18 октября.
- ⁸⁰² Там же; Киножурнал «Новости дня». 1962. № 42. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.net-film.ru/film-11156> (дата обращения: 27.10.2019).
- ⁸⁰³ Сабурова Т.А., Родигина Н.И. Указ. соч. С. 83–90.

§ 4. Общественные настроения по поводу празднования юбилея

- ⁸⁰⁴ ЦГА Москвы. Ф. Р-2931. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 8, 86.
- ⁸⁰⁵ Всесоюзное совещание о мерах улучшения... С. 503.

- ⁸⁰⁶ ЦГА Москвы. Ф. Р-2931. Оп. 1. Д. 1. Л. 100, 142.
⁸⁰⁷ Правда. 1962. 15 октября.
⁸⁰⁸ ЦГА Москвы. Ф. Р-2931. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
⁸⁰⁹ См. ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 4. Д. 187.
⁸¹⁰ Там же. Л. 2.
⁸¹¹ Там же. Л. 15.
⁸¹² Там же. Л. 14.
⁸¹³ Там же. Л. 12 об.
⁸¹⁴ НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 1267. Л. 45.
⁸¹⁵ Там же. Л. 41–43.
⁸¹⁶ ЦГА Москвы. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 178. Л. 6–10.
⁸¹⁷ См. *Махнырёв А.Л.* 30 и 40 лет Великого Октября... С. 126–127;
 Из дневников историка С.С. Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 3. С. 161.
⁸¹⁸ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 405. Л. 4.
⁸¹⁹ Там же. Л. 7.
⁸²⁰ Там же. Л. 4.
⁸²¹ Там же. Л. 7.
⁸²² Там же. Ф. 2453. Оп. 4. Ед. хр. 620. Л. 16.
⁸²³ Там же. Л. 14.
⁸²⁴ *Бушков А.В.* Указ. соч. С. 175.
⁸²⁵ *Валькович А.* Реконструкция Бородинского сражения. // Передача «Не так». Эхо Москвы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/netak/805503-echo> (дата обращения: 24.10.2019).
⁸²⁶ Историки о времени и о себе. Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2005. № 10. С. 125.

§ 5. Проблемы увековечивания памяти о юбилее

- ⁸²⁷ *Смирнов А.А.* Памятник М.И. Кутузову. — М., 1986. С. 34–38; *Томский Н.В.* Образ великого полководца // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 117–118.
⁸²⁸ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 28.09.1961 № 905 «Об устранении излишеств в расходовании государственных и общественных средств на сооружение памятников» / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=28343#02556060182630143> (дата обращения: 10.12.2019).
⁸²⁹ Там же.
⁸³⁰ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 101. Л. 74.
⁸³¹ Там же. Ф. 4. Оп. 18. Д. 1021. Л. 28.
⁸³² «Кутузов сдал наполеоновским войскам Москву со всеми удобствами»... С. 97.
⁸³³ Там же. С. 98.

- ⁸³⁴ ЦГА Москвы. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 483. Л. 227.
- ⁸³⁵ Там же. Л. 229.
- ⁸³⁶ «Кутузов сдал наполеоновским войскам Москву со всеми удобствами»... С. 102.
- ⁸³⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 158. Л. 2.
- ⁸³⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 18. Д. 95. Л. 4.
- ⁸³⁹ *Максименков Л.В.* Приключения Кутузова в СССР. Леонид Максименков — о номенклатурной борьбе скульптора Николая Томского // Огонек. № 37. С. 48.
- ⁸⁴⁰ Там же.
- ⁸⁴¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 158. Л. 69.
- ⁸⁴² Всесоюзное совещание о мерах улучшения... С. 29, 162; Историки о времени и о себе. Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 122; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 186. Л. 145.
- ⁸⁴³ ЦГА Москвы. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 178. Л. 1–2.
- ⁸⁴⁴ Известия. 1963. 4 февраля.
- ⁸⁴⁵ Там же. 9 февраля.
- ⁸⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 2082. Оп. 2. Ед. хр. 1993. Л. 11.
- ⁸⁴⁷ Там же. Л. 12.
- ⁸⁴⁸ Там же. Л. 25.
- ⁸⁴⁹ Там же. Л. 19.
- ⁸⁵⁰ Там же. Л. 21.
- ⁸⁵¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 597. Л. 107–109.
- ⁸⁵² «Кутузов сдал наполеоновским войскам Москву со всеми удобствами»... С. 105.
- ⁸⁵³ Цит. по: *Максименков Л.В.* Приключения Кутузова в СССР...
- ⁸⁵⁴ Там же.
- ⁸⁵⁵ «Кутузов сдал наполеоновским войскам Москву со всеми удобствами»... 107.
- ⁸⁵⁶ Там же.
- ⁸⁵⁷ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 1021. Л. 28.
- ⁸⁵⁸ *Томский Н.В.* Памятник великому русскому полководцу М.И. Кутузову // Искусство. 1973. № 11. С. 17–18; *Он же.* Образ великого полководца // Военно-исторический журнал. 1962. № 6. С. 116.
- ⁸⁵⁹ *Максименков Л.В.* Приключения Кутузова в СССР...
- ⁸⁶⁰ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 136. Д. 6. Л. 103.
- ⁸⁶¹ «Кутузов сдал наполеоновским войскам Москву со всеми удобствами»... С. 108.
- ⁸⁶² Триумфальная арка Юрия Гагарина...
- ⁸⁶³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 56. Л. 21.
- ⁸⁶⁴ ЦГА Москвы. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 429. Л. 195.
- ⁸⁶⁵ *Максименков Л.В.* Полчаса из жизни Сергея Владимировича Михалкова (Москва, 18 июня 1963 г., 17.00–17.30 часов) // С. Михалков. Самый главный великан. // Биографии и мемуары [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/199119> (дата обращения: 29.11.2019).

- ⁸⁶⁶ Триумфальная арка Юрия Гагарина...
- ⁸⁶⁷ «Кутузов сдал наполеоновским войскам Москву со всеми удобствами».... С. 107.
- ⁸⁶⁸ Там же. С. 108.
- ⁸⁶⁹ ЦГА Москвы. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 3318. Л.130.
- ⁸⁷⁰ Харитонов Е.В. Триумфальные ворота столицы // Московский журнал. 2012. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mosjour.ru/2017062668> (дата обращения: 24.09.2019).
- ⁸⁷¹ Вечерняя Москва. – 1968. – 6 ноября; Московская правда. 1968. 5 ноября.
- ⁸⁷² РГАНИ. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 3227. Л. 89.
- ⁸⁷³ Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний 1965–1967 гг. / Сост. Н.Г. Томилина и др. – М., 2020. С. 176.
- ⁸⁷⁴ Смирнов А.А. Памятник М.И. Кутузову. — М., 1986. С. 41–42.
- ⁸⁷⁵ Горинов М.М. О Москве, о России: узловые проблемы отечественной истории XX века. — М., 2008. С. 391.
- ⁸⁷⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 101. Л. 74.
- ⁸⁷⁷ ЦГА Москвы. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 745. Л. 16.
- ⁸⁷⁸ Кукина Е.М., Кожевников Р.Ф. Указ. соч. С. 265.
- ⁸⁷⁹ ЦГА Москвы. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 747. Л. 99, 104; Там же. Д. 745. Л. 15–16.
- ⁸⁸⁰ Постановление Совмина РСФСР от 31.05.1961 № 683 «Об объявлении Бородинского поля Государственным Бородинским военно-историческим музеем-заповедником» / КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req> (дата обращения: 09.10.2019).
- ⁸⁸¹ Цит. по: Фёдоров В.Н. Указ. соч. С. 520.
- ⁸⁸² Там же. С. 521–522.
- ⁸⁸³ Там же. С. 522–523.
- ⁸⁸⁴ В честь Смоленской иконы Божией Матери храм. Можайский район, Бородино село // Русские церкви [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://russian-church.ru/viewpage.php?cat=moscow_area&page=448 (дата обращения: 09.10.2019).
- ⁸⁸⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 597. Л. 41.
- ⁸⁸⁶ Постановление бюро ЦК КП Белоруссии «О 150-летию Отечественной войны 1812 года»...
- ⁸⁸⁷ ГА РФ. Ф. 10010. Оп. 5. Д. 223. Л. 15–16.
- ⁸⁸⁸ Мельникова Л.В. и др. Указ. соч. С. 174.
- ⁸⁸⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 101. Л. 74.
- ⁸⁹⁰ ЦГА Москвы. Ф. Р-2931. Оп. 2. Д. 2. Л. 22.
- ⁸⁹¹ Там же. Л. 23.
- ⁸⁹² Там же. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 111. Л. 292.
- ⁸⁹³ Там же. Ф. Р-2931. Оп. 2. Д. 2. Л. 25.
- ⁸⁹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 26.
- ⁸⁹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 506. Л. 20–21.
- ⁸⁹⁶ Очерки по истории Музея–панорамы «Бородинская битва» 1912—2002. К 90-летию со дня основания. – М., 2003. С. 64.
- ⁸⁹⁷ ЦГА Москвы. Ф. Р-2931. Оп. 2. Д. 2. Л. 38.
- ⁸⁹⁸ Там же. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 791. Л. 1.
- ⁸⁹⁹ Вечерний Ленинград. 1962. 17 августа.
- ⁹⁰⁰ ЦГА Москвы. Ф. Р-2931. Оп. 2. Д. 2. Л. 39.

- ⁹⁰¹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 1037. Л. 26–28.
- ⁹⁰² ЦГА Москвы. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 735. Л. 3.
- ⁹⁰³ Мельникова Л.В. и др. Указ. соч. С. 218.
- ⁹⁰⁴ Броницкая А., Малинин Н., Пальмин Ю. Москва: архитектура советского модернизма. 1955–1991. Справочник-путеводитель. — М., 2019. С. 54.
- ⁹⁰⁵ Там же. С. 55.
- ⁹⁰⁶ ЦГА Москвы. Ф. Р-534. Оп. 1. Д. 483. Л. 225–227.
- ⁹⁰⁷ Там же.
- ⁹⁰⁸ Там же. Ф. Р-429. Оп. 1. Д. 745. Л. 25.
- ⁹⁰⁹ Там же. Д. 735. Л. 14.
- ⁹¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 791. Л. 12.
- ⁹¹¹ Московская правда. 1962. 21 августа.
- ⁹¹² Юдин М.В. Образ фельдмаршала М.И. Кутузова в отечественной культуре XX в. // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». — 2012. — № 4. — С. 47–48. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/232> (дата обращения: 11.12.2019).
- ⁹¹³ Кутузов сдал наполеоновским войскам Москву со всеми удобствами... С. 97, 99.
- ⁹¹⁴ Улицы Смоленска. Библиографический справочник. — Смоленск, 2008 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://smolensklb.ru/nzs/sites/default/files/books/Smol.pdf> (дата обращения: 18.11.2019).
- ⁹¹⁵ ГА РФ. Ф. 10010. Оп. 5. Д. 223. Л. 15.
- ⁹¹⁶ Советская культура. 1962. 27 августа.
- ⁹¹⁷ Правда. 1962. 19 октября.
- ⁹¹⁸ См. подробнее: Махнырёв А.Л. 800-летие Москвы... С. 146–150.
- ⁹¹⁹ РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 140. Л. 51, 62.
- ⁹²⁰ См. подробнее: Там же. С. 71.
- ⁹²¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 101. Л. 74.
- ⁹²² Отечественная война 1812 года в русском искусстве / Автор аннотаций Н. Труханова; ред. Г. Малянтович. — М., 1962.

Заключение

- ⁹²³ Всесоюзное совещание о мерах улучшения... С. 14.
- ⁹²⁴ См. подробнее: Тихонов В.В. История лоббирования руководством Кабардинской АССР 400-летия «добровольного присоединения» к России // Новейшая история России. 2017. № 4. С. 109–111.
- ⁹²⁵ См. Алексеева Е.П., Калмыков И.Х., Невская В.П. Добровольное присоединение Черкесии к России (к 400-летию) / Под ред. Э.А. Джанибекова. — Черкесск, 1957.

- ⁹²⁶ РГАНИ. Ф. 81. Оп. 1. Д. 507. Л. 30.
- ⁹²⁷ Там же. Л. 20, 22, 25, 25 об., 26.
- ⁹²⁸ См. Штемпель медали «100 лет добровольного вхождения Киргизского народа в состав России 1863–1963 гг.» // Государственный Эрмитаж [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://collections.hermitage.ru/entity/OBJECT/4505089> (дата обращения: 12.01.2020).
- ⁹²⁹ *Фёдорова О.В., Фёдоров В.Н.* Указ. соч. С. 390–391.
- ⁹³⁰ «Кутозов сдал наполеоновским войскам Москву со всеми удобствами»... С. 104.
- ⁹³¹ Правда. 1963. 10 февраля.
- ⁹³² Цит. по: *Логинов В.Т.* В.И. Ленин. Полная биография. — М., 2019. С. 724.
- ⁹³³ *Белютин Э.* Хрущёв в Манеже // Дружба народов. 1990. № 1. С. 142.
- ⁹³⁴ *Вирабов И.Н.* Андрей Вознесенский [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/258446> (дата обращения: 14.10.2019).
- ⁹³⁵ Там же.
- ⁹³⁶ Правда. 1963. 2 февраля.

Послесловие

- ⁹³⁷ См. *Махнырёв А.Л.* 800-летие Москвы... С. 137–138.
- ⁹³⁸ *Размахнин А.* Хрущёв хотел поставить в Москве статую Свободы // Свободная Пресса [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://svpressa.ru/society/article/26713> (дата обращения: 02.11.2019).
- ⁹³⁹ *Вирабов И.Н.* Указ. соч.
- ⁹⁴⁰ *Куртуа С., Верт Н.* Чёрная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии / пер. с франц. — М., 2001. С. 14.

Антон Леонидович Махнырёв

КУДА ДУЛ ВЕТЕР ХРУЩЁВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»?

Взгляд в зеркала двух исторических юбилеев

Корректор *Д. А. Соколова*
Оригинал-макет *А. А. Крыласов*
Дизайн обложки *А. А. Крыласов*

Подписано в печать 21.07.2020. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 17,5. Тираж 100 экз. Заказ № 2084

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 960 243 32 82

300-летие воссоединения Украины с Россией

Обложка номера журнала «Огонек», посвященного юбилею

А. Резниченко. Плакат «Навеки с великим русским народом» (1954).
Из газеты «Советская культура»
от 22 мая 1954 г.

В. Карамзин. Плакат «Спасибо великому русскому народу за наше освобождение!» (1954)

В. Иванов. Плакат «В братской дружбе — наша сила!» (1954)

К. Иванов, В. Корецкий, В. Савостюк,
О. Савостюк, Б. Успенский.
Плакат «Навеки — вместе!» (1954)

А. Антонченко. Плакат «300 лет воссоединения Украины с Россией» (1954)

Встреча главы делегации РСФСР, Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР М.П. Тарасова хлебом-солью на Украине. В центре фото — член делегации маршал С.М. Будённый. Из фондов ГА РФ

Президиум Юбилейной сессии Верховного Совета УССР. Из фондов ГА РФ

Встреча с писателем-партизаном, Героем Советского Союза, генерал-майором П.П. Вершигорой во Дворце культуры Завода им. Сталина (ЗИС) в Москве

На трибуне. М.П. Тарасов (крайний слева). Из фондов ГА РФ

Демонстрация трудящихся на Крещатике в Киеве 23 мая 1954 г.

Демонстрация трудящихся в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией на Красной площади в Москве 30 мая 1954 г.

Закладка Триумфальной арки в Киеве 24 мая 1954 г. Из фондов ГА РФ

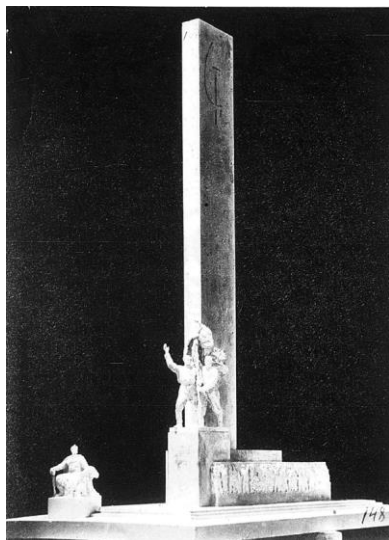
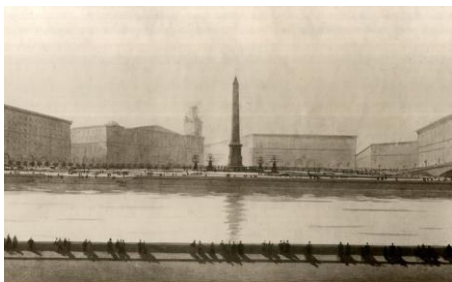
Праздник песни, посвященный 300-летию воссоединения Украины с Россией. Выступление женской группы самодеятельного хора Выксунского металлургического завода. Из фондов Государственного исторического музея (ГИМ)

Проекты памятника в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией на площади Киевского вокзала (1954). Из фондов ГА РФ

*Памятник в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией в г. Переяславе-Хмельницком (УССР), 1961 г.
Скульптор В. Винайкин, архитектор В. Гнездилов*

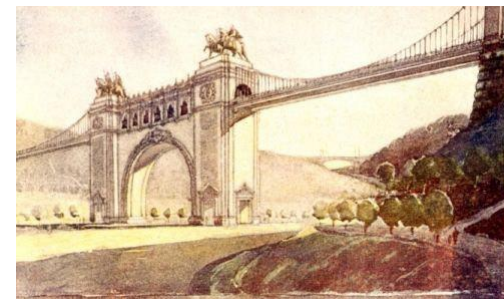

*Проект памятника (1962).
Скульптор Г. Мотовилов,
архитектор Л. Поляков.
Из фондов РГАНИ*

Проекты Триумфальной арки в Киеве (1954)

*Проект «Колос со звездай»
(Москва).
Архитекторы: Ю. Арндт
и др.*

*Проект «Народам – богатырям» (Киев).
Архитекторы: В. Заболотный и др.;
скульпторы: Н. Гаркуша и др.*

*Витраж «Переяславская рада». Художники Г. Боня, В. Давыдов, 1954 г.
Вид из павильона «Украинская ССР» на ВСХВ*

Интерьер павильона РСФСР на ВСХВ с юбилейными вазами (по бокам)

*Ваза «1654 год». Фрагмент пояса вазы «1954 год». Архитектор Н. Эйсмонт,
скульптор М. Литовченко, 1954 г. Павильон «Армения» на ВДНХ*

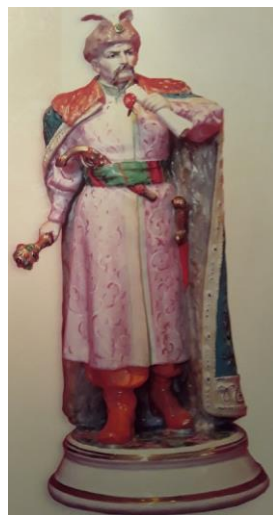
Медаль «В память 300-летия воссоединения Украины с Россией».
Ленинградский монетный двор.
Медальеры В. Акимушкина, А. Резниченко, И. Хотинюк, 1954 г.
Из фондов ГИМ

Юбилейные значки «300 роківвозз'єднання України з Росією» и «300 лет воссоединения Украины с Россией». Московский монетный двор, 1954 г.
Из фондов ГИМ

Почтовые марки из набора «300-летие воссоединения Украины с Россией»:
«Переяславская Рада», «Здание Президиума Верховного Совета УССР, здание Президиума Верховного Совета и Совета Министров РСФСР», 1954 г.

Скульптуры «Украина» (скульптор А. Бржезицкая), «Богдан Хмельницкий» и «Тарас Бульба» (скульптор Н. Пустыгин). Дулёвский фарфоровый завод им. газеты «Правда», 1954 г.
Из фондов Государственного центрального музея современной истории России (ГЦМСИР)

Ваза «300 лет воссоединения Украины с Россией». Дар русскому народу от УССР. Художник В. Иващенко. Коростенский фарфоровый завод, 1954 г. Из фондов ГЦМСИР

Часы с мелодией Государственного гимна СССР. Дар русскому народу от Армянской СССР в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией, 1954 г. Из фондов ГЦМСИР

Юбилейные наборы конфет с изображением Богдана Хмельницкого, картины М. Хмелько «Навеки с Москвой, навеки с русским народом», 1954 г.

Альбом со спичечными этикетками фабрики «Ревпуть», г. Злынка Брянской области, 1954 г.
Из фондов ГИМ

Н. Алексеев. Скульптура «Навеки с Москвой, навеки с русским народом». Ставропольский край, г. Кисловодск, 1954 г.
Из фондов ГЦМСИР

С. Конёнков. Скульптура «В дар Великому Русскому народу в день 300-летия воссоединения Украины с Россией от Карело-финского народа», 1954 г.
Из фондов музея скульптуры С.Т. Конёнкова (Смоленск)

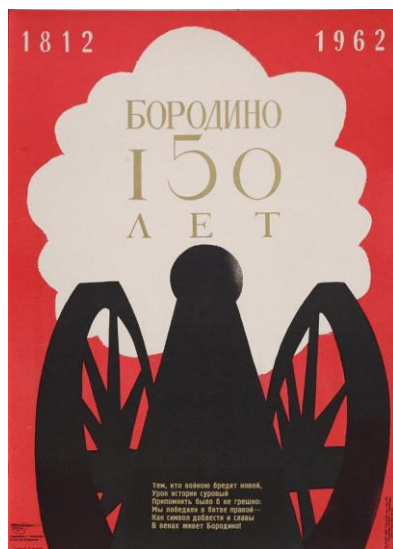
150-летие Отечественной войны 1812 г.

Г. Зубковский. Открытка «150 лет Бородинской битвы», 1962 г.

Кадр из кинофильма «Гусарская баллада»:
Шура Азарова — Л. Голубкина; М.И. Кутузов — И. Ильинский

Г. Ковенчук. Плакат «Бородино 150 лет», 1962 г. Из фондов
Ирбитского государственного музея
изобразительных искусств

Я. Манухин. Афиша к х/ф «Гусарская баллада» (режиссёр Э. Рязанов,
киностудия «Мосфильм», 1962 г.)

«Юбилейный сборник,
посвященный 150-летию Великой Отечественной войны. 1812–1962 гг.».
Каракас, 1962 г.

У Бородинского военно-исторического музея

*Генеральный секретарь Коммунистической партии Франции М. Торез
(в центре)*

Первый космонавт Земли Ю.А. Гагарин

*Министр культуры СССР Е.А. Фурцева с космонавтами Ю.А. Гагариным,
П.Р. Поповичем и А. Г. Николаевым на церемонии открытия
Музея-панорамы «Бородинская битва»*

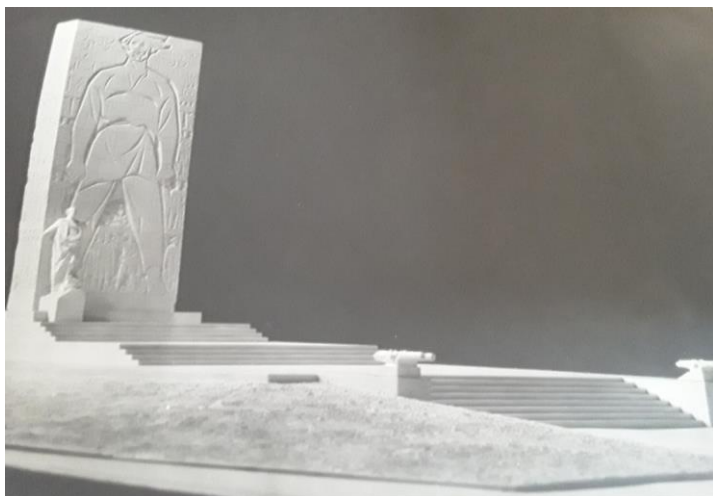

*Е.А. Фурцева посещает Музей-панораму «Бородинская битва»
18 октября 1962 г. Экскурсию проводит директор музея генерал-майор
Н.А. Колосов*

*Премированные проекты Всесоюзного конкурса на сооружение монумента
в ознаменование победы народов нашей страны
в Отечественной войне 1812 г. (1963)*

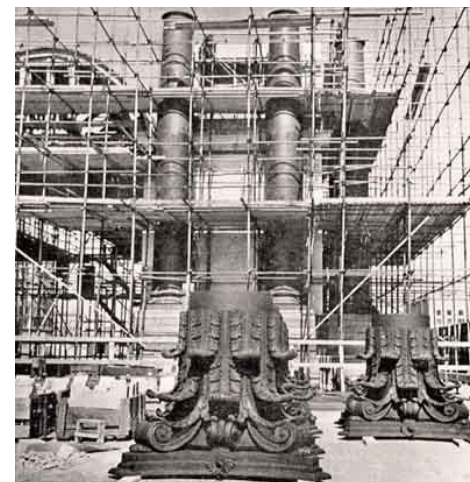
Проект «Мечта». Скульптор Н. Томский

*Проект «Монумент». Скульптор Н. Томский, архитектор Л. Голубовский.
Из фондов РГАНИ*

*Мемориальная доска
московскому народному
ополчению на здании бывших
Хамовнических казарм на
Комсомольском проспекте.
Архитектор К. Кудряшов, 1962 г.*

*Воссоздание Триумфальной арки в Москве
на Кутузовском проспекте.
Архитектор В. Либсон и др., 1968 г.*

*Здание Музея-панорамы «Бородинская битва». Архитектор А. Корабельников
и др., инженер Ю. Аврутин, 1962 г. Памятник «Михаилу Илларионовичу
Кутузову. Славным сынам русского народа, одержавшим победу
в Отечественной войне 1812 года».
Скульптор Н. Томский и др., архитектор Л. Голубовский, 1973 г.*

Горельефы памятника М.И. Кутузову

Горельеф с изображением офицеров

Горельеф с изображением солдат

Горельеф с изображением партизан и народных ополченцев

Медаль «150 лет со дня Бородинского сражения».
Ленинградский монетный двор.
Медальер М. Шмаков, 1962 г.

Медаль «Слава героям Бородина! 1812-1962».
Ленинградский монетный двор.
Медальер А. Филиппова, 1962 г.

Значки к 150-летию Отечественной войны 1812 года. 1962 г.

*Набор почтовых марок «150 лет Отечественной войны 1812 года»
(слева направо): «Барклай-де-Толли. Кутузов. Багратион», «Денис Давыдов
с партизанами», «Бородинское сражение», «Партизанка Василиса Кожина»,
1962 г.*